

В Т Нарезный

Гаркуша, малороссийский разбойник

**Нарежный В Т
Гаркуша, малороссийский
разбойник**

В.Т.НАРЕЖНЫЙ ГАРКУША, МАЛОРОССИЙСКИЙ РАЗБОЙ- НИК

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

ПОВОД К МЕСТИ

Повествователи необыкновенных происшествий!

Всегда ли и все ли вы старались вникнуть в первоначальную причину оных? Ах, как горестно для всякого, не говоря уже для чувствительного человека, видеть, что погибает сочеловек, по промыслу божию снабженный от природы весьма достаточными дарованиями, а потому неоспоримым правом на счастье! Источники злополучия его крылись, с одной стороны, в нем самом, с другой в предметах, его окружающих.

В прекраснейшей стране под российским небом, в пределах украинских, в помещичьем селении жил молодой пастух Гаркуша. Он был статный, дородный молодец и самый сильный из всей деревни. Все девушки заглядывались на Гаркушу, сидели румяные щеки его, черные кудрявые волосы, широкие пле-

чи, крепкие мышцы и не могли не отворачиваться, смотря на его свиту [Свита верхнее шерстяное платье домашней работы. (Примеч.

Нарежного.)], всю в лохмотьях, украшенную дегтярными пятнами, прильнувшими к ним клочками овечьей шерсти, и на постолы [Постолы - род кожаных лаптей, употребляемых частью народа, для которого сшить сапоги дорого], кои казались рыжее глины [В Украине у простолюдинов почитается за щегольство, чтоб обувь сколь можно чаще вымазана была дегтем, а особливо в праздничные дни. (Примечания Нарезного.)]. Он был сирота и беднее всех из деревни. Несмотря на то, самые даже мужчины имели его в почтении.

Никто не мог превзойти его в ловкости на кулачных боях, в проворстве на плясках и в звонкости голоса во время песен. Он играл на гудке и волынке не хуже одноглазого деревенского музыканта, который считался чудом искусства во всей округе.

В Малороссии - так, как и во всем свете, - всякий и всякая, идучи в церковь, наряжаются сколько можно великолепно; а как у бед-

ного Гаркуши и самое праздничное платье было хуже, чем у других будничные, то он редко посещал храм божий, а довольствовался во время священнодействия стоять на паперти и со смирением мытаря творить свои молитвы. От природы, подобно всем малороссиянам, не побывавшим еще на Руси, был он набожен и свято соблюдал правила, переданные ему родителями. Он почитал за великий грех по постам есть скоромное, красть, ласково смотреть на пригожую жидовку-шинкарку и тому подобное.

В конце сентября распустил он стада свои, собрал условленную плату, состоящую в съестных припасах, достаточных на прокорм его и двух бодрых псов чрез целую зиму, да деньгами два рубли, и скрылся в уединенную свою хату. К великому его злополучию, - невольный вздох при воспоминании о сем вылетает из груди моей, - к величайшему его злополучию, скажу я, настал день его рождения и - в день воскресный. Ему исполнилось двадцать пять лет. Гаркуша, как стал себя помнить, всегда посвящал его на славословие божье, служил молебен и после отлично уго-

щал - псов своих, ибо никто из людей не удостоивал его посещением, да он нисколько о том и не печалился.

И на сей раз Гаркуша не отступил от своего правила.

Он чисто-начисто выбрился, закрутил усы, намазал постолы дегтем, надел довольно чистую свиту и отправился в церковь. Он стал у самого крылоса, ибо никого еще там не было, и начал молиться, как умел. Мог ли он подумать, что с того дня, столько для него святого, начнутся его бедствия? Ах! Лучше, стократно было бы лучше, если б он остался дома и готовил обед для себя и косматых своих собеседников!

Мало-помалу церковь начала наполняться народом, наполнилась, и священнодействие началось. Когда Гаркуша со всем усердием творил земные поклоны, то некто из народа толкнул его в спину столь небрежно, что он плотно стукнулся лбом об пол. Поднявшись, он видит подле себя Карпа, племянника своего старосты.

- Посторонись! - сказал тот надменно.

- Некуда! - отвечал Гаркуша. - И всякий

имеет такое же право сего от меня требовать, как и ты.

- Ба! - сказал племянник старосты, - так я равен тебе, негодный?

- Я такой же христианин, - отвечал сей и продолжал молиться; но соперник его шепнул что-то на ухо дьяку Якову Лысому, и сей знаменитый сановник, сошед с крылоса, взял Гаркушу за руку, повел по церкви, потом, выведши за двери, сказал:

- Оставайся здесь, невежа, когда не умеешь смиренно стоять во храме, иначе - ты меня знаешь: покайся во грехе и смирись!

Несмотря на проливной дождь, ветер, град, словом, на все собравшиеся октябрьские непогоды, Гаркуша смиренно простоял на паперти до окончания службы, выждал всех людей и уж хотел вступить в церковь для отслужения молебна, как показался священник со своим причтом.

Сколько ни умолял его Гаркуша воротиться, удвоивал и утроивал обыкновенную плату, тщетно! "Для чего не сказал заранее", - был ответ, и скоро все скрылись.

С стесненным сердцем, со слезами на гла-

зах воротился Гаркуша в свою хижину, и в первый раз ласки верных псов не могли развеселить его. Он отобедал без вкуса пасмурно сел на скамье, и - мщение представилось воображению его в прелестном виде добродетели или сознания своего внутреннего достоинства. "Виноват ли я, - сказано он с видом презрения, виноват ли, что никто из предков моих не был не только старостою, но даже ни сотским, ни десятником? Виноват ли, что я молился господу богу в смурой и старой свите, а противник мой в белой и новой свите толкнул меня в спину? И за то лишать меня лучшего удовольствия отслужить молебн ангелу-хранителю?"

О, это не пройдет вам даром - тебе, пан дьяк Яков Лысый, и тебе, Карп, племянник старосты! И я сумею лишить вас любимых предметов!" Долго рассуждал он о роде отмщения и о способах к достижению оногo. Наконец утвердился в мыслях и произвел в действо свое предприятие.

Глава 2

МЩЕНИЕ

У пана дьяка Якова Лысого была в саду го-

лубятня, и в ней, - как известно было всему селению, - водились лучшие голуби, и Яков Лысый любил охоту сию более всего и охотнее лазил на голубятню, чем вступал в чертоги жида, содержащего шинок, хотя и туда ходил он охотнее, чем на крылос. Чтобы удовлетворить своему вкусу, то он располагал время так: в воскресный или праздничный день - по необходимости - бывал он на крылосе, а после посещал прихожан; и как проживал у него отставной капрал, обучавший крестьянских детей грамоте, то посещениям пана дьяка везде были рады. В понедельник лазил он на голубятню, чистил, выметал перья, переменял корм и питье, сплетал новые соломенные гнезда или чинил старые и любовался, смотря на круги, делаемые козырными в воздухе, или слушая их воркованье. К вечеру собирал своих любимцев, запирал храмину их деревянную задвижкою и спускался наземь. Во вторник с утра входил он во храм жидовский, толковал собравшимся посетителям затруднительные места в ежедневных молитвах, рассказывал о подвигах угодников, о проказах злых духов и о прочем тому подобном, а

за то во весь день ел и пил на счет благочестивых слушателей. Такое препровождение времени пана дьяка Якова Лысого известно было всему селению, а потому и Гаркуше, и на сем-то сведении - покамест - основал он свое мщение.

В числе имущества Гаркуши были у него доморощенные кот и кошка. Сии-то орудия ко мщению запер он в пустой чулан, решившись твердо продержат там три дня, не давая ни куска хлеба. Сколько бедные твари ни кричали, так звонко, так жалобно, - он пребыл непоколебим в своем слове, говоря им в утешенье: "Поститесь, друзья мои, хорошенько! Скоро я доставлю вам богатое разговенье!"

В сумерки третьего дня, когда глубокий мрак покрыл природу, Гаркуша изловил своих великопостников, запрятал в кулек и пошел, куда надобно. Для него ничего не значило перелезть забор и взобраться на голубятню. С трепетом сердца отпер он дверь, впустил туда голодных супостатов, запер, сошел на низ и прибыл домой. Он не мог налюбоваться сам собою за такую замысловатую выдумку. Рассуждая о сем доле, он нечаянно по-

пал на мысль, чтобы к довершению своего удовольствия быть свидетелем поражения дьякова при виде разорения.

Поутру на другой день отправился он к жиду, где застал уже велеречивого витию, рассказывающего о каком-то чудесном происхождении Асмодея. Гаркуша нечувствительно завел речь о голубях и с таким жаром, с таким восторгом превозносил сию охоту, что Яков Лысый умилился. Они попотчевали один другого, и Гаркуша предложил: не продаст ли он пару ему, дабы и он со временем мог наслаждаться подобным благополучием? Хотя и не скоро, однако, видя неотступные просьбы, а особливо двойную плату, ибо Гаркуша давал гривну, когда везде можно было иметь пару за пять копеек, Яков склонился.

- Хорошо! - сказал он, принимая в задаток целый пятак. - Только не сегодня, ибо я по сим дням обыкновенно до ночи не выхожу отсюда. Завтра поутру приходи ко мне, вместе взлезем на голубятню, и ты выберешь.

Того-то и надобно было Гаркуше. Рано поутру посетил он дьяческие палаты, запасшись сверх платы полною сулейкою. Ему хо-

телось привести хозяина в состояние, в котором всякое впечатление чувствуемо бывает несравненно живее, поразительнее. Яков Лысый был немаловажный политик. Видя запас Гаркуши, он поставил на стол пироги, и оба принялись за дело, безумолкно беседуя о голубях. Настал день - и наши охотники отправились за добычею.

Дверь голубятни открыта. Не только мое, но и Мейснерово перо слабо описать весь ужас, поразивший Якова, когда увидел, что две большие кошки бросились к нему под ноги, каждая держа во рту по трепещущему голубю. Они спустились вниз и скрылись в кустарниках. Окаменелый Яков неподвижными глазами смотрел вслед за ними, потом обеими руками ударил себя по лысине и громко возопил:

- О блаженный Исаакий! Возможно ли? Уж не дьяволы ли в образе кошек пришли сюда соблазнять меня?

Неужели и я праведен, что они приняли на себя труд сей?

Посмотрим!

Трепещущими - Яков от горести, а Гаркуша

от удовольствия - стопами вошли они в голубятню. Пол покрыт был опрокинутыми гнездами, разбитыми яйцами, издохшими голубятами и перьями. Из возрастных - иные были загрызены, другие изувечены: кто без ноги, кто без крыла, кто без хвоста. Яков, видя сие бедствие, зарыдал велегласно.

- Это не даровое, - вопиял он, - конечно, какой-нибудь потаенный злодей сочинил мне сию пакость, да примет его сам сатана в свои объятия! Ни одного голубя нет в целости! Ну, приятель! Вот твой пятак назад! Видишь не моя вина, что отступаюсь от своего слова!

- Очень вижу, - отвечал Гаркуша, хладнокровно принимая свой задаток.

Они спустились: Гаркуша пошел к своей хате, а Яков, - коему нечего уже было делать на голубятне, - печально побрел в шинок, где с пролитием многих слез поведал о злосчастьи, сделанном ему демонами, конечно, в отмщение за богоугодную жизнь его!

- И я видел на обратном пути отсюда, - сказал племянник старосты Карп, - это было третьего дня в глубокие сумерки, одного демона,

лезущего через забор твоего сада. Я подошел ближе и узнал его. Он держал в руках кулек с маленькими демонами, которые ужасно мяучили.

Любопытство заставило меня остановиться. Этот рослый демон прошел твой сад и взлез на голубятню, а что там делал, не знаю. Демон сей попросту, то есть по-нашему, называется Гаркушею, а малые демоны по голосу совершенно походили на наших кошек.

Кто изобразит ярость, злобу, бешенство, покрывшие пространное чело Якова Лысого? Пришед в себя, он бросился в дом старосты, поведал ему свой убыток, свое отчаяние и требовал должного правосудия!

Дело само по себе было такой важности, что необходимо должно было произвести немедленное исследование.

Староста течет в сборную хату, созывает десятских и выборных, объявляет им о доносе пана дьяка на Гаркушу и повелевает пред судилище свое представить обвиняемого.

Выборные вскоре явились с Гаркушею, донося, что они застали его хохотавшего, смотря, как коты его забавлялись голубями, при-

чем и сих страдальцев показали, заключив, что и законопротивные кошки были бы также преданы суду, если бы не ускользнули от рук их.

Гаркуша противу таких свидетельств ничего не мог представить в оправданье, посему, яко голубубийца, тать, нарушитель тишины, по мирскому определению изрядно был выстеган лозами и принужден заплатить Якову Лысому в вознаграждение убытка рубль деньгами.

Глава 3

ВДВОЙНЕ НАКАЗАН

Это не то уже для Гаркуши, что быть выведену из церкви. После истязания и заплаты денежной пени он, оставшись один, погрузился в мрачную задумчивость. Темное чувство справедливости вперяло ему, что он, конечно, неправ, обидя дьяка самым чувствительным образом; но ему также казалось, что в вознаграждение убытка довольно было взять с него только рубль; а потому стегание лозами было лишнее, и он считал его неправомерным, а потому достойным отпущения. На сем чувствовании он опять остановился.

В самую мрачную осеннюю ночь Гаркуша вторично переправился в сад дьяка, осмотревшись прежде внимательно, нет ли где опять свидетеля его подвигов. С возможным старанием трудился он в продолжение всей ночи и уже на рассвете воротился в хату свою благополучно. Что же он делал? Он подпилил все лучшие деревья, оставя их на пнях, так сказать, на нитке. Яблони, груши и все, что стоило труда, - истреблено было. Одни кустарники смородины, крыжовнику и прочие пощажены были. Как в такую пору года никто не занимается садом, а особливо в Малороссии, где на попечение одной природы оставляют сады на зимнее время, то и пану дьяку Якову в голову не приходила новая пакость, мщением ему сделанная.

Довольно времени прошло со всех сторон покойно, и Гаркуша терпеливо ожидал исполнения своей мести. В ноябре месяце поднялась сильная буря. Яков Лысый с несколькими гостями сидели в теплой храмине, окнами в сад, и громко рассуждали о чертях и оборотнях. Вдруг раздается в саду ужасный треск, как бы целый дом обрушился.

С трепетом все вскочили с мест, перекрестились и бросились в сад. Кто опишет общее поражение, а особенно хозяина! Лучшая яблоня, валившись с корня, обрушилась на голубятню и ее стащила с собою на землю. Все стояли разинувши рты, как повалилась груша, там опять другая яблоня и еще другая груша, а в скором времени и все деревья попадали на снег. Пан дьяк дрожал от ужаса, жалости и недоумения, которое тем более его поражало, что в соседних садах нигде не видно было подобного опустошения. Он покушался думать, что тут не без вражьей силы, - как один из гостей посмелее других пошел далее, осмотрел одно дерево, там другое, третье, наконец все и, воротясь к изумленным, сказал:

- Видно, пан дьяк намерен завести винокурню, что столько запас дров. Мудрено ли, что деревья падают, когда он подпилит их?

- Как так?

- Посмотри сам!

Все с любопытством бросились смотреть и увидели, что деревья действительно были подпилены.

- Вот задача! - Яков задрожал; глаза его по-

мутились, щеки побледнели. Кто ж бы это со мною сделал? - возопил он болезненно. - Беда за бедою! Недавно бездельник истребил голубей моих, а теперь и голубятня на земле!

- Почему знать, - заметил один из гостей с таинственным видом, - может быть, и это его же дело!

На сем замечании все остановились. Начались словопрения, соглашения и противоречия, а все кончилось тем, что клялись как можно внимательнее примечать за Гаркушею; примечали, но ничего особенного не могли заметить.

Может быть, да и вероятно, многие прежде меня заметили, что праздность и любовь родные сестры. Что делать пастуху в зимнее время? Когда он сыт, согрет, одет и обут, то непременно надобно любить. Многие любители пастушеской жизни повествуют в стихах и прозе, что весна есть самое удобное, самое природное время любви. Может быть, это и правда вообще, но порознь - нет! Кто каждое утро до рассвета должен оставить деревянное ложе свое, собрать блеющих и мычающих собеседников наступающего дня, в тече-

ние которого должен внимательно смотреть за ними, оберегать от волков и следствий собственной ревности, тому по возвращении домой ничто на ум нейдет, кроме насыщения и сна. Но зимою - совсем иначе!

Гаркуша из всех девушек в селении привязался к дочери ткача Марине; не потому, что она была недурна собою и достаточная невеста, но потому, что была невеста Карпа, племянника старосты. Опять ввязалось проклятое мщение, ибо Гаркуша никак не мог забыть, что сей племянник обидою, сделанною ему в церкви, был первою причиною настоящего его несчастья.

Марина была девушка сметливая. Она не хотела отказаться от неуклюжего Карпа, поелику он был богат; но также уклониться от статного, сильного Гаркуши казалось ей неразборчивостью. Да и для чего умная хозяйка не мс жет иметь необходимого в доме своем запаса?

Дело пошло на лад. Взоры Гаркуши были красноречивы, слова сладки, а уверения так обольстительны, что Марина недолго колебалась. Он сулил ей золотые горы и представлял

картину счастливой любви, сопровождаемой спокойствием и довольством, так красноречиво, что в один из тех часов, в которые и строгие отшельники, чтобы удобнее противиться бесовскому наваждению, должны смотреть на сухой остов, есть один хлеб и запивать водою, - что в один из роковых часов Марина, не имевшая понятия об остовах и дите, не могла воспротивиться приманчивому демону плоти и отверзла пламенному Гаркуше все, что только могла отверзть ему. Молчаливый овин был торжественным храмом любви и куча мягкой соломы жертвенником, где принесла она сей богине первую жертву.

Где есть начало, там по обыкновенному ходу природы должны быть продолжение и конец. Начало сделано под благотворным звезд влиянием, продолжение шло наилучшим образом, а конец был - самый обыкновенный. Из сего небольшого предисловия всяк догадается, что посещения овина были не бесплодны, и Марина через несколько недель с плачем повестила своего любезного, что носит уже под сердцем молодого Гаркушу, между тем как свадьба назначена в первый воскрес-

ный день.

- Чего ж тут плакать? - воззвал Гаркуша. - Ты таки и выходи с богом!

- Ах, муж мой тотчас обо всем догадается!

- Да, он сметливый парень!

- Он меня будет бить!

- А я его побью, и за каждую пощечину получит добрую поволочку.

- Но что из того будет?

- Что всегда бывает! Кто охоч бить других, тот и сам должен готовиться быть битым!

- Он спросит об имени моего любовника.

- От тебя будет зависеть, объявить о том или умолчать!

После сего разговора и некоторых взаимных утешений любовники положили до окончания свадьбы оставить овин, дабы в остальное время невеста могла сколько-нибудь исправить беспорядок.

Глава 4

ШИЛА В МЕШКЕ НЕ УТАИШЬ

Гаркуша употребил всю свою политику, дабы Карп пригласил его на свадьбу в числе бояр [Боярин у малороссиян есть холостой дедина, жениха приятель, сопровождающий его

во время свадебных обрядов. (Примеч. Нарезного.)), на что сей более склонился, зная удалство его в игре и пляске. Праздничный день настал и кончился. Жених и невеста стали мужем и женою, и пир поднялся огромный. Большая половина лучших людей из селения тут присутствовали. Гаркуша играл на гудке, как второй Орфей, и вероятно искуснее фракийского, и плясал запорожские пляски. К полуночи, когда мед, пиво и вино ошеломили собеседников и собеседниц, то последние отвели молодую в опочивальню, раздели и уложили в постель; после чего молодой своею собратиею тоже разоблачился, и одни гости воротились продолжать торжество. С четверть часа продолжалось в храмине новобрачных глубокое молчание, как вдруг раздался пронзительный крик, вопль, плач и глухой гул от наносимых полновесных ударов. Гости и гости опрометью бросились к дверям и стали прислушиваться; а Гаркуша, видя, что в случае неустойчивости Марины будет ему беда неминуемая, укрался на двор и пустился бежать - без сомнения домой, чтобы обдумать следствия своего поступка и поискать спосо-

бов выплестись из опасности? Совсем не то! В Малороссии да, думаю, и во многих местах нашей империи - есть поверье, что отец и мать молодой не участвуют в свадебном пире. Они сидят запершись в своем доме, читают молитвы и ждут, как страшного суда, извещения от зятя или его домашних, какую найдена дочь их.

Если в надлежащем порядке, то они дарят вестника, или и двух, щедро потчевают и в радости сердца дожидаются утра; ибо лишь молодые встанут и явятся обществу, то вся ватага идет с торжеством к отцу невесты - и пир снова поднимается. По сему-то обычаю почтенный ткач с супругой и ближними родственниками сидели в своей хате в глубоком молчании. При малейшем шуме они прислушивались, не идет ли желанный вестник. Немного за полночь послышался сильный стук у дверей; все вздрогнули и вскочили.

Ткач перекрестился, отпер двери, и Гаркуша явился с величественным видом. После обыкновенных приветствий он сказал ткачу с улыбкою:

- Хозяин! Если ты хорошенько попотчешь

гостя, то он скажет тебе весть, за которую очень благодарен будешь.

Обрадованный хозяин бросился в другую горницу и вынес оттуда новую шапку. Он подарил ее Гаркуше, а хозяйка поднесла кубок наливки.

- Добрые люди, - сказал Гаркуша, - если вы любите дочь свою Марину, то не теряя времени - пображничать и после можно - спешите к ней на помощь; иначе злодей муж с родством своим убьет ее до смерти! Тогда будете плакать, да поздно!

Окаменелые родители и родственники неподвижными глазами смотрели друг на друга, а Гаркуша, вышед из дому, пустился своею дорогою, не могши нарадоваться успехом своего мщения. Ему и очень жаль было Марины, но он в оправдание свое говорил: "Нет, ничего! Хоть ее и побьют, но дело пойдет своим чередом. Она скоро забудет побои и утешится; но проклятый Карп всякий раз, взглянув на первое дитя жены своей, вспомнит Гаркушу, и кусок хлеба выпадет у него изо рта".

Рано поутру посетил его приятель, пастух

Фома, бывший также на свадьбе, и поведал следующее:

- Гости, потеряв терпение дожидаться окончания побранки между молодыми, выломали двери в опочивальне и все туда ринулись. Они увидели бедную молодую, растянувшуюся на полу, и мужа ее, не щадящего над нею ни рук, ни ног своих. Увидя гостей, он остановился ратовать, дабы перевести дух; после обстоятельно рассказал о своем несчастье и в доказательство сего представил лоскутья от жениной рубахи.

- Она же, - возопил он, - не хочет открыть и имени моего злодея.

Гости и гости подняли ужасный крик, а оттого и не слышали, как вошла другая толпа на двор, а там и в горницу. Мы не прежде опомнились, как услышали позади себя также вопль, оглянулись и ахнули. То был свирепый ткач со своими провожатыми. Первый он поднял дубинку и поразил зятя по макушке, от чего тот растянулся подле своей супружницы. Тут последовало всеобщее поражение.

Матери молодого и молодой, не теряя вре-

мени на пустое болтанье, дали одна другой по доброй пощечине и вцепились в волосы, отцы тому подражали, а мы все - их примеру. Волосы трещали, чубы сделались кармазинного цвета, из глаз текли слезы, а из носов кровь. Бог весть, чем бы это кончилось, если бы премудрый дьяк Яков Лысый не угомонил их речью, какой я отроду не слыхивал. Он из писания доказал, что дело уже сделано и пособить нечем, кроме как сохранением ненарушимой тайны; причем заметил, что дабы обеспечить тайну сию надежным залогом, то родители молодой обязаны дать двойное приданое ее мужу и одарить всех гостей, которые поклянутся не выносить из избы сору. Марина же с своей стороны, дабы доставить мужу случай отмстить за обиду, должна объявить имя своего оболъстителя.

Все одобрили спасительный совет Якова Лысого. Муж первый подал согласие, там сваты и сватья, а наконец и прочие. Одна молодая долго хранила упорное молчание.

Ропот опять начал подниматься, и молодой заблагорассудил было нагнуться, дабы опять вцепиться в косы, как ткач, остановив

его, сказал:

- Не трудись, дорогой зять! Если сия негодница не скажет нам правды, то я первый ощиплю у нее до последнего волосы.

После сего приступили к ней все: кто с угрозами, кто с ласковыми обещаниями, и она сдалась. Когда дрожащими губами произнесла она имя Гаркуши, то у всех остатки волос стали дыбом. Муж побледнел, отцы побагровели, все пришли в такое исступление, как будто бы объявила она, что имела любовную связь с крокодиллом или Змеем Горынычем.

- Ах, он, проклятый! - вскричали и гости и хозяева изо всей силы.

- Возможно ли? - возопил пан дьяк, ударив себя по лысине. - Злодей лишил меня целой голубятни, а тут еще злее напроказил!

Староста, подняв руки вверх, воззвал:

- Не будь я староста, если при первом рекрутском наборе не упеку разбойника!

Словом: ни одного мужчины и ни одной женщины не было, которые бы не предали тебя проклятию; но сколько я мог заметить, то сие было действием зависти. Каждый мужчина, смотря на Марину, досадовал, для чего не

он избран был ею к разрешению уз девства, и каждая из женщин помышляла: для чего не я была на месте Марины?

Мало-помалу все успокоилось. Молодых снова уложили, а сами принялись за веселье, которое и продолжалось до сих пор; теперь же все ринулись на двор ткача продолжать пир и получить подарки; а я бросился к тебе объявить по дружбе все виданное и слышанное. Прощай!

Глава 5

НАКАЗАННАЯ ОПЛОШНОСТЬ

Гаркуша, оставшись один, вместо того чтобы подумать об опасностях, ему угрожающих, не мог нарадоваться мыслью сделаться когда-либо воином. Это состояние нравилось ему преимущественно, но не было никакого способа достичь предмета своих желаний. До сих пор он вел себя так, что помещик его пан Кремень не имел на него никаких жалоб.

Прошел месяц и более после замужества Марины. Начала появляться весна с ее заботами. Нетерпеливый Гаркуша каждую ночь поджидал свою любезную в овине, но тщетно. Хотя связь сию начал он из шалости, но после

сила привычки и время от времени возрастающее чрево Марины поселили в сердце его какую-то нежность и непреодолимое желание обладать ею - если не исключительно, по крайней мере пополам с другим. В церкви, на базаре, где только мог встретиться с прелестницею, делал ей прежние условные знаки глазами и руками - все напрасно! Марина худо на него и глядела. Она или боялась мужа, или нашла в нем нечто такое, чего не имел любовник; как бы то ни было, Гаркуша лишился ее благосклонности и, заметив то обстоятельство, решился, - злой дух опять поймал его в свои сети, решился отмстить за мнимую сию обиду.

В свободное время, ходя по улицам, по базару или сидя в шинке жида, повествовал он всякому любопытному и нелюбопытному, что он не только был доступным любовником Марины во время ее девичества, но что она и матерью будет его дитяти, а не Карпова.

Таковые речи недолго кроются в народе. Они скоро достигли мужнина слуха и жестоко оный возмутили. Снова пристал он к жене с допросами, но храбро был встречен проти-

воречием, ругательством и другими женскими орудиями, употребляемыми с немалою пользою в подобных случаях. Карпу и всему родству ничего более не оставалось, как терпеливо дожидаться времени родин. Мир опять водворился в семействе - но надолго ли? И великие люди на некоторых пунктах делают важные ошибки, то пастуху ли Гаркуше остеречься на всяком случае? В одну из ночей, проведенных им в объятиях Марины в скромном овине, он вздумал усилить любовь ее к себе, рассказав подробно удалства свои и хитрые замыслы. При сем случае главное место занимало истребление голубятни и сада дьякова. Мог ли он подумать, что таковое хвастовство будет для него губительно?

В надлежащее время Марина - после семимесячного супружества благополучно родила здорового мальчика, который, как говорится, был вылитый Гаркуша. Что теперь делать бедной матери, что делать оторопелому мужу, что делать всем родственникам и знакомым? Все чесались в затылках, вздыхали и не знали, за что приняться. Побоями тут уже ничего не сделаешь; одно средство, которым

несколько можно поправить порчу, - есть отмщение обидчику. Но как к нему приступить-ся? Преждевременные роды и сходство лица дитяти с лицом Гаркуши для него ничего не значат. Мало ли что бывает на свете.

Марина - как сказано выше - была женщина сметливая, что в просторечии значит то же, что в дворянском слогe изобразится словом: была женщина политик. Она вдруг нашла способ отвратить от себя наступающую бурю и отмстить Гаркуше за его злодейскую нескромность. По ее зову собираются к ложу роженицы муж, отец, свекор, свекровь и все ближние. Сим-то, пылающим мщением, открывает она, что если хотят достойно покарать своего обидчика, то она знает к тому вернейший способ. Тут объясняет, что истребивший голубятню и сад у дьяка Якова есть один и тот же Гаркуша и сие она готова утвердить в суде под присягою. Слышавшие сие несказанно обрадовались. Тотчас послали за Яковом Лысым, и когда он предстал к сонмищу, Марина и ему то же поведала. Дьяк несколько времени пребыл в великом недоумении, а после, ухватив себя за уши, вскричал:

- Дозволю последнему цыгану оторвать оба уха с корнем, если примерно не отмщу проклятому разбойнику Гаркуше. Возможно ли? Голубятня истреблена, сад попорчен, Марина - и того более!

Посланные десятские схватили ничего не знавшего о том подвижника и в мирской избе приковали к столбу, расположась на другой день произвести суд нелицемерный.

Месяц июль блистал во всем блеске своем. Тщетно бродящие кучи баранов и овец, козлов и коз с ранним утром ожидали своего пастыря, который бы проводил их на пажить. Гаркуша с унынием сердца смотрел в открытое окно на прежних своих собеседников и - стенал; не о том, что он прикован, что постился около суток, но что некоторое неба или ада вдохновенье - он не мог постигнуть того отдельно - говорило в душе его, что скоро, очень скоро он должен будет представить из себя нечто большее, нежели пастуха Гаркушу. Думаю, что никто не постигает в самом начале следствий первых своих ощущений и тогда познает их сколько-нибудь основательно, когда на пути его представится огромная скала,

запрещающая идти сим путем далее. Он должен или воротиться назад - путем обыкновенным, или карабкаться на гору - путем трудным, опасным, необыкновенным, который должен быть для него источником счастья или злополучия. Гаркуша решился лезть на гору, хотя точно предчувствовал, что рано или поздно должен оборваться и низринуться в пропасть.

Мирские судьи собрались. Староста, занявший место председателя, открыл присутствие красивою речью, сочиненною дьяком Яковом Лысым.

Гаркуша слушал против себя обвинение совершенно спокойно, подобясь человеку, которого приговор к казни уже подписан. Когда заседание кончилось тем, что тяжесть преступления не может быть достойно наказана определением мира [Решением мирской сходки. (Примеч. Нарезного.)] и должно все дело представить на благоусмотрение помещика пана Кремня, дабы он по своей власти назначил казнь, достойную заслугам, тогда отковали Гаркушу и торжественно повели ко двору панскому, стоявшему на выгоне.

Глава 6

ПРИМЕРНЫЙ ПОМЕЩИК

Хотя нам до пана Кремня нет теперь особенной надобности, но как он образом жизни своей имел непосредственное влияние на судьбу Гаркуши, то надобно и об нем сказать несколько появственнее. Это был помещик селения, случайно вышедший, как говорится, в люди из толпы тех, кои сделались теперь его рабами. Этот Кремень, по обычаю всех низших, сделавшихся богачами, был низок пред высшими его, зато пред своими несчастными подданными злодей, коему подобного вся тамошняя округа не видала. Он был зол, корыстолюбив, мстителен и дерзок до излишества.

Не полагаясь на верность крестьян своих, он основал жилище вне селения подле густого леса, обнес его высоким забором, верх которого обшил терновыми снопами. В число служителей его собраны были развратнейшие мужчины и распутнейшие девки. Слугами управлял бесчестный сын его, Иван, позор человечества, а служанками - Авдотья, дочь его, до такой степени безбожная, что, будучи двадцати пяти лет, превзошла в мерзостях самых

опытных римлянок второго и третьего века. Старший сын сего пана был урожденный дурак, а меньшей очень еще. молод и только начинал кое в чем подражать брату Ивану. Из сего всякий видит, что дом пана Кремня был Содом, давно достойный пожерт быть пламенем и земным и небесным.

К сему-то могущему пану представлен был на суд несчастный Гаркуша. Пан Кремень сидел на уступах крыльца в китайчатом халате и курил трубку, Толпа крестьян, держа посередине своего связня, окружила властелина.

Яков Лысый, как обиженная особа, красноречиво и подноготно рассказал все злодеяния Гаркуши, свое разорение и требовал наказания и удовлетворения. Староста, десятские и выборные велегласно вопияли, что не могут ужиться с таким злодеем и развратником, а потому он, яко пан их, приложил бы попечение избавить достояние свое от губителя. Пан Кремень, внимательно выслушав обвинения, повелел замолчать. Долго осматривал Гаркушу с ног до головы и, видя его совершенно спокойным, спросил протяжно:

- Правда ли, что на тебя сии доносят?

- Правда!

Пан Кремень приведен был в удивление такую искренностью; ибо ни один обвиняемый так скоро не признавался в вине своей. Тогда он, нахмурия брови, сказал к собравшемуся народу:

- Приходите сюда завтра об эту пору. Я подумаю о способах удовлетворить вашим требованиям; а между тем Гаркуша останется в доме моем под здешним надзором!

Просители, хотя и неохотно, удалились. Пан Кремень, оставшись наедине с Гаркушею, спросил:

- Чего достоин ты по собственному рассуждению?

Гаркуша. Особенной от тебя награды! Я о делах твоих столько наслышался, что решил-ся хотя несколько тебе уподобиться. Подобно тебе, не терплю я обид и готов мстить, сколько окажется во мне силы. Дьяк Яков Лысый и племянник старосты Карп меня чувствительно обидели; я отмстил и тем с ними расквитался.

Пан Кремень (про себя). Этот молодец по моему вкусу: он имеет дух благородный.

(Вслух). Но если ты и подлинно столько храбр на деле, как на словах, то чувствуешь ли себя способным произвести что-нибудь поважнее, нежели пускать кошек в голубятни, подпиливать деревья и беременить девок?

Гаркуша. На все готов отважиться, если только совесть зазирать не будет!

Пан Кремень. А что разумеешь ты под словом совесть?

Гаркуша. Чувство, что я мщу за обиду, а не сам обижаю, накликаюсь на мщение.

Пан Кремень. Хорошо! Я сегодня же доставлю тебе случай быть мстителем, и за меня. Хоть я самовластный властелин твой и могу располагать тобою по своей воле, но я хочу, чтобы мне повиновались доброхотно, а не по принуждению. Если ты поручение мое исполнишь с честью, то не только свободен будешь от всякого наказания, но еще приобретешь мою особенную доверенность. Выслушай, в чем состоит дело. Верстах в десяти отсюда есть селение, принадлежащее пану Балтазару. Этот помещик из немцев.

Владения наши река Псел разделяет. Лет пять тому назад стая гусей его и уток заплыла

на мою воду и - не справедливо ли поступил я, велевши загнать их в мои сараи? Дерзкий Балтазар озлобился, нашел случай и из стада моего отбил десять овец с двумя баранами. Долго будет говорить о всех его нападках, в коих оказывал противу меня свою злобу, и простер ее до того, что, дабы подорвать мои доходы, он на реке Пселе устроил выше моей мельницы о четырех колах свою о двенадцати. Понимаешь ли всю важность обиды? Итак, я на отважность твою возлагаю достойное отмщение. При наступлении ночи, взяв человек шесть из дворовых людей моих, отправишься ты к мельнице обидчика и раскопаешь плотину в удобном месте, дабы и следа обеих не осталось. Мое дело будет вооружить всех вас достаточно.

Гаркуша с восторгом принял предложение и клялся, что произведет мщение в действо, хотя бы по сту чертей оберегало каждый кол и хотя бы мельник был крестным сыном водяного дедушки.

Начало смеркаться. Пан Кремень поднес Гаркуше и шести выбранным головорезам по стакану водки и, вручив по сабле и по паре

пистолетов, отпустил с благословением, уверяя как можно стараться, чтоб никто не проведал о их предприятии, ни даже из жителей своего селения. Они, запасшись сверх оружия ломami, заступами и топорами, отправились на свой подвиг.

В первый раз в жизни Гаркуша увидел себя из предводителя быков, козлов и баранов предводителем людей. Гибельное чувство властолюбия, подобно электрической искре, потрясло в основании душу его. Кровь закипела в жилах, глаза запылали. Я уверен, что и Александр Македонский не с большим самонадеянием оставлял свои пределы, дабы вторгнуться в персидские. К несчастью, сие чувство, поселясь единожды в душе человека, редко его оставляет и почти всегда сопровождает до самой могилы. Если бы Гаркуша был в числе бродяг, прибывших первоначально в новооткрытую Америку, то едва ли бы уступил, если не перещеголял еще знаменитых разбойников Кортеса и Пизарра.

Глава 7

ПЕРВОЕ УДАЛЬСТВО

Около полуночи остановился Гаркуша на

берегу реки.

Мельница Балтазарова была уже в виду. Тут по приказанию его все спутники натерли лица и руки принесенною сажею, пришили в приличных местах к платью бычачьи хвосты и отправились на промысел. Все было тихо, везде покойно. Они перешли плотину доловины и главный запор вынули. Вода, будучи доселе наравне с берегами, хлынула с ужасным стремлением. Колеса, жернова, все задвигалось, затрещало, все пошло вверх дном. Устрашенный мельник, выскочив на плотину, крестился и читал громогласно молитвы для прогнания демонов, ломающих мельницы. В то время Гаркуша с товарищами стояли уже на своем берегу реки, радуясь первой удаче и разрывая весьма усердно плотину, что, так сказать, в один миг и исполнили.

На сей неслыханный шум и треск несколько крестьян, привезших по вечеру хлеб для помолу и спавших в ближнем перемехе, прибежали к берегу и, видя там более полдюжины дьяволов, окаменели от ужаса. Гаркуша спросил их охриплым, сиповатым голосом: что они за твари, что в такое время и в таком

месте, которое искони принадлежит собственно ему с товарищами, осмелились предстать пред ними? Бедные крестьяне, собравшись с духом, бросились от них опрометью вдоль берега, прося помощи у всех святых. Гаркуша для наведения на них большего страха погнался с товарищами вслед за ними, крича, свистя, каркая, бляя и лая. И самый несусеверный крестьянин пришел бы в трепет от такой адской музыки. Скоро увидели они подле набережных кустарников несколько телег, накладенных хлебом, и стреноженных лошадей, вблизи пасущихся. Гений Гаркуши воспламеняется. Он приказывает троим товарищам продолжать погоню с прежними завываниями по крайней мере на версту и после как можно поспешнее возвратиться; а сам между тем с другими тремя бросились к лошадям, переловили, впрягли и ожидали возвращения прочих. А чтобы удостовериться более, что дело сие не есть человеческое, они с каждого воза сняли по мешку, разрубили их на части и на довольное пространство рассеяли рожь и пшеницу, лоскутья мешков бросили у берега, а несколько в воду. Также у лоша-

дей подстригли несколько хвостов и грив и с частями сих украшений то же сделали. Преследователи, возвратясь, донесли, что они загнали беглецов в тростники, буераки и трущобы, откуда, вероятно, до рассвета они не вылезут. После сего, севши на телеги, спокойно отправились окольною дорогою к дому своего пана.

Что касается до представления из себя водяных чертей, то это был обдуманый план Гаркуши; но поступок с крестьянами, о которых он нимало и не думал, должно приписать творческой силе воображения, присутствию духа и дерзости. Чего можно ожидать от теперешнего новичка Гаркуши, когда он сделается настоящим искусником в своем деле?

На рассвете дня витязи ввалились на задний двор панский. Пан Кремень, яко деятельный человек, редко просыпал зарю утреннюю. Узнав о прибытии исполнителей справедливой воли его, он поспешил на гумно. Увидя их в таком наряде, он немало подивился. Но когда Гаркуша с жаром и красноречием рассказал по порядку происшествие и указал

на четыре воза с хлебом и на стольких же коней, то пан Кремень так восхитился, что едва удержался, чтобы не обнять изобретателя сей новости. Он обещал им вскорости прислать сытный завтрак и позволил спать до самого вечера, в которое время явиться для принятия дальнейших приказаний. Уходя в свою комнату, он произнес со вздохом:

- Жаль, что такой храбрый и расторопный малый не дворянин! Хотя бы он был беднейший из наших шляхтичей, я не усомнился бы выдать за него дочь мою Авдотью. Чего бы не наделал я с таким зятем?

Глава 8

ПРАВОСУДИЕ

Вскорости бдительный дьяк Яков Лысый со вчерашнею сволочью явился во дворе панском, представлен пред судию грозного, произнес вчерашнюю речь и по-вчерашнему требовал правосудия и удовлетворения.

- Это дело, - отвечал пан, - рассмотрел я подробно, вошел во все обстоятельства и считаю Гаркушу не столько виновным, как вы показываете, а напротив, еще обиженным, и удивляюсь, что он не требует от меня должно-

го над вами правосудия. Во-первых: ты, бездельник Карп, толкнул Гаркушу в церкви. Знаешь ли, какой это тяжкий грех?

Вместо того чтобы смиренно просить извинения, ты начал невежничать и браниться. Ты же, корыстолюбивый дьяк Яков Лысый, вместо того чтобы по долгу своему вывести из храма зачинщика брани Карпа, ты вывел невинного Гаркушу? Знаешь ли, что сказано в писании? Не взирайте на лица богатых и бедных не обидите! Во-вторых: все вы знаете, что и маленький щенок огрызается, когда его дерут за ухо, а большой кобель и укусит. Как же можно было Гаркуше не отомстить за себя в обиде, всенародно ему нанесенной? Видите все, что дьяк Яков Лысый сам был причиною опустошения своей голубятни. В-третьих: Карп, видя таковое похвальное дело Гаркуши, вместо того чтобы сохранить должное молчание и радоваться, что не ему отомстили, донес о том по начальству, и Гаркуша был наказан вдвойне, телесно и душевно, ибо умные люди считают деньги другою душою в человеке. Судите сами, справедливо ли это? В-четвертых: Гаркуша разрешил узы девства у невесты

Карповой! Это похвально! Истинная экономия требует, чтобы не запускать долгов, ибо они пропасть могут, и так они только расквитались. Но дьяк Яков Лысый оставался еще в долгу, и довольно важном. Гаркуша подписал деревья в саду его; сего требовала строгая справедливость. Ведь чего-нибудь стоят спи-на Гаркуши и рубль денег! Вы теперь все квиты, и я строго запрещаю - под опасением моего гнева и моих арапников возобновлять вражды и неустройства. Я думаю, что и сам царь Соломон не иначе рассудил бы это дело.

Произнесши слова сии с величайшею важностью, он вышел. Долго просители стояли безгласны, смотря друг на друга и не веря своему слуху. Наконец, утерши пот, в который их бросило, и почесавши затылки, побрели они с панского двора повеся головы. К пущему их бешенству Гаркуша в самый полдень, имея бриль набекрень, разгуливал по селению, попевал весело и громко посвистывал.

Перенесемся теперь в село Балтазарово. С великим недоумением слушал он повесть мельника о ночном ратоборстве ночных дьяволов с его мельницею. Прочие крестьяне с

плачем то же подтверждали, доказывая, что те же злые духи поели их лошадей, хлеб и самые телеги, что видеть можно было из огрызков.

По довольном обдумывании пан произнес со вздохом:

- Неужели я в целой здешней округе грешнее всех дворян, что нечистая сила на меня одного обрушилась?

Хотя я и не смею назваться праведником, ибо это дело закрытое, однако могу по сущей справедливости сказать, что сосед мой Авраамий Кремень грешнее всякого грешника! О тезоименитый мне угодник! Какой луч разума поразил меня прямо по лбу? Не от злобы ли сего заклятого я терплю новые пакости? Так! И сомневаться нечего!

Много ли, по-вашему, было нечистой силы?

- Тьма-тьмущая! Целый берег наполнен был - с нами крестная сила! Какие же страшные! Черны, как сажа, а хвосты - о господи - совершенно бычачьи!

Пан Балтазар вторично задумался, и как он был от природы более молчаливого, неже-

ли болтливого свойства, то не менее как через четверть часа произнес следующее:

- Готов побожиться, что страх удвоил или утроил всякий предмет в глазах ваших. Чтобы нам узнать настоящую истину, приказываю тебе, мельник, и всем вам, обиженным, запасшись на три дня кормом, тихомолком идти в лес, окружающий вертеп пана Аврамия, и как можно внимательнее примечать, не перенесли ли туда дьяволы чего-нибудь от хлеба, телег и лошадей ваших? Если предвещание мое сбудется, то уверяю вас панскою честью, что все мы не останемся без отмщения!

Глава 9

НЕ ТАК ВЫШЛО, КАК ДУМАЛОСЬ

Два дня прошли, и подданные пана Балтазара, сидя в труппе недалеко от дома пана Аврамия, ели, пили, спали и, проснувшись, недоумевали, почему они ничего особенного не видят? Мельник, будучи по обыкновению догадливее прочих, с важностью заметил, что, по-видимому, они вместо трех назначенных дней просидят и три месяца, если волк или медведь не заманят туда охотников, и

что, не вышедши на свет, они в потемках ничего не увидят. Таковое замечание принято было с должным уважением, и наши лазутчики, оставя на своем логовище одного с ружьем для охраны припасов от зверей и хищных птиц, пошли украдкою к выходу из лесу. Едва они высунули носы изза деревьев, как невдалеке увидели кучу верховых и стаю собак. Мгновенно прилегли они в кустарнике, в надежде, что охотники скоро проедут. Когда те приблизились на такое расстояние, что можно было отдельно различать предметы, то пораженные соглядатаи узнали страшного пана Кремня, окруженного псарями, и под некоторыми из последних - своих коней. Хотя хвосты и гривы были у них пристрижены, однако бедняки не могли ошибиться в прежних своих сотрудиках. Они бы подняли сильный вопль, а может быть, и целое сражение, если бы то был не всеужасный пан Кремень с своими витязями, коих считали могущественнее чертей, а особливо когда ими сам предводительствовал, - так обыкновенно они изъяснялись, говоря о пане Аврамии, который славился удалее самого Вельзевула. Посему удо-

вольствовались тяжким вздохом; мельник дал знак, и все, прилегши ниц, притаили дыхание. Таковая мудрая предосторожность не послужила им на сию пору в пользу. Резвые собаки, играя по сторонам дороги, нашли лазутчиков и подняли страшный лай и вой. Вдруг охота остановилась, и пан Кремень, взводя курок, сказал:

- Ребята! Будьте осторожны! Может быть, дикий зверь! Какое же счастье!

Однако, сколько собаки ни приставали, дичина не являлась, пока одна из них не укусила мельника в ногу.

"Чип!" [То же, что цыц. (Примеч. Нарезного.)] - заревел сей, и пан Кремень вскричал:

- Разбойники! Смотрите, чтоб не ушел ни один!

Витязи окружили кустарник и только лишь хотели спешиться, как притаившиеся, видя, что молчанием не отбоярится, встали, распрямились, сделали земной поклон пану и только разинули рты, чтобы промолвить слово, другое, как грозный Аврамии воззвал:

- Свяжите бездельников; впредь воровать не станут!

Пленники были скручены и с торжеством ведены на задний двор панский, где обыкновенно производились дела, требующие особой тайности. Тут-то пан Кремень, окруженный толпой псарей, воссел на ячменный сноп и голосом Пилата спросил:

- Где же вы разбойничали? Много ли у вас товарищей? Сколько украденных денег и вещей? Где все то хранится? Где и кто атаман ваш?

- Высокомочный пан! - отвечал мельник с трепетом. - Мы не разбойники, а подданные пана Балтазара. После того как я, мельник, донес ему о разорении мельницы и пропаже хлеба и коней сих бедняков, что все мы приписали - ибо мы православные - злобе водяных бесов, пан нас разуверил, приписывая всю пакость сию тебе, и приказал подстеречь, не окажется ли чего из пропавших животов у тебя. Он пророчил правду. Этот гнедой мерин точно принадлежит вот этому Кузьме; эта пегая кобыла - этому Фоме; этот буренький...

- Бездельник! - вскричал пан Кремень с гневом. - Как смеешь ты передо мною сплетать такую ложь? Все ли вы здесь?

- Нет! - отвечал уstraшенный мельник. - Там, в лесу, стережет наши дорожные кисы товарищ Демьян.

- Приведите и его сюда со всем разбойничьим снарядам, какой при нем сыщете!

Четверо псарей, провожаемые одним из пленных, отправились в лес, а между тем Авраамии приказал всех остальных обыскать старательно. Чего искать? На каждом из них было по рубахе, портах, постолах и гаману [Гаман - кожаная сумка, в коей хранится табак, трут и огниво.

(Примеч. Нарезного.)] с тютюном. Пан Кремень и сам очень знал, что более ничего не сыщет, но он был великий политик и ни одного случая не опускал, где бы можно было извлечь свою пользу! Скоро привели сберегателя лесной трущобы и принесли ружье, нож, кису со съестным запасом и мешок с верхним платьем.

- Ба, ба! - вскричал пан Кремень. - Видно, вы не на короткое время расположились разбойничать в моих местностях? Какое же ружье! Словно добрая пушка! А нож!

Настоящий палаш!

Тут началось следствие по форме. Узники чистосердечно поведали все, что знали. Авраамий, выслушав их с притворно недоверчивым видом, сказал, оборотясь к псарям:

- Как бы нам добратся правды?

- Если рабу твоему дозволено будет промолвить слово, - отвечал Гаркуша с низким поклоном, - то я надеюсь скоро узнать правду с некоторою прибылью. Вели мне и человекам пяти из псарей отправиться к границам владения Балтазарова. Мы возьмем с собою мельника, а прочие останутся здесь вместо закладу. Сии добрые люди пусть поручат ему взять со двора каждого должный выкуп.

У кого не сыщется пяти рублей денег, тому дозволено будет выставить дородного бычка или бодрую лошадку, кто что имеет лишнего. Впрочем, мельник должен ведать, что если хотя малейше изменит нам, то со всем имуществом его поступлено будет хуже, чем с мельницами пана Балтазара, и товарищи его околеют в хлебных ямах [В Малороссии за недостатком леса к построению амбаров для сохранения разного рода хлебных семян вырывают в земле просторные ямы, обшивают

соломою и обмазывают глиною. (Примеч. Нарезного.)].

Пан Кремень милостиво одобрил представление нового любимца; пленные с охотою согласились пожертвовать частью своего имущества за искупление свободы, мельник с своими провожатыми отправился в путь, а прочие, по обыкновению, заперты в овин.

Глава 10

ДРУГАЯ ОШИБКА

Когда сии пешеходы достигли берега реки, прямо против селения Балтазарова, мельник оставил их, подтвердив клятвенно в самой скорости воротиться с выкупом; а наши собиратели пошли и полегли в кустарнике. Солнце начало клониться к своему закату, а мельника нет; оно совсем склонилось, а мельника нет как нет! Витязи наши начали беспокоиться, а Гаркуша сильно досадовал, что оплошал и не запасся орудием в случае нужной обороны. Уйти так, с пустыми руками, значило подвигнуть пана на праведный гнев и сделаться посмешищем целого двора его, а особливо быв до сего времени предметом общего уважения за первый подвиг, сделавшийся всем

известным. Месяц показывал уже время около полуночи, а в лесу и перелесках, на воде и на поле все тихо, все спокойно. Один долгоногий бусел [Бусел - род цапли. (Примеч. Нарезного.)] ревел в болоте. Тут послышался разговор невдалеке, там ближе и ближе, а вскоре предстал перед ними и мельник в сопровождении молодого парня, обремененного иошею.

- Не взывайте, молодцы, - сказал мельник, - что я против воли заставил вас прождать лишний час времени.

Теперь был день рабочий: кто в поле, кто в лугу, кто на огороде. В самые сумерки собрались миряне. Пока уговорил одного, другого, ан и ночь на дворе. Однако, думаю, будете мною довольны. Вместо того чтобы затруднять себя, как предполагал ты, Гаркуша, быками и лошадьми, я умел собрать надлежащий выкуп деньгами, которые весьма уютно лежат теперь у меня за пазухой. А как вы постились немало времени, то сын мой принес с собою коечего, чем мы можем позабавиться и после отдохнуть до зари, а там с божиею помощью пустимся в дорогу и, верно, прибудем

в ваше селение прежде, нежели пан Кремень откроет глаза свои.

С общею радостью принято было сие предложение, все уселись кружком, и мельник, растянув кису, вытряхнул на траву множество всякой всячины. Все прельстились услужливостью угодителя и принялись за работу с такою ревностью, что около получаса общее молчание нарушаемо было только чавканьем и клокотаньем. Тут начались балясы, острые поговорки и молодецкие замыслы.

- Мне слышится, как будто что-то шумит в лесу, - сказал Гаркуша, прислушиваясь.

- И мне тоже, - подхватил его товарищ.

- Чему быть об эту пору? - возразил хладнокровно мельник. - Разве заблудившийся баран или овца! Однако я посмотрю! - С сими словами он встал и пошел прямо на шум, который становился ближе, ближе, а через минуту Гаркуша и его сподвижники увидели себя окруженными целою толпою народа, и притом вооруженного. Мудрено ли, что десятка два мужчин, обдумавших заранее свое дело, без малейшего труда связали шестерых гу-

ляк, ничего не опасавшихся. Всем им скрутили назад руки и, опутав одною веревкою, привязали к иве; сами развели огонек, начали продолжать пир и в глаза насмехаться бедным узникам.

- Неужели, глупые, - возглашал мельник, величавшийся беспримерным удальством своим, - неужели вы думали, что я променяю доброго своего пана, даром, что он немец, на вашего бездельника, душегубца! Как же я рад!

О беззаконники! Приняли вид богопротивных чертей, разломали мельницу, увели скотину с хлебом. О, это даром не пройдет вам, иначе - последует преставление света!

Рано поутру узники представлены пред пана Балтазара, и красноглаголивый мельник подробно донес о всех обстоятельствах и о всей замысловатости, коей полонил таких разбойников, которые не устрашились представить из себя дьяволов. Пан, погладя себя по брюху и распахнувши халат, достойно похвалил удальство мельника и, обратясь к узникам, спросил:

- Как осмелились вы, послушавшись своего пана злодея, пуститься на такое богопро-

тивное дело, которое, быв исследовано правительством, должно быть очищено не менее, как кровью и вечною ссылкой?

Ответчики молчали. Иной бледнел, другой трясся, и сам Гаркуша стоял в безмолвии. Но не надобно забыть, что в ту ужасную пору, когда в глазах всех пленных едва мерцал свет угасающего угля, взоры Гаркуши издавали тусклый блеск зажженного молнией дуба. Пан осматривал их долго и каждого порознь и улыбался, видя их робость, заключая из того, что он человек немаловажный. После сего, подумав несколько, произнес протяжно:

- Теперь докажу вам, мои подданные, что я настоящий немец, следственно, благоразумен и миролюбив! Этого (указывая пальцем на Гаркушу и его совоителей), и этого, и этого, и этого - посадите в гумно и заключите там до утра, не давая ни есть, ни пить; сей час исполните мое повеление!

Оно было исполнено частью слуг его в ту же минуту, и храбрую дружину повели в гумно, заперли и приставили кустодию, из старого хромого десятского состоящую, который и начал ковылять взад и вперед около дверей.

В половине дня по панскому приказу представлен был из гумна один пленник по имени Охрим. Балтазар воззвал:

- Ты ступай к своему пану и скажи, что если он хочет избавиться моего мщениа, и мщениа примерного, - ибо я сам примерный человек, - то пусть исполнит немедленно следующее: за разоренную им мельницу, за пограбленных лошадей и за телеги с хлебом пусть заплатит немедленно тысячу рублей; пусть освободит невинных моих подданных с честью и тем докажет, что он, а не я, неправ!

Бедный узник, пребыв несколько времени в унынии, отвечал с робостью:

- Мой пан - я его очень знаю - не поверит, чтобы ктолибо осмелился делать ему подобные предложения, а назовет меня оскорбителем своей чести.

- О! Этой беде очень легко пособить можно! - отвечал пан Балтазар. - Я сделаю знак, по которому он, увидя тебя за версту, сейчас догадается, что ты не выдумщик, а именно мною отправленный вестник!

Тут он шепнул что-то на ухо одному из слуг, и вестника схватили, посадили на ска-

мью, ждали и увещевали быть терпеливым и неподвижным, если не хочет ороситься своею кровью. Тут надменно выступил один из служителей, держа в одной руке конечный отломок косы, а в другой горшок с теплою водою [У малороссийских крестьян для бритья употребляется отломок косы вместо бритвы. (Примеч. Нарезного.)]. Он намочил голову и усы неподвижного пленника и чисто-начисто выбрил левый ус и правую сторону головы.

- Ступай с богом, - сказал пан Балтазар, весьма довольный своею выдумкою. - Немецкие головы весьма способны к изобретениям! - говорил он, набивая трубку табаком, и весело улыбался.

Когда поднесли к лицу печального Охрима кусок зеркала, то он заплакал и вышел, проклиная внутренно всех панов на свете. Вошед в чащу леса, он предался отчаянию, лег под ракитником и не знал, должно ли ему в таком постыдном виде явиться к своему пану или умереть голодною смертью, избегая неслыханного позора.

Глава 11

НЕ БЕЗДЕЛИЦА

Между тем как он размышлял прямо помалороссийски, то есть: лежа на боку, обратимся к Гаркуше с его товарищами. Полет времени всегда ровен, плавен; но творения всякого рода, безногие, двуногие и многоногие, меряют его по своим ожиданиям.

Пан Балтазар, наслаждающийся всеми возможными благами, и не заметил, что на дворе ночь. А как верные служители донесли, что он не тверд уже на ногах, то пан, поверя их совести, опустил в постель и уснул богатырским сном. Весь дом тому же последовал.

Гаркуша с унылою душою, с тощим желудком, с запекшеюся гортанью сидел на соломе повеся голову. Глубокое молчание царствовало в хлебной обители. Неподвижными глазами смотрел он на воробьев, кои, пролезая сквозь щели забора, составляющего гуменные стены, угнезживались в соломенной крыше, или на мышей, выставляющих головы из снопов пшеничных. Вдруг воспрянул гений его от усыпления. Он встал и, протянув правую руку к соучастникам своей неволи, сказал:

- Товарищи! Клянусь вам моими усами, что скоро освобожу вас, если только вы согла-

ситесь меня слушаться.

Где пролезет воробей или мышь, там может пролезть и бык, если робость и уныние не превратят его в осла. У нас отобраны ножи, но не отрублены руки. Этого мало, что я освобожу вас; надобно отмстить, надо показать бусурману, что он не в Германии. Слушайте моих приказаний!

Тут вскарабкался он на скирду ржи и приказал товарищам кидать к нему снопы из другой. Он мостил их в виде пирамиды и менее чем в час успел подойти к самой крыше. Тогда начал он разгребать солому в крыше, выламывать прутья, служащие стропилами, и все скоро увидели небо сквозь дыру, в которую человек легко пролезть может. Сошед вниз, он потребовал от всех пояса и, связав концы с концами, нашел, что их достаточно для спуска со стены гуменной. Тут все полезли наверх. Он спустил каждого поодиночке и, приказав как можно скорее переправиться за реку и его дожидаться, сам спустился на низ, выломил из стены два сухие прута и начал тереть их один об другой. Он трудился до пота лица и к неопisanному удовольствию сперва

почувствовал запах дыма, а вскоре увидел и огонек. Он поджег места в десяти солому и, видя, что успех отвечал его ожиданию, бросился вверх, вылез, спустился вниз и, подобно оленю, бросился бежать. Какое-то смутное чувство его преследовало; он не прежде осмелился оглянуться, как перешед реку и соединясь с своими товарищами. Тут опомнился он и, оборотясь, увидел, что гумно пана Балтазара багрело в пламени; клочки соломы, извиваясь в воздухе, падали на крыши крестьянских домов, ветерок пособлял действию, и вскоре большая половина селения превратилась в огненное озеро. "Так мстит Гаркуша", - сказал он с улыбкою, но улыбка сия не была уже для него отрадною. Неизвестный голос говорил ему: "Это уже не шутка! Это другое дело, чем истреблять голубей и сад дьяка Якова Лысого! Зажигатель!" Он дал знак, и все молча пошли путем своим, на каждом шаге останавливаясь и посматривая на пламя, нимало не уменьшающееся.

В эту минуту - он сам после признавался - согласился бы своими слезами и кровью потушить пламя. Ему и на мысль не приходило

обидеть жалких крестьян, отмщевая их помещику. Сердце его на части разрывалось. Прощед несколько сотен шагов, они услышали в стороне шорох, приблизились и нашли бедного Охрима в жалком состоянии.

Узнав от него всю подробность, Гаркуша вскричал:

- Клянусь, что я сделал доброе дело, зажегши гумно!

И крестьяне проклятого Балтазара участвовали в его преступлении, во-первых, поймав нас так лукаво, а во-вторых, обидев столь чувствительно Охрима. Ветерок недаром повеял на селение, а не в поле; жаль только будет, если дома пана и мельника уцелеют!

Изнурены будучи голодом и усталостью, они не прежде явились к своему пану, как по восходе уже солнечном. Пан Авраамий ахнул, увидя их, а особливо Охрима; и когда выслушал подробно донесение, вскричал:

- Очень хорошо, что вы так строго наказали нечестивого Балтазара, но то худо, что вы, помня о самих себе, забыли о своем пане! Вы отмстили за свое оскорбление - так, но разве я не обещен в лице вашем? Разве нельзя бы-

ло, пользуясь общемо суматохою, ворваться в дом Балтазарг, где, вероятно, никого не было, разломать шкапы и кое-чем меня потешить. Ах, Гаркуша! Я не ожидал сего от твоей сметливости! Но так и быть! В другой раз будь благоразумнее. Подите теперь в мою поварню, утолите голод и жажду и отдохните после трудов!

Гаркуша едва мог понимать, за что пан Авраамий недоволен; однако клятвенно обещался, что впредь к пользам его будет усерднее.

Когда они удалились, пленные Балтазаровы были выведены из овина. Им всем обрили головы и усы, сняли свиты, настегали спины добрым порядком и отпустили с миром восво-яси. Прошло несколько дней в совершенном покое, и дело казалось забытым.

В один поздний вечер пан Кремень, сидя на крыльце, курил трубку; а Гаркуша, не будучи им примечен, дремал в углу сеней в ожидании, когда пан отправится в опочивальню. Вдруг прискакала дорожная повозка, и из нее вылетел Иван, сын помещика. После обыкновенных приветствий он уселся подле отца, и между ими произошел разговор, из

которого Гаркуша не проронил ни одного слова.

Он был бы гораздо счастливее, если бы оглох на ту пору.

Отец. Ну, каково дела наши идут в городе? Хотя одно приближается ли к окончанию?

Сын. Напротив! Одним делом оно умножилось. Проклятый немец подал прошение, в котором ясно и обстоятельно изобличает тебя в разорении своей мельницы и в сожжении селения. Имена участников в сем деле, начиная с Гаркуши, означены. Я советовался с другом нашим Кохтем, секретарем суда, и он, пожав плечами, сказал: "Очень плохо! Велика будет милость господня, если вы отделаетесь потерей дворовых людей, в беззаконии сем уличаемых; да и они счастливы, что я для отца твоего беру в них родственное участие. Все искусство приложу в их пользу и полагаю, что большей беды не будет, как только что их добрым порядком выстегают и сошлют в каторжную работу".

Отец. Спасибо! Пан Кохоть мужик добрый и умный.

Сын. Завтра чуть свет прискачет сюда ис-

правник с командою для захвачения обвиняемых.

Отец. Милости просим! Как скоро увижу, что не будет способа отбояриться легче и дешевле, то Гаркушу с товарищами обвиню одних во всем и отдам обеими руками:

пусть съедят их хоть с костями. На место их есть у меня ребята удалые!

Глава 12

УЖАСНАЯ КРАЙНОСТЬ

После сего разговор продолжался несколько времени; настала полночь, и они разошлись, отец в свою спальню, а сын - на девичью половину. Темнота ночная препятствовала им приметить Гаркушу. Он выполз из сеней бледен, как смерть; чуб его стоял дыбом; холодный пот с бровей струился на усы. Все движения лица его изображали гнев, негодование, ужас и злобу. В короткое время собрал он шестерых товарищей в своих последних подвигах, привел их на гумно и, став посередине, сказал твердым голосом:

- Друзья-сотрудники! Мы служили своему пану с верностью собак и надеялись получить пользу. На поверку выходит противное.

Он, как и другие паны, горд перед нами, робок перед высшими. Заставляет нас быть орудиями его лихоимства и мщениа и, в случае нужды, не умеет или не хочет защитить нас. Это есть неблагодарность, достойная мщениа, и не наказанною не останется. Все мы считаем себя рабами панов своих: но умно ли делаем? Кто сделал их нашими повелителями? Если господь бог, то он мог бы дать им тела огромнее, нежели наши, руки крепче, ноги быстрее, глаза дальновиднее. Но мы видим противное. Если бы можно было, вы бы увидели пана Кремня, растянувшегося у ног моих от одного удара! И при всем том - этот человек неблагодарен!

Тут Гаркуша со всем витийством рассказал им намерение пана их выдать. Все ахнули и опустили головы.

- Не печальтесь, друзья, прежде времени, - воззвал Гаркуша. - Я знаю средство самому спастись и вас избавить от гибели. Ничего от вас не требую, кроме мужества, терпения и неременного повиновения воле моей; но клянусь вам, что воля моя единственно обращена будет к пользе каждого и общей. Давно

слышал я [Ложный слух распространившийся в Украине, что всем дозволено населить прекрасную землю Китайскую, был причиною, что многие семейства, даже целые селения с женами, детьми и имуществом собирались в путь. Правительство должно было употребить воинские команды для остановления заблуждающихся. (Примеч. Нарезного.)], что на границах китайских есть область, мало кем населенная. Там реки полны рыбою, леса всякой дичью; сады беспрестанно цветут и приносят плоды; поля и огороды, не быв ни вспаханы, ни засеяны, сами собою приносят пшеницу, тютюн и всякие овощи. Посудите, какво жить там! Не станем знать ни панов, ни панщины; будете только водить стада, пить вино и пиво, курить тютюн и делать, что кому заблагорассудится! Хотя я и не знаю настоящей туда дороги, но язык доводит и до Киева; надобно все идти к востоку. А как в дороге понадобятся оружие и деньги, то благоразумие требует заpastись и тем и другим заблаговременно. Что скажете, друзья мои?

Храбрые слушатели развесили уши и разинули рты при описании прелестной стороны

Китайской. Да и что в самом деле для украинца может быть сладостнее, как, лежа на боку, пользоваться всеми дарами роскошной природы?

Все единогласно приняли предложение, дали присягу в сыновнем послушании своему предводителю, а он им в любви братской и защите. По его наставлению залезли они в кладовую и оружейную пана, взяли, что могли взять из ножей, кортиков, пороху, пуль и денег. Обритого Охрима навьючили съестным и питейным снадобьем и пустились в путь первую встретившеюся дорогою. Они были верстах в десяти от селения, как начала показываться заря утренняя. Они своротили с дороги к перелеску и расположились завтракать. Мужество Гаркуши ободрило наших путешественников. Одни наперерыв хвалили землю Китайскую, другие делали уже предложения, как будут там веселиться.

Тут увидели, что на дороге повозка, окруженная четырьмя конными, остановилась прямо [у] их лагеря. Гаркуша посмотрел пристально, разгладил усы и сказал хладнокровно:

- Божусь, что это исправник с солдатами, и идут, чтоб забрать нас в город. Но не пугайтесь! Уберите скорее харч и питье в сумы и ни о чем не заботьтесь; я один за всех отвечать буду.

- Если же он захочет употребить насилие? - возразил мудрый Охрим.

- Насилие? - сказал Гаркуша с улыбкою князя преисподней. - Посмотрим!

Они встали. Гаркуша, опершись на свое ружье, спокойно, по-видимому, ожидал приближения исправника, ибо и подлинно этот проезжий был исправник и шел, окруженный всадниками, к храбрецам, показавшимся ему почемуто подозрительными. Он подошел, осмотрел всех внимательно и, видя, что ни один, по примеру своего коноводца, не снимает бриля, спросил с грозным видом:

- Что вы за люди?

Гаркуша. Казаки и вышли теперь на охоту. Но кому какая до нас нужда?

Исправник. Право? Исправнику нет нужды знать, что кто делает в уезде? В здешних местах и не слыхали о волках или медведях, а вы все вооружены, как будто готовясь против

турка!

Гаркуша. На всякий случай надобно быть готову!

1-й из команды. Позвольте доложить, что я сих пайов охотников всех знаю. Они подданные пана Авра.мия Кремня.

2-й из команды. Я то же утверждаю.

3-й из команды. И я то же.

Исправник. Так нечего и думать долго. Их надобно забрать с собою на всякий случай. Возьмите их!

Гаркуша. На всякий случай, думаю, ничего не надобно делать, а особливо людям, называющим себя панами.

Исправник. Мне мешкать нечего. Сегодня же должен представить присутствию все следственное дело к суждению. Возьмите их и перевяжите.

Гаркуша. Милостивый господин! Не заставляй нас сделаться против воли великими преступниками! Не скрою от тебя, что мы все подданные пана Авра.мия, но оставь нас в покое, как мы оставляем свою родину и отправляемся к стороне Китая. Намерение наше твердо, и - позволь доложить и не гневайся -

ружья заряжены пулями, и тесаки отпущены.

Услышав последнее замечание, исправник шага на три отскочил назад; но, вспомня свою должность и устыдясь команды, которая и не пошевелилась, вскричал:

- Посмотрим, кто осмелится оказать мне послушание!

Ребята, берите их!

- Не гневи бога, - сказал Гаркуша с диким взором, - заставляя нас сделаться злодеями!

- Вздор! - вскричал исправник и первый выступил вперед с распростертыми руками.

- Ну, да будет один бог судьей между мною и тобою! - вскричал свирепо Гаркуша и, произнеся: - Друзья, за мною! - выпалил в несчастного исправника.

Товарищи ему последовали, и в один миг исправник и двое из команды разлеглись на земле; двое остальных, в коих, вероятно, метил Охрим, ударились бежать, и никто их не преследовал.

Подобно Каину по убиении брата Авеля, стоял Гаркуша бледный и трепещущий над издыхающими трупами.

В первый раз сделавшись убийцею, он не

понимал, существует ли на здешнем свете
пли с последним издыханием убиенного и он
переселяется в обители преисподняя!

Я полагаю, что в таком случае Александр
Македонский, Надир Персидским, Аттила
Гунский и Тамерлан Татарский не могли бы
удержаться от трепета.

Такое производит действие впервые про-
литая кровь, хотя бы даже кровь преступни-
ка. Что же убийца невинного человека дол-
жен чувствовать? Что кроме ада в душе сво-
ей, в сердце, в теле, в мозгу, во всем своем со-
ставе? Положение ужасное, достойное всяко-
го сожаления, но - ах! - и наказания.

Глава 13

ЖРЕБИЙ ВЫНУТ

По прошествии нескольких минут ужасно-
го, убийственного молчания Гаркуша первый
получил порядочное ощущение своих чув-
ствований, взглянул на небо, перекрестился
дрожащею рукою и, опершись о дерево, - ибо
колени его тряслись, как тростник во время
вихря, - прерывающимся голосом сказал к
окаменелым своим товарищам:

- Друзья мои! Видите ли вы эти ручьи про-

литой крови? Это огненная река, отделившая нас навсегда от прочих человеков. Возвратиться в прежнее состояние - значит прежде времени погубить себя и телесно и душевно. Ужасный начин сделан. Успокоить души наши уже невозможно. Остается одно средство быть еще скольконибудь не без утешения, и это средство есть заморить совесть, так, чтобы она не имела ни сил, ни времени напоминать нам прошедшее. Как это сделать, спросите вы?

Идти вперед дорогою, которую теперь бог указал нам.

Будем мстить злым людям, а особливо так называемым благородным, из числа которых этот кровожадный волк, алкавший нашей гибели, принудил нас, - всевидящий бог и вы, друзья мои, были свидетелями, сколько просил я, чтоб он оставил нас в покое и не накликался на смерть, - принудил нас сделаться убийцами, сделаться злополучнейшими людьми, которых когда-либо освещало солнце божие! Не может быть, чтобы дело сие [оста лось] без самого внимательного, самого строгого исследования. Нас будут искать с

двух сторон: со стороны оскорбленного правительства и со стороны бездушного пана Аврамия. Продолжать путь до границ Китая было бы безрассудно. Надобно дождаться, пока дело это хотя несколько позабудется и жар преследователей утихнет. Итак, мы отправимся в самую густую, непроходимую часть сего бора.

Пока у нас есть порох и дробь, мы голодать не будем.

Я слышал, что лес сей наполнен дичью и в середину его самые отважные проникать не осмеливаются; одни - боясь злых духов, а другие разбойников, третьи же волков и медведей. Там-то мы покудова оснуем наше жилище, а в случае оскудения в житейских припасах один из нас вечернею порою будет входить в ближнее селение и запасаться всем нужным. Жребий бросим, кто и когда должен подвергаться опасности для общей пользы. Самого себя не исключая в сем случае от выемки жребия. Но как в теперешнем нашем положении не только нужен, но даже необходим порядок и строгая подчиненность, иначе мы непременно образом погибнем, подобно

червям древесным, и как вы уже избрали меня своим начальником, то я в присутствии бога и вас всех клянусь для вашей безопасности не жалеть последней капли крови моей; клянусь не прежде проглотить каплю воды, пока не увижу, что имеете довольно для утоления жажды; не прежде возьму ломоть хлеба в руку, пока не уверюсь, что вы все сыты будете; не прежде предамся сну, пока не рассмотрю и не устрою, чтоб все вы спали безопасно и покойно. В утверждение клятвы моей целую ружье в дуло, прося бога-мстителя разрешить его и поразить меня, если клялся не от чистого сердца. После от вас того же требую!

После сей речи Гаркуша заряжает ружье пулею, взводит курок, ставит у дерева и, произнеся: "Боже праведный! Внемли клятве моей!" - с величайшим благоговением целует его в дуло. Отошед несколько шагов, он продолжает:

- Теперь каждый из вас клянись: беспрекословно исполнять вес мои повеления, отнюдь не спрашивая, для чего я то или другое приказываю. Помощником себе избираю Артамона,

коему в случае моих отлучек повиноваться точно, как самому мне. От стана, который беру я для нашего временного укрытия, никто не смеет отойти далее пятидесяти шагов без моего позволения. У нас все должно быть общее, так как участь наша есть общая.

Когда рассужу я напасть на проезжих или даже на панов в хуторах их, всякая добыча, самая маловажная, должна быть представлена на мой произвол. Я один буду знать, что причислить в общую казну или что подарить кому. Вражда, ссоры и прочие неистовства не будут терпимы между нами. Всякий, преступивший мои повеления, будет наказан по важности вины своей. Себе предоставляю в случаях важных, как то: в измене, побеге, трусости и тому подобных, наказать смертью виноватого.

Согласны ли, друзья?

По некотором молчании вся дружина диким голосом возопила:

- Клянемся жить и умереть с тобою! Клянемся повиноваться тебе, как отцу и пану!

После сей клятвы каждый с трепетом благоговения подходил к ружью и целовал в ду-

ло.

По окончании обряда Гаркуша приказал троим из товарищей зарядить ружья пулями на случай встречи с диким зверем, ибо людей они не ожидали; а троим дробью, чтобы по дороге не пропустить случая заpastись зайцами, тетеревами и прочею дичью. Устроив таким образом, взвалили Охриму на плечо ношу и пустились в чащу леса.

Они шли по течению солнца. Чем далее подвигались во внутренность бора, тем казался он непроходимее. Необъятной величины дубы, сосны, вязы и тополы нередко на довольноное пространство времени скрывали от них образ солнца. Им встречались глубокие болота и пространные топи, из коих некоторые они вброд переходили, а другие должны были обходить кругом. Солнце совершило уже две трети своего течения, а беглецы и не думали остановиться. Гаркуша, в душе которого пылало адское пламя, шел вперед и не чувствовал усталости. Его лицо, облитое потом и кровью, ибо он нимало не остерегался и шел напролом, представляло улыбку, которая ужасала самых его товарищей. За час до за-

ката солнечного прибрежи они к краям не очень просторной, но ужасной бездонной пропасти. Ее точно можно бы счесть бездонною, если бы не мелькал на дне густой древний осинник, которого серебристые листья беспрестанно колебались. Внимательно посмотрел Гаркуша вниз, долго рассматривал со стороны правой и левой, потом голосом тихим сказал:

- Видите ли, братья, как милосердный бог печется и о грешных несчастных тварях своих! По наружности судя, так эта пропасть будет колыбелью дальнейших подвигов наших. Сядем здесь и подкрепим силы свои пищею, а после постараемся сойти вниз. Хотя с первого раза кажется это и невозможно, но так обыкновенно представляются нам все опасности, пока они вдалеке, как скоро же приблизятся, то надобно быть великим трусом, чтобы затрепетать перед ними. Мы должны быть готовы по роду избранной жизни испытывать это каждую минуту.

Глава 14

ПУСТЫНЯ

Утоля голод и жажду, мучившие наше то-

варищество, они поднялись и пустились обозреть драгоценную для них, но неприступную пропасть. Путь их был сопряжен с довольными трудностями. Им попадались костры огромных деревьев, ниспроверженных бурей или расщепленных молнией. Нередко встречались глубокие рытвины, по дну которых извивались быстрые ручьи и с шумом низвергались в пропасть. Таковые маловажные препятствия ни на минуту не могли остановить Гаркушу и его спутников. Прежде нежели туманные сумерки покрыли дубраву непроницаемым покровом, они обошли вокруг престной бездны, останавливались - так сказать - на каждом шаге, разглядывали в двенадцать глаз, но все тщетно.

Края пропасти почти со всех сторон заросли шиповником, терном, волчьими ягодами и прочими дикими растениями. Куда ни взглянут, везде отвесные стены, везде неприступность. Они возвратились на прежнее место с тем же успехом и не могли не вздохнуть, взглянув один на другого.

- Не для чего крушиться, - сказал Гаркуша. - Одна настигшая ночь причиною, что мы не

отыскали сходу в блаженное убежище. Не будь я атаман ваш Гаркуша, если завтра не будем обедать в вожделенном месте!

В первый раз еще - и то почти невзначай - назвал он себя атаманом и невольным образом затрепетал. Мысль, к чему обязывало его сие звание, во всю ночь не давала ему покоя. Товарищи, заключив, что титул сие ему нравится, во всю жизнь не называли его другим именем.

Опустошив все без остатка, что было в суме Охрима, шайка расположилась под ветвистыми деревьями, и в скором времени все захрапели. Вероятно, никакая мысль о завтрашнем дне их не беспокоила. Зато Гаркуша ворочался на зеленой траве и не мог сомкнуть глаз. Прошедшее его терзало; настоящее было так незнакомо, что мысли и ощущения души его точно так же блуждали в головном мозгу, как сам он блуждал в сей пустыне. Будущее было для него не что другое, как привидение, укутанное частым покровом. Он не знал, престный ли образ увидит, сдернув покрывало, или ужасное страшилище. Заря утренняя застала его в таком мучительном состоянии. Он

встал, подошел к пропасти и, севши на краю оной, смотрел на густой туман, в пространстве ее колебавшийся.

Время от времени заря становилась багрянее, а вскоре воссияло лучезарное солнце. Бесчисленное множество диких птиц подняли свои поздравительные крики; глухие тетеревы клектали на густых ветвях ольхи; лесные голуби ворковали над его головою; со дна пропасти отзывались крестанья диких уток и гоготанье гусей. Мимо ног его пробежало несколько пар резвящихся зайцев. Гаркуша, все это видя и слыша, умилился, сотворил молитву и сказал: "Здесь нельзя умереть с голоду: надобно только иметь запас в хлебе, соли, порохе и дробе".

Рассматривая пропасть при свете ярких лучей солнечных, увидел он, что половина дна ее покрыта непроницаемым лесом, а другая высокою зеленою травою, испещренною бесчисленными цветами. Такой вид еще более воспламенил желание его овладеть прекрасною пустынею.

Когда он мечтал о сем час от часу с большим жаром, увидел на противолежащей сто-

роне пропасти лисицу, которая в саженьях двадцати от края скрылась в терновник, таща задавленного гуся. Это сначала не обратило его внимания, но он вскочил с места с пылающими глазами, когда весьма скоро потом увидел, что зверь тот на дне пропасти добычей своей потчует двух молодых щенков своих. Сердце его билось так сильно, что колени дрожали и он едва держался на ногах. Несколько успокоясь, поднял он своих товарищей и с неописанным восторгом поведал им о своем открытии. Все подняли радостный вопль, бросали вверх шляпы, прыгали и считали себя людьми прсблагополучными. Когда порывы неожиданной радости укротились, Гаркуша заметил, что в общественной кесе совсем пусто и надобно подумать о ее пополнении. Вследствие сего он приказал Артамону с Охримом готовиться в дорогу для добычи продовольствия всей дружине. Он весьма хорошо знал характеры своих товарищей. Ему известно было, что Артамон во всякое время готов сразиться хотя с сотнею дьяволов; а Охрим, по-видимому трусливый Охрим, на хитрые выдумки, плутовства разного рода,

притворство и способность без кровопролития присваивать себе стяжание ближнего был удалее всех из шайки. Он в состоянии был провести польского жида и итальянского монаха. Посему-то атаман сделал его купчиною и казнохранителем и особенно уважал за такие общепользные дарования. Дабы сколько-нибудь узнать положение мест, окружающих избранное ими становище, Гаркуша взлез на верх самой высокой сосны и с четверть часа рассматривал окрестности со всех сторон. Спустясь с дерева, он сказал товарищам: Дремучий лес сей к востоку и закату солнечному кажется бесконечным, зато ширина его не так обширна.

Если не обманывает зрение, то по правую руку простирается не далее десяти верст. Там синеются верхи церкви и колокольни, и наверное полагать можно, что большое селение снабдит нас всем необходимым. Артамон и Охрим! Ступайте с богом! Держитесь средней дороги между восходом и заходом солнца. В селе скажитесь егерями пана Каракаша; объявите, что он сам на охоте уже около недели, что домашний запас весь изошел и что вы

посланы запастись еще на неделю. Вот вам десять рублей денег. Пан Каракаш так прославился удальствами разного рода, или, лучше сказать, головорезничеством, что всякий спасется вам не верить и в чем-либо отказать.

Глава 15

НАДЕЖНОЕ УБЕЖИЩЕ

Купчины отправились, а Гаркуша с остальными четверьмя удальцами пошел искать сходу в пустыню. Так он назвал и другим велел называть известную провалину. Они дошли до того места, где скрылась лисица, и ничего более не видали, кроме переплетшихся шиповника, терну, коровьяку [Растение ветвистое в средний рост человеческий, на коем плоды род орехов, усыпанных острыми иглами; внутри семена. (Примеч. Нарезного.)] и крапивы. Один из свиты сделал предложение, чтобы, не теряя времени, начать саблями срубать кусты и тем очистить дорогу, но Гаркуша сейчас заметил им, что по истреблении сей ограды и самая пустыня потеряет свою цену, потому что тогда откроется всякому вход свободный.

По его приказанию и примеру срубили

они длинные еловые шесты и, разводя ими сцепившиеся иглистые сучья, вступили в сей перелесок. Они двигались медленно и на каждом шаге вперед тщательно рассматривали по шву земли, жадничая увидеть что-нибудь похожее на спуск. Около часа прошло времени, что они проползли три или четыре сажени, и атаман, который взял за правило всегда и везде быть впереди, первый увидел у ног своих пространную расселину. Он радостно вскричал; товарищи сколько могли, к нему поспешили и, то же увидя, так же воскликнули. Они легли ниц у сей поры и жадными глазами глядели внутрь ее. Она шла косвенно, а потому на несколько аршин была слабо освещаемая лучами солнца, и далее следовала мгла непроницаемая. Присутствие духа не оставляло Гаркушу никогда. Он сейчас приказал нацешпть сухих сосновых лучин, которых на каждом шаге было великое множество, чтобы, зажегши по пуску, пуститься в расселину. Приказание его было исполнено так скоро, как только обстоятельства позволяли. Посредством гаманных огнив развели они огонек, каждый зажег по большому пучку лу-

чины, а по другому взял в запас, и, опираясь на свои шесты, вступили в при; ас г;,. Лтампп, по обыкновению, шел впереди. Прошел шагов десять, потеряли они свет дневной. Они заметили, что расселина спя сделана в давние времена или текшим тут постоянным ручьем, или сильным напором снежной воды, только не руками человеческими. Она была так высока, что человек среднего роста мог проходить не нагибаясь; была довольно обрубста, однако с помощью шестов наши землеоткрыватели шли мало спотыкаясь и весьма редко должны были прыгать вниз на аршин или полтора. Путешествие их было крайне медленно, ибо осторожный коноводец не прежде делал шаг вперед, как обстоятельно рассмотрев по крайней мере пространство шага на два дальше. Прошло более двух часов, и, к неописанной их радости, увидели брезжащий свет дневной. Дыхание у них остановилось, ноги задрожали.

Они шли, не говоря ни слова, и весьма в недолгое время увидели себя под светлым небом в прекраснейшей долине. Гаркуша первый сделал три земных поклона, и прочие

ему последовали Распрямись, он сказал им:

- Наконец главное желание наше господь-бог услышал! Мы достигли такого пристанища, которое по всему кажется довольно безопасным. Вход в сию пустыню показался нам трудным с первого только взгляда. Уверяю, что кто пройдет им раз десять, тот уже без огня может выйти и спуститься в четверть часа. Купчин наших прежде вечера ожидать нельзя, а я чувствую позыв на еду. Пойдем в тот лес, в коем должны мы основать прочное свое жилище, разведем огонь, и хотя у нас нет ни хлеба, ни соли, но и без сего мы обойтись постараемся. У пас довольно зайцев, теревей и куликов. Изжарим на вертеле и покамест будем сыты. Велика власть господня!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

ЧАС ОТ ЧАСУ ГЛУБЖЕ

Маши несчастливцы пошли к лесу и на пути не могли не останавливаться, видя во многих местах сверху и из середины стен своей пустыни низвергающиеся ручьи, кои все стремились в середину леса. Они решились

следовать по течению одного из них и скоро иступили в самый лес, состоящий большею частью из ольховых, сосновых и осиновых деревьев. Сей, так сказать, преисподний лес не был так запущен, как верхний. Валежнику было мало, и везде проход свободный. Они прошли примерно четвертую часть версты, как приведены были в приятное удивление, увидя у ног своих довольно обширный пруд, в который втекало более пяти потоков. Не успели они вымолвить по одному слову, как окаменели от поражения, увидя против себя на другом берегу пруда, между орешником, с полдюжины хат. Несколько времени стояли они подобно истуканам и, получив употребление чувств, лишены еще были языка. Гаркуша протянул руку к хижинам и указал на них пальцем со взором, спрашивающим: "Видите ли?" Товарищи в знак ответа пожали плечами. Вторичное молчание. Гаркуша, получив первый разрешение языка, сказал:

- По всему видно, что пустыня сия обитаема; только для меня удивительно, что вчера при солнечном еще сиянии, обходя кругом сие место, мы не заметили и следа ноги чело-

веческой. Жить здесь дровосекам или угольщикам совсем не для чего; во-первых, что наверху лес крупнее и бесчисленно раз его более, чем здесь; во-вторых, вынос отсюда всякого изделия как затруднителен, что один безумный ремесленник здесь поселится. Непременно это притон разбойников!

Товарищи его задрожали, помертвели. Гаркуша продолжал:

- Чего же вы испугались? Разве мы не с тем вошли в сию дубраву, чтобы рано или поздно познакомиться с людьми сего рода, подружиться, войти в один состав и действовать под общим знаменем? Пойдем теперь же, друзья, и посетим хижину.

Он насыпал свежего порошу на полки ружья и двух пистолетов; прочие сделали то же, и все бодро пошли освидетельствовать хижину. Они остановились у самой большой, имевшей в длину саженой десять, стояли довольно времени, прислушивались, но ничего не слышали, кроме писку мышей.

Обошед кругом, они заглядывали в каждое окно, из коих половина была выбита, но ни одного существа живого не видали. Наконец

осмелились войти. Весь дом состоял из трех обширных комнат. Первая - по виду - была поварня. Тут нашли они несколько деревянной, чугунной и железной посуды, мало уже годной к употреблению. В углу на полке разбросано было несколько ломтей хлеба, по которому можно было судить, что он лежит тут не один месяц. Там же валялся кулек с крымскою солью - зеленою, какую в Малороссии дают лизать овцам и коровам, чтобы придать им охоты к еде и тем молоко улучшить. Вторая и третья комнаты были совершенно пусты, однако последняя обведена у стен широкими лавками, и в одном углу лежало несколько кулей полугнилой соломы. Оставляя сии чертоги, они обошли все прочие; нашли одну пустоту, обветшалость и умно рассудили, что хозяева по каким-нибудь причинам оставили - и притом давно - сию обитель; посему они имели законное право, яко одного ремесла люди, завладеть сим наследством. Они возвратились в первую избу, которую тогда же нарекли атаманскою, скинули свои вооружения, которые на себе имели более двадцати четырех часов, и, по приказанию ата-

мана, Харько, который был поваром на кухне пана Аврамия, принялся за стряпню; заплесневелые корки хлеба были тщательно собраны и опущены в ближнюю копанку, и Гаркуша с остальными товарищами сел на берегу пруда в тени пушистой ивы и предался разсуждению. По долгом со всех сторон молчании Гаркуша промолвил:

- Правду говаривал сельский наш священник, что милосердный бог все на свете сам устроил прекрасно!

Посудите сами: не выведи меня дьяк Яков Лысый из церкви, я и не подумал бы пострадать голубей его кошками; не сделай этого, не был бы сечен и ограблен; без сего - не истребил бы сада дьякова и в целый век не был бы в числе дворовых удальцов пана Аврамия. Непременно надобно было разломать плотину, сжечь полдеревни пана Балтазара и, наконец, застрелить исправника и двух драгунов, чтоб сподобиться овладеть такою прекрасною пустынею. Ах, друзья мои! Какая разница рыскать по полям и лесам за зайцем или лисицею, подвергаясь каждую минуту опасности сломить себе шею - а для чего? Чтобы за

осторожность на панской конюшне не содрали арапниками кожи от пят до макушки; или охотиться с тем, чтобы иметь удовольствие и товарищей и себя попотчевать дичью? Но как праздная, ленивая жизнь нам не властна, то я, по должном соображении и нужном осведомлении как об окрестных, так и отдаленных местах, выведу вас на дело, и вас и меня достойное. Вострепещут гордые властелины в кругу своих челядинцев и внукам своим с ужасом рассказывать станут, каков был Гаркуша и друзья его!

Он умолк, но взоры его пылали огнем убийственным.

Товарищи с благоговением на него смотрели и клятвенно уверяли снова, что нигде и ни для чего не отстанут от такого храброго человека.

Наконец Харько кое-как сладил с своим обедом. Когда все в третьей комнате (которую с сего времени будем называть спальнею) сели на полу в кружок, он поставил перед ними пару жареных зайцев, пару глухих тетеревей и несколько куликов. Хотя все это сходнее было бы назвать сушеным, а не жарким, но они

напали с такою жадностью, какая прилична молодым, здоровым, усталым, проголодавшимся людям. По окончании сей братской трапезы они разложили кули с соломою, заперли изнутри двери и - предались покою. Немало подивились они, проснувшись, когда увидели, что светлая серебристая луна отражалась на стене в головах их.

Первая мысль, их поразившая, была об отсутствии Артамона и Охрима. Опрометью бросились они из хижины к пруду, прислушивались, притаивши дух, но ничего не слышно было. Большую часть ночи просидели они у пруда, делая каждый свои заключения.

- Если они сбились с пути, - заметил Гаркуша, - и заночевали в дубраве, то беда не велика; завтра при утреннем свете найдут дорогу. Если же, от чего боже сохрани, они признаны и попались в когти земской полиции, то весьма плохо. На Артамона я надеюсь, как на самого себя, он скорее околеет в пытке, чем откроет убежище друзей своих; но Охрим пс таков.

- Ты хуло знаешь Охрима, атаман! - возра-

зил Харько с самонадеянном. Божусь тебе, что если они попались, то Артамона более опасаться надобно. Охрим и не допустит себя до пытки. Он поведет сыщиков, обещая открыть наше убежище, будет водить по лесу взад и вперед до тех пор, пока найдет случаи обмануть их и скрыться.

- Дан бог, - сказал Гаркуша, - чтоб он не имел нужды оказывать пред полициею свой разум; да, кажется, в простом селе трудно быть узлану.

Он отправился в свой дом, а за ним и все. Ужин не пошел им на ум, и они ринулись на кули свои.

Глава 2

ПОЛЕЗНОЕ ЗНАКОМСТВО

С появлением зари все товарищество было уже у пруда. Молча поглядывали они на высокие стены, окружавшие их обитель. Как наверху, так и в долине везде тихо, глухо. Взошло солнце лучезарное, и они со стороны прежнего своего логовища слышали громкий свист. Быстро вскочили с мест и хотели поднять радостный вопль, но атаман сурово запретил поданпе малейшего голоса, пока

условный знак выполнен не будет.

Вскоре раздался второй и третий свист, и они услышали клокчанье глухого тетерева. Гаркуша выстрелил из пистолета, сверху отвечали двумя таковыми же выстрелами. Тут атаман воззвал: "Наши! Берите лучину, идем наверх!"

Нечего описывать общей радости при свидании друзей-сотрудников. Домоседы немало удивились, увидя, что Артамон и Охрим навьючены были каждый с головы до пояса, но при них была еще клячонка, так обремененная поклажею, что едва держалась на ногах. Они все трое были освобождены от тягости, которую другие, не исключая и атамана, разделили по себе и начали спускаться в пустыню.

Все кончилось благополучно, даже и кляча сведена была и пущена на траву, а витязи с радостными восклицаниями сложили ноши у пруда и начали их рассматривать. Когда все было выложено на траву. Охрим, погладя голую голову, ибо волосам некогда было еще отрасти после памятной операции, сделанной над ним паном Балтазаром, с улыбкой произ-

нес:

- Видишь, атаман, и вы, братья, что мы в покупке были гораздо осмотрительны. Тут нет ни куска мясного, ибо в нем мало надобности. Эти два мешка, которыми был я навьючен, наполнены баклагами с добрым вином; лошадь волокла мехи с хлебом, мукою, крупую, солью и ветчинным салом вещами для нас необходимыми; Артамон же нагрузил свою ношу котлом железным, сковородами, деревянными чашами, ложками и прочею нужною мелочью. Не знаю, как вы, а мы ужинали плохо; итак, пусть досужий Харько состряпает сытную кашу, а я между тем кое-что порасскажу о вчерашнем происшествии.

С радостью принято было предложение, и Харько, чтобы не лишиться рассказов сладкоглаголивого Охрима, туг же на берегу поставил треног и начал свое дело, а Гаркуша, попотчевав из повой баклаги себя и каждого из братии, ожидал повествования, которое и началось следующими словами:

- Хотя мы были и налегке, однако дорога отсюда в правую сторону столько же затруднительна, как и до сих мест всеми нами прой-

денная. Столько же валежнику, такие же озерки, топи и болота; а сверх того мы остерегались, чтобы не оцарапаться и не подать жителям дурных о себе мыслей, почему и должны были останавливаться почти на каждом шаге для сделания охотничьими ножами заметок на деревьях. Когда выбрались мы на чистый обширный луг и село представилось глазам нашим не далее версты, то уже был полдень. Мы удвоили шаги и скоро очутились на базаре, где, к нашему счастью, был торговый день и народу сила несметная. Никто не только не вздумал спросить нас, что мы за люди, но и не глядел. Всякий занят был или куплею, или продажею. Для освежения ослабевших сил зашли мы к шинкарке, молодой веселой бабе; познакомились с нею и упросили уступить на короткое время уголок в шинке для складки товаров, кои искупить намеревались, пока не подъедет наша подвода. Тут пустились мы в куплю.

Артамон крепко торговался, хлопотал, усовещивал дорожающихся продавцов; а я на досуге искусным образом брал придачу и относил на место складки. Коротко сказать: когда

каждый из нас по три раза воротился с базара, то ахнул, увидя товары другого. Мы чувствовали, что не в силах снести и половины, а денег у нас оставалось еще весьма довольно. Так-то прибыточен был мой промысел. Когда мы не знали, что делать, я нечто вспомнил, взял товарища за руку, и опять пошли на базар. Там в некотором отдалении от толпящегося парода стояла телега, запряженная в одну лошадь. Подле сидел средних лет мужик, повеся голову и кидая вокруг мутные взоры. Он тяжело вздыхал и с унынием ломал на руках пальцы.

- Молодец! - сказал я. - И с лица (которое было совершенно баранье) кажешься ты честным человеком! Не болен ли ты?

- Поневоле будешь болен, когда придет беда!

- Об заклад бьюсь, что ты не имеешь денег!

- Почему ты так думаешь?

- Потому, что с великою завистью посматриваешь на этот шатер, в котором разливается пенник! Скажи-ка нам всю правду да сделай небольшое одолжение, так и будешь с деньгами, а сверх того не худо попотчеван.

Ты видишь, что мы егери, следовательно, на базар не ходим.

Мужик посмотрел на нас, как на ангелов-хранителей, и после рассказал, что зовут его Иваном, что он подданный пана Ядька, которого хутор и дом верстах в пяти от села; что имеет злую жену, по жалобам которой много раз уже отведывал он панских арапников; что жена послала его на базар, наложив в телегу разного рода круп, гороху, яиц и проч., велела все продать и на вырученные деньги купить горшков, соли, мыла и проч. Что он вчера ввечеру все это сбыл весьма выгодно за четыре золотых; что дьявол, в образе кума, к нему подсуседился и они вдвоем променяли все золотые на несколько кварт пенника!

Окончив свое повествование, он спросил дрожащим голосом:

- Чем могу оказать вам услугу?

Мы объявили, что столько накуплено у нас товару, что не сможем донести до своей телеги, стоящей за селением; а потому если он ссудит на самое малое время своей лошастью, то мы охотно дадим ему целый рубль, а сверх

того по уговору хорошо попотчуем. Кто бы на его месте не согласился на такое лестное предложение? В один миг отпряг он свою клячу, телегу поручил смотрению соседа, мы отправились к шинкарке, навьючили лошадь и самих себя, и все трое пустились в дорогу.

Глава 3

НАРУЖНОСТЬ ОБМАНЧИВА

- Судя по взорам и ужимкам нашего нового знакомца, нельзя было наверное заключить, что ему скорее хотелось:

получить ли в свои руки рубль или приложиться к баклаге.

- Пан егерь! - сказал он, обратясь ко мне, - у тебя в мешках что-то сильно болтается. Нельзя посмотреть, что такое?

- Как только дойдем до того перелеска - видишь, - то отдохнем и заглянем в свои мешки!

- До перелеска? Да это дремучий непроходимый бор.

в который подальше не ходит ни одна душа человеческая.

Там с давних лет постоянно живут одни черти да разбойники!

- Мы далеко не пойдём! Разве мы не хри-

стиане и не честные люди, чтоб не бояться чертей и разбойников? Однако согласись: не посреди же дороги остановиться!

- И то правда!

Болтая всякую всячину, нечувствительно вступили мы в лес и, пройдя несколько шагов, остановились, ибо Иван никак не соглашался идти далее, представляя очевидные опасности. Мы развьючили лошадь и, привязав к дереву, пустили на траву, а сами, рассевшись в тени, принялись за баклагу, хлеб и сало. Сохраняя сами возможную умеренность, мы не только не удерживали Ивана, но еще поощряли почаще лобызаться с прекрасною баклагою, и это было ему весьма мило. Когда молодец полуодурел, то я с видом простосердечья сказал:

- Надо думать, что ваш пан Яцько человек весьма бедный!

- А почему?

- Потому, что вы, горемыки, не имеете свободной чарки вина!

- Не то! Он богаче всех жидов вместе в нашем околотке, но только так скуп, что сам едва не околевает с голоду.

Кроме денег, он у нас берет всякою всячиной. Сохрани боже, если в праздничный день поутру кто-нибудь не принесет ему хотя пятка яиц. Как раз придерется - и поминай себя, как звали!

- Много ли вас всех в хуторе?

- Только десять хат, но зато у пего в целых трех селах много подданных, много поля и много лесу. Деньги со всех сторон плывут в сундуки его, а оттуда уже никуда не выплывают. Он постоянных слуг не держит, чтобы говорит - избавиться лишнего расхода. Из нас два мужика и две бабы или девки в доме его на очереди всякий день днюем и ночуем, а обед и ужин приносим с собою. У него есть жена, возрастной сын и дочь, которые все в скряжничестве ему не уступают.

Между тем как Иван рассказывал многие примеры скупости панов своих и беспрестанно промачивал горло, солнце спустилось за лес, рассказчик растянулся на траве и захрапел. Зная, что он нескоро будет в силах подняться, мы положили в карман его рубль денег, чтобы сдержать честное слово, навьючили лошадь и пустились в дальнейший путь.

Мы не прошли и третьей доли дороги, как поднялся туман, глубокие сумерки объяли все темнотою, и мы никак уже не могли распознавать значков, насеченных нами на деревьях. Хотя мы очень об вас крушились, представляя ваше беспокойство, но пособить было печем, и мы решились провести ночь в лесу. Своротя несколько вправо, выбрали местом ночлега маленькую равнину у корня древнего развесистого дуба. Сложив с себя и с лошади ноши, мы разлеглись на траве и, раскуривши трубки, спокойно ожидали приближения сна.

Глава 4

БЕЗБОРОДЫЙ АТАМАН

- Не успели мы выкурить по другой, как услышали в довольном расстоянии свист, крик, ауканье, хохот и такой вообще содом, что волосы у Артамона стали дыбом, а я стал дрожать как в лихорадке. Видно, знакомец наш Иван говорил правду, что лес этот весьма не пуст. Вскоре показался дым, и мы основательно заключили, какого рода должны быть сии ночные путешественники. Вместо прежнего страха напало на меня непреобори-

мое любопытство увидеть поближе лесных панов, и сколько Артамои ни представлял мне о неблагоразумии тех, коп подвергаются опасности без нужды, я не утерпел и, помолясь соименному мне блаженному Охриму, пополз на брюхе сколько можно осторожнее, следуя на голоса, которые ни на минуту не умолкали. С терпением все преодолеть можно.

Сколько ни затруднительно было мое положение, однако я продолжал, и хотя рак мог бы опередить меня, но я дополз до своей цели. Прилезши к калиновому кустарнику, я остановился. За кустом непосредственно следовала довольно просторная лужайка, посередине которой на разведенном огне варилось и жарилось кушанье. Человек двадцать, исправно вооруженных, находились там в разных положениях. Одни лежа пели песни; другие молча курили трубки; третьи боролись; четвертые пили.

Особенное внимание мое привлек на себя молодой красивый человек, сидевший у огня с обнаженной правой рукою, облитую кровью. Около его с приметным усердием и за-

ботливостью увивался высокий плечистый усач. Он обмыл рану вином, приложил какой-то мази, обвязал и, с улыбкою закручивая усы, сказал:

- Уверяю, атаман, что через шесть дней ты так же проворно и легко будешь владеть саблею, как и до сего неприятного случая.

Едва не ахнул я, услыша, что атаманом величают молодца без усов и без следа бороды, но еще более удивился и оторопел, когда услышал следующий разговор.

Атаман. Через шесть дней, говоришь ты, Сильвестр, а не прежде могу я владеть саблею? Какая досада!

Сильвестр. Что же делать! Кто бы мог подумать, что мы, нападши на купеческий обоз, встретим такую задорную оборону? Правда, глупцам изрядно досталось: они большею частью побиты или ранены и лишились многих хороших вещей, но и мы потеряли двух храбрых товарищей (весьма тихо), и ты, прекрасная Олимпия, ранена!

Твоя драгоценная кровь...

Атаман (прерывая его, так же тихо, но сурово).

В последний раз говорю тебе, чтобы никогда не называл меня сим ненавистным именем. Вольно было природе подшутить над мною, произведя на свет девкою. Я перемогла, поставила на своем, и для всех вас не что другое, как Олимпий, атаман ваш!

Тут атаман встал, подошел к толпе пирующих и принял участие в их празднестве. Сильвестр поднялся, бормоча что-то сквозь зубы, и соединился с прочими. Еда поспела, и когда они опорожнили все из котлов и фляг, атаман сделал вопрос: "Чай, храбрые наши товарищи давно уже дома с купецкими пожитками!"

1-й разбойник. Надобно думать! Только позволь сказать, атаман, что прежнее паше жилище мне и до сих пор больше правится, 2-й разбойник. Там мы не знали расставлять часовых. Спи себе на здоровье, сколько хочешь, и ухом не веди. А теперь не задремли!

3-й разбойник. Сколько там в пруде рыбы! Сколько, бывало, на зиму засушим мы яблоков, груш и терну!

Атаман. Кажется, вы все неглупые люди, а судите по-ребячески. И я не говорю, чтобы в

старом нашем провалье было худо, когда нас было не более двадцати человек и когда мы считали себя довольными, если имели что есть и пить. Но когда общество наше начало умножаться достойными членами; когда понадобились нам лошади, телеги, запас без малого для пятидесяти человек, то не вы ли сами видели невозможность сделать все порядочно в захолустьи? Самая же главная неудобность состоит в том, что если земская полиция о нас пронюхала, то для нас довольно было пяти человек, поставленных у выхода; и нашей дружины целая сотня должна по временам или околеть с голоду, или быть перебита, как хомяки, выгоняемые из нор своих вливаемою туда водою. Теперь, напротив, мы при виде первой неудачи имеем пять выходов; а притом и пожитки наши хранятся по равной части в трех разных местах. Выкурят из одного - у нас еще останется два приюта. Довольно об этом! Хотя для меня крайне неприятна эта рана, но быть так! Послушаем опытного Сильвестра и целые шесть дней посвятим покою. Как скоро же я выздоровею, то, не теряя времени, выберу человек двадцать и

поведу на хутор богатого скряги пана Яцька.

Надобно его избавить от лишнего беспокойства. Теперь отправимся к своему лагерю. К рассвету мы там будем.

После сих слов все скоро убрались и, затянув походную песню, удалились. Я до тех пор лежал, пока доходили до меня голоса их; как же скоро все утихло, я встал и без труда нашел Артамона, бодрственно меня дожидавшегося. Меж тем как я рассказывал товарищу о виденном и слышанном, как делали свои замечания, а более всего дивились, нашед атamana над полусотнею храбрых мужчин молодую девку, чего прежде ни в одной сказке и слыхом не слыхивали, взошла заря, а вскоре и солнце показалось. Мы, павьюча лошадь и сами себя, пустились в путь и - как видите - совершили оный благополучно.

Глава 5

ВАЖНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

- Теперь я понимаю, - сказал Гаркуша, - отчего не оказали вы ни малого удивления, увидя здесь пруди хижины. Благодарю тебя, Охрим, за твое усердие и расторопность. Мое будет дело употребить в пользу собранные то-

бою сведения. Мы не постыдим себя и не допустим, чтобы девка нас перещегооляла. Я уверен, что судьба предоставила нам проучить пана Яцька и облегчить сундуки его. Дело это произведем мы в действие на пятую ночь, дабы тем более досадить безусому атаману. А как у нас мясной провизии не далее станет, как на сей только день, то мы после обеда и отдыха, оставя здесь Охрима и Харька, отправимся на охоту на двое суток.

- Почему же я, - возразил Охрим, - не го- жусь вместе с вами сражаться с зайцами, дра- хвами или даже с одичавшими свиньями? [В Малороссии есть обычай, чтобы сохранить экономию, в начале весны выгонять в леса целые стада свиней, гусей и уток; а в глубо- кую осень собираются загонять в дома. Ни од- ного разу не проходит, чтобы не оставалось в лесу третьей части. Они со временем совер- шенно дичают. (Примеч. Нарезного.)] Вот ко- гда пойдете на пана Яцька, то, пожалуй, я и останусь здесь на часах. С ночлегов, которые, вероятно, не будут отдалены, я буду прино- сить всю добычу на край пустыни и кидать ее с места первого нашего притона. Харько бу-

дет подбирать и на досуге чистить, солить и вообще предохранять от порчи.

Все согласились на сие требование, и, когда солнце перекатилось гораздо за половину дневного пути своего, охотники выбрались из пустыни в дубраву.

Во время двухдневного их странствия по лесу ничего достопамятного ни в пропасти, ни в лесу не случилось.

Охотники набили великое множество двух- и четвероногой дичи и, между прочим, добыли две свиньи, что более всего их тешило. Охрим все это время от времени перекидывал в пустыню, а Харько подбирал и, как знал, приготавливал впрок. Наконец в условленное время витязи возвратились в свое жилище и другие два дня провели в еде, питье и спанье, дабы собраться с силами, нужными для побеждения пана Яцька и овладения его сокровищами. Наконец настал и пятый день, и сердца их затрепетали. От страха или радости? Они и сами не знали!

Глава 6

ЯВЛЕНИЕ КСТАТИ

Надобно заметить, что у прозорливого Гар-

куши не одна охота была поводом к выходу из пропасти. Охота сама по себе, но ему хотелось вместе с тем обстоятельно осмотреть хутор пана Яцька и его окрестности; хотел назначить место приступа самое удобное, дабы успех был несомнительнее. Посему на другой день после полдень, спрятав съестные припасы в заметном месте, приказал он Охриму выводить из лесу. Некоторые из товарищей осмелились возразить, что такое предприятие производить днем опасно; но Гаркуша с важностью отвечал, что если они будут бояться дневного света, то никогда не достигнут той великой цели, до которой предположил он достигнуть сам и довести всех их. Он при-совокупил, что как обиды, деланные им и бесчисленному множеству подобных им несчастливцев, совершались и совершаются открыто, явно, то справедливость требует, чтобы и отмщение, или, лучше, мздовоздание, было так же - если не теперь, когда силы их еще слабы, то после, когда они укрепятся присоединением к ним храбрых людей, в которых недостатка не будет, - было открыто, явно - пред людьми и пред богом!

Никто не смел ему возражать, хотя ни один не чувствовал в себе той твердости, того огня, которые одушевляли атамана. Он в короткое время умел так приковать их к себе, к образу чувств своих и мыслей, - не знаю, можно ли так выражаться, - что они, хотя с трепетом, по одному мановению начальника готовы кидаться в огонь и в воду. Итак, Охрим, привеся к поясу полную баклагу и спрятав в торбу кое-что съестное, повел их по догадкам к выходу, и они часа через два или три увидели сквозь редкий березняк луг, поле и селение. Сим березняком пошли они в правую сторону, следуя рассказам Ивана, и в самом деле, пройдя с небольшим пять верст, увидели хутор (без сомнения, пана Яцька), расположенный на хэлме, вокруг которого зеленели сады, а в долине протекала речка.

Солнце было еще очень высоко и жар весьма ощутителен, почему и без того утомленные пешеходы решились отдохнуть в тени. Они вошли подальше в лес и разлеглись на мягкой траве. Запас благоразумного Охрима весьма пригодился. Они довольно рассуждали о средствах, как удобнее пленить пана, и

об употреблении богатства, которое, без сомнения, им достанется, как услышали невдалеке легкий шум, сопровождаемый тяжкими вздохами. Они протянули головы и увидели крестьянина, севшего под осиною весьма от них близко.

- Клянусь ангелом-хранителем, это Иван, базарный наш знакомец, - сказал Охрим тихо; Артамон подтвердил то уклонкою головы. - Посмотрим, что-то он тут делать будет!

Иван посидел молча и, повеся голову, полез за пазуху; вытащил изрядную флягу, осушил половину, не переводя духа, и опять задумался. Потом встал, вынул из кармана веревочные вожжи и полез на осину. Он прикрепил их к самому толстому суку, сделал порядочную петлю, спустился с дерева, сел, кончил расчет с флягою и, крепко вздохнувши, произнес следующие слова:

- Надобно признаться, что свет этот для нашего брата никуда не годится! Одно мученье, и - каждый день!

Посмотрю, каков-то другой! Если и он таков же, опять повешусь и пойду в третий и до тех пор буду вешаться, пока на котором-ни-

будь не сделаюсь паном! И в самой вещи - куда это годится? За всякую малость - пан бьет, жена бьет, сын и дочь матери помогают. Ах, как жаль, что не увижу исполнения последних моих желаний; а я очень уверен, что они исполнятся, ибо поп в селе не разговаривал, что завещание умирающего человека должно быть неотменно исполнено. Итак, желаю: чтоб пан Ядько CD всем семейством дочиста были ограблены: злее этой муки для них не придумаю. Далее: чтоб дом мой сгорел вместе с женою; чтоб сын сделался разбойником, перерезал бы шеи множеству панов, а после был пойман и предан в руки полиции, а там уже будут знать, что с ним сделать; чтоб дочь моя - чего бы пожелал сен негоднице? Чтоб дочь моя вышла замуж за ревнивого старика, который бы мучил ее лет десять каждую минуту и, наконец, оципавши все волосы, ни одного не оставя, утопил бы или задушил ее! Вот последнее желание умирающего Ивана,

Глава 7

ОТЧАЯННЫЙ

Сказав сии слова, Иван перекрестился, поклонился на восток солнца и вторично полез

на осину.

- Этот человек, - сказал Гаркуша, - сверх нашего чаяния, нам весьма пригодится!

Он вскочил, все за ним и бросились к отчаянному. Увидя их, он так испугался, что свалился с дерева, зажмурил глаза и притаил дух. После узнали они, что он счел их за лесных чертей, пришедших за его душою. Немалого труда стоило им уверить его, что они люди, и барыша честного люди, и христиане, готовые оказать ему всякую помощь, только бы и он не отрекся сделать им с своей стороны некоторую услугу. Иван, ободренный их словами, согласился засесть с ними около баклаги и, проглотив добрый прием, развеселился и поведал следующее:

- Без сомнения, эти почтенные паны (указав на Артамона и Охрима) объявили уже вам, в каком положении оставили меня при входе в лес, когда увели мою лошадь.

Проснувшись, я долго не мог догадаться, вечер ли то был или утро. Видя множество крестьян, идущих в село для продажи лишних изделий, я утвердился на последней мысли. Встав, я почувствовал в пустом кармане

тяжесть, опускаю руку и - вынимаю деньги. С великой радостью пересчитываю и, нашедши целый рубль, не знал, что с ним и делать. Я мало печалился, не видя своей лошади, и пошел прямо в село. Я думал один злотый оставить в шатре, а на четыре искупить все, что жена приказала. Опять нечистый дух наслал на меня соседа, под сбережением коего оставил я свою телегу. Коротко сказать: мы пробыли до ночи и - я започивал. Пробудясь, немало подивился, видя, что лежу на лубке - в сарае, - я задрожал, осмотревшись, - в сарае пана Яцька и прикован к стене железной цепью. Не успел я опомниться, как вошел ко мне сосед и самым печальным голосом поведал, что вчера, видя меня в плохом состоянии, не решился оставить на базаре, а взвалив на телегу, повез домой в хутор. Жена, вышедшая на стук за ворота, видя, что я на чужой телеге, что со мною нет ни денег, ни ожидаемых покупок, не пустила на двор, а потому он решился отвезти меня на двор панский, где я тотчас и был припрятан. Едва сосед вымолвил последние слова, как явился сам пан Ядько с другим моим соседом. Он начал рас-

спрашивать о телеге, о лошади и о деньгах, вырученных за проданные снадобья. А как я отвечал, что черти меня соблазнили и я совсем не знаю, куда что делось, то он с умильным набожным видом отвечал:

- О друг мой! Ты теперь-то видишь, как грешно, как опасно связываться с нечистой силой. Я - из христианской любви - тебе открою, как можно ограждаться от наваждения бесовского!

Он дал знак, усердные соседи на меня бросились, в три мига разоблачили, оставя на ногах одни постолы, и по другому панскому знаку начали наделять батогами [Батог - коим погоняют быков и лошадей. (Примеч. Нарезного.)]. Я вертелся и кричал, пока был в силах кричать и вертеться, а лишась их, замолчал и лежал спокойно. Когда увидел пан, что я еле жив, велел перестать и сказал ласково:

- Ну, голубчик, ни на кого не пеняй, как на себя! До будущего утра ты останешься здесь в покое; но как в твоём положении отягощать желудок очень опасно, то не велю давать тебе ни куска хлеба; воды же получишь целое ведро, пей на здоровье, сколько хочешь!

Он вышел с моими соседями, которые скоро принесли воду, поставили подле меня, дали дружеский совет не грустить и вышли, заперши за собою дверь. И самая говорливая шинкарка не в силах будет рассказать вам о мучении, какое претерпел я во весь день и во всю ночь. Поутру явился пан с соседями.

- Иван! - сказал он. - Ты с сего часа свободен на целые два дня. Что хочешь, то и делай, но только чтобы к вечеру другого дня ты был на дворе моем с телегою, с лошадью и деньгами; если же не так, то советую тебе лучше утопиться или повеситься, потому что я велю тебя угощать каждое утро так, как угощал вчера, пока не отыщешь своей пропажи.

Меня расковали; я оделся и, поклонись пану за ласку, вышел из сарая, со двора, из хутора и пошел куда глаза глядят; но они глядели к губельному для меня селу, и - я опять очутился на базаре.

По словам соседа, я сейчас нашел свою телегу; но что мне с нею без лошади делать? Я ходил по всему селению, думая, не забрела ли она из лесу туда, - все по пустякам. На мои вопросы отвечали насмешками. Одурь взяла ме-

ня. Избитый, голодный, усталый, бросился я в густой б)рьян у одного забора и провел ночь хотя покойнее, чем прежнюю на лубке, но все же бессонную. Воображение будущего истязания кидало меня то в жар, то в озноб.

Я был болен, пока не решился принять последнее лекарство - умереть. Вдруг горесть моя исчезла; взошло солнце, и я выполз из своего ночлега, пошел к сберегателю моей телеги и ему же ее продал за два таляра [Таляр называется 60 коп. медною монетою. (Примеч.

ного.)]. Умиравшему человеку житейское на ум нейдет; а потому без дальних размышлений очутился под шатром и начал душу свою приготавливать к походу на тот свет. Путь неближний, и хороший запас нужен. Целого таляра не стало. Я ощутил в себе несказанную решимость. Душа так и рвалась из тела вон! Не теряя времени, оставил я базар и село, и как не было глубокой речки ближайшей, то я и побрел к хутору. Отсюда видно на берегу несколько ветвистых ив. Там совершенный омут, Я разделся, помолился и опустился на дно. К несчастью, я сызмаленька ве-

ликий искусник в плаваньи. Едва коснулся ногами дна, как опять очутился наверху, и, вместо того чтобы тонуть, я исправно плавал. Меж тем мало-помалу приобретенная храбрость души моей выпарилась, и я опять очутился на берегу, оделся - и, вспомня, что еще остается один род смерти, пошел обратно в село. Зная на опыте, как трудно умирать с тощею душою, и имея желание повиснуть в сем лесу против самого хутора, чтоб скорее меня увидели и казнились мои убийцы, я купил флягу, наполнил ее добрым вином и решился не дотрагиваться до него, пока не приду на свое место смерти. Я так и сделал; душа моя, вспомня о батогах, которыми терзали бедное тело и обещались терзать еще более, готова была его оставить, как вы, паны, помешали мне, - не знаю - к счастью ли моему или горшему несчастью!

Глава 8

УСЛОВИЯ

В сем месте повествования Иван замолчал, вздохну!

и опустил голову к груди. Гаркуша с жаром протянул к нему руку и сказал:

- Клянись тебе, что к счастью, только ты сам не должен от него бегать, пока оно тебе улыбается. Понимаешь ли ты, что значит великое сладостное чувство, называемое мщением?

- Нет!

- Я тебе скажу пояснее, и ты, без сомнения, поймешь меня, иначе - ты не человек, а ком движущейся грязи!

Отвечай откровенно: если бы какие добрые духи или сильные люди отдали тебе в руки пана Янька со всем родом и жену твою с детьми и сказали: "Иван! Делай с сими злодеями, что изволишь. Жена не пустила тебя к себе на двор, от того пан узнал твои промах, содрал с тебя кожу и обещал задираť всякий раз, как скоро она подрастать станет". Что бы ты с ними сделал?

- Да этому быть нельзя!

- Представь, что это уже сделалось; и - клянись отречься навсегда от милосердия ко мне царя небесного, если через три дня сею не будет, отвечай, что ты тогда сделаешь?

Иван помертвел; с робостью смотрел в глаза Артамону и его собратий; и опять мысль:

не с чертями ли он беседует, потрясла все телесное и душевное существо его. Он молчал, поту р. я глаза в землю, Гаркуша сейчас понял мысль бедного человека; почему, дабы вывести его из жестокого недоумения, он сотворил молитву и перекрестился; товарищи его тоже сделали. Иван мало-помалу ободрился и весело сказал.

- Вижу, паны, что вы совсем не черти. Теперь скажу вам, что с паном Яцышм и его семьею, равно как с моею женою и с детьми, поступил бы точно так, как желал им, готовясь у.тл виться!

- Bravo! - вскричал Гаркуша. - Знай же, что это чувство, тобою ощущаемое, называется мщением, и в ком нет его, в том нет и любви к самому себе; в ком же и сие чувство угасло, тот перестань называть себя человеком.

Слушай, Иван, внимательно: лошадь твоя в нашем кочевьи, в котором мы для охоты пробудем еще довольно долго. Пойдем с нами. Возьми свою лошадь и сверх того пять рублей денег. И то и другое представь своему пану.

Скажи ему, что на ярмарке во время твоего

сна один знакомый весельчак, желая подшутить, увел лошадь с телегою; узнав же теперь, что ты за такую шутку его вытерпел тьму ударов, возвратил все и сверх того дал еще деньгами. На выкуп же твоей телеги и на закупку вещей, женою тебе наказанных, возьми еще пять рублей - с тем, однако, чтобы в роковом шатре не засиживаться! Доволен ли?

Бедный Иван растянулся у ног атамана и едва со слезами на глазах мог пробормотать кое-что о благодарности.

- Благодарность твоя будет состоять в следующем:

в третью после сего ночь ты непременно должен быть на дворе панском; если нельзя явно, так хотя скрытно. Как скоро услышишь ты, что филин прокричит за воротами три раза, отопри их как можно тише. Там будем мы и поможем тебе отмстить. А до тех пор - ни одной душе о сем ни слова, иначе...

Словцо иначе выразил Гаркуша таким тихим, протяжным, дребезжащим голосом, что Иван задрожал, прервал его и клялся сколько мог усерднее, что все приказания исполнит в точности, то есть не засидится под шатром,

сохранит тайну и отопрет ворота.

Склонясь на сие так охотно, Иван ни за что не соглашался идти далее в лес. Почему братство удовольствовалоось дойти с ним до того места, с которого Охрим увел его лошадь. А как он места сии знал обстоятельнее прочих, то и послан был атаманом за лошадью, а во время его отсутствия все занялись особенно расспросами о великости имения пана Яцька, об образе его жизни, привычек, о храбрости и пр. Солнце было далеко от заката, как Охрим возвратился с лошадью и отдал ее восхищенному Ивану. Гаркуша, вручив ему первые пять рублей, велел поспешать на ярмарку, взять обратно телегу и, искупив все, что жена наказывала, сколько можно поспешнее возвратиться назад за другими пятью рублями. Иван взмогился на своего иноходца и полетел к селу. Он честно сдержал свое слово и воротился так проворно, как его и не ожидали. Может быть, страх прогневить таких милостивых панов или опасение лишиться обещанных пяти рублей проворно выгнали его из-под гибельного шатра. Гаркуша, осмотрев его покупки, был доволен, отдал деньги, бла-

гословил и, отпуская восвояси, напомнил о его обязательстве. Когда Иван поворотил к хутору, атаман с дружиною тихими шагами пошли к своей пустыне, куда и достигли благополучно и где праздные два дня провели прямо по-праздничному, как сказано выше. Настал третий, роковой день.

Глава 9

НЕСЧАСТНЫЙ МЕЧТАТЕЛЬ

С появлением дня всякий принялся за работу. Кто чистил ружье, кто оттачивал саблю, кто пробовал в цель из пистолетов. До самого полудня вся дружина занята была приготовлением к самой лучшей стычке, и хотя все работали усердно, но внимательный Гаркуша не мог не заметить, что товарищи его были пасмурны, мало что один с другим говорили, и казалось, каждый приготовлялся на смерть. Ах! Если б они тогда еще могли опомниться! Но Гаркуша не допустил до того. Обедом поторопили, и когда он готов был, атаман: - в первый раз своего господства - почти принуждал собратию почаще прикасаться к баклаге. Бодрость - или, правильнее, - самозабвение разлилось в душе каждого, и они, разлегшись отды-

хоть под тенью дерева, хвастали один перед другим, рассказывая о будущем удальстве своем. Один Гаркуша, уединясь в самую густую часть леса в своей лощине, говорил сам с собою: "Итак, настал наконец день, в который выступлю я из общего круга, для человека назначенного! Доселе был я постепенно: шалун, обманщик, зажигатель, убийца - и все против моей воли. До сего доводили меня злость и корыстолюбие! Теперь уже я сам собою решаюсь сделаться - милосердный боже! - сделаться разбойником! Почему же так? Кто назовет меня сим именем? Не тот ли подлый пан, который за принесенное в счет оброка крестьянкою не совсем свежее яйцо приказывает отрезать ей косы и продержать на дворе своем целую неделю в рогатке? Не тот ли судья, который говорит избличенному в бездельстве компанейщику: "Что дашь, чтобы я оправдал тебя"? Не тот ли священник, который, сказав в церкви: "Не взирайте на лица сильных", в угодность помещику погребает тихонько забитых батогами или уморенных голодом в хлебных ямах? О беззаконники! Вы забыли, что где есть преступление,

там горнее правосудие воздвигает мстителя? Так! Я мститель и не признаю себе другого имени!" Так-то мечтал несчастный, которого необразованная душа не могла привести в порядок ощущений, рожденных бурей страстей его! Ах, как жаль, что природа, одарившая его погибающего столь щедро прекрасными дарами духа и тела, для чего не была она на то время в дружеской связи с судьбою, которая, - поставив его в лучшем кругу общественном, - подарила бы отечеству, а может быть, и всему свету благодетеля смертных, вместо того что он выходит ужасный бич их, тем опаснейший, что мечтает быть исполнителем горней воли!

Закатывающееся солнце краем круга своего коснулось уже небосклона, как Гаркуша с братством своим достигли перелеска против самого хутора пана Яцька и расположились в том самом месте, где они познакомились с Иваном. Время текло для них весьма медленно, и храбрецы легко бы опять призадумались, если бы атаман не умел зажечь их своими рассказами о будущей их покойной, счастливой жизни.

- Несколько удачных опытов, - говорил он, - и мы богаты; отправимся в места самые отдаленные, где бы мы были совершенно неизвестны, обзаведемся хозяйством, не будем знать над собою никаких начальников, кроме бога и царя, и под ними собственно избранные нами. Кто тогда может быть нас благополучнее?

Таковы речи атамана и воспламененное от вина воображение вновь раздули угасающие искры мужества слушателей, и вся шайка, хотя и малолюдная, казалось, составляла одного человека. Настала ночь глубокая. Гаркуша с товарищами отправился к панскому дому, перешел через мостик речку, и скоро все очутились у ворот.

Глава 10

РАЗБОЙНИК

Охрим, который был великий искусник подражать голосу многих зверей и птиц, по условленному знаку три раза прокричал филином. В непродолжительном времени ворота отворились, и явился бодрственный Иван. Витязи немедленно его обступили, благодаря за сдержанность своего слова.

- Папы! - сказал Иван. - Вы пришли очень кстати. - При сих словах он надел бриль на сторону головы. - Все панство спит, и в хуторе нет никого, кроме нас с соседом, а все в поле на панской работе и не прежде придут, как завтра к вечеру. Сказывайте, что я должен делать?

- Вести сейчас в панскую опочивальню, - сказал Гаркуша, - а предварительно снабдить нас веревками и фонарем!

Иван бросился в конюшню и мигом воротился с требуемыми вещами. После сего все вместе сколько можно тише вошли в дом, а там и в спальню. Пан Яцько, нимало не предчувствовавший имеющейся постигнуть его судьбины, покоился глубоким сном подле своей паньи. Шайка разделилась. Трое бросились на пана, а двое на его супругу; Иван усердно прнсвечивал. Прежде нежели сонные могли хорошенько опомниться, уже были крепко-накрепко скручены по рукам и по ногам. Пан Яцько, зная, что из мужчин, стоящих назваться сим именем, никого нет дома, не почел за нужное кричать и сохранял голос свой для нужнейшего времени; зато жена его,

хотя также знала, что все люди в поле, а на двух очередных девок мало было надежды, однако так завопила, что у всех завяли уши. На вопль ее прибежали полунагие сын и дочь и вмиг были схвачены, скручены и положены на полу рядом. Поднялся двойной крик, подобный крику журавлей, когда хитрый охотник подкрадетя и по целому стаду выстрелит. Гаркуша, видя, что увещевания его не пугаться совсем не действуют, вероятно оттого, что никто из них не мог слышать слов его, вынул из-за пояса пистолет, взвел курок и сказал:

- Если вы не уйметесь, паиьн, и ты, молодой паи, го я принужден буду однажды навсегда остановить язык ваш и заткнуть горло.

Сия краткая речь, проговоренная с личным взором и движением, подействовала успешнее, чем Цпццеронова за Ми лона.

- Пан Япько! - воззвал Гаркуша. - Мы проезжие люди и посбились в дорожном запасе. Слыша же, что ты заживпой человек и притом весьма ласковый, зашли к тебе отужинать.

Пан Янько (с тяжким вздохом). Ах, честные

паны!

Вам, видно, злодеи паши донесли ложно. Мы люди крайне небогатые, и от одного дня к другому почти ничего не остается.

Гаркуша. Мы неприхотливы и малым довольны будем. Но чтоб тебя не беспокоить, то мы сами потрудимся поискать чего-нибудь. Где твои ключи? Подай сюда!

Пан Яцько. Я никогда при себе не держу их, да и не от чего. Они всегда у жены.

Жена. Я отдала их дочери.

Дочь. Я, гуляя повсчеру в саду, уронила в траву ц никак не могла найти.

Под густыми черными бровями Гаркуши заблестали глаза, подобно двум свечам, являющимся страннику в ночь темную на местах топких. Но он вдруг удержал себя и произнес, по-видимому, довольно равнодушно:

- Мы для того и путешествуем, чтоб научиться переносить всякие неудобства. Ты, Кузьма, и ты, Охрим, останьтесь здесь для соблюдения покоя, а прочие ступайте со мною.

Они зажгли несколько свечей, оставили часть с кустодиєю, а с прочими пошли по указанию Ивана. Что значили запоры и замки

панские пред орудиями разбойников? Как гнилая ветошь, все расползлось под их лбом, и внутренность прельстительного сундука отверзлась. Все ахнули от радости, видя дородные кошельки, серебром начиненные; а в одном шелковом довольно количество цельных голландцев. Осмотрев другие сундуки, не нашли ничего, кроме платья, белья и мелких потребностей пана, жены его, сына и дочери.

- Иван! - сказал Гаркуша. - Подведи к крыльцу две лучшие лошади из конюшни с четырьмя крепкими переметными сумами.

В ожидании Ивана они начали осматривать покои пана, нашли изрядный запас в добрых наливках и начали лакомиться, послав к Охриму и Кузьме полную сулею, дабы и тем не скучно было глядеть на вздыхающих узников.

На стене где-то найдены большие серебряные часы и представлены атаману. Гаркуша взглянул на них, пришел в смущение и сказал:

- Поспешим! Скоро займетя заря! (В короткое время пребывания его в доме своего пана

Аврамия успел он выучиться различать по часам время, хотя еще не дошел до того, чтоб мог продлить их движение.)

Когда он хотел послать к Ивану с приказанием поторопиться, тот, вошед, объявил, что лошади готовы; почему, нимало не медля, все имущество пана Яцька перекладено из сундуков в переметные сумы; серебро, платье, белье, даже убранство женское казалось им неизлишним. Золото атаман припрятал к себе. Тогда, сменя Охрима Исаком, велел первому немедленно с тремя другими поспешать с сокровищем в пустыню, что в ту же минуту и предпринято.

Оставшись сам-третей, атаман явился в храмине скорби и сетования, сказал самым важным голосом:

- Согласись, пан Яцько, что все на свете сем подвержено беспрестанным переменам, быстрым, неожиданным. Ты это неотменно знал, ибо уже полусед; или, по крайней мере, должен был знать, ибо ты родился, рос и начал стариться паном и христианином. Для чего же ты мучил каждодневно людей, поставленных судьбою к твоим услугам? Разве не

довольно с тебя было - в праздности, неге, совершенном бездействии, лежа, - как говорится, - на боку, есть, пить, курить тютюн и спать? Для чего ты мучил самого себя, не пользуясь самым необходимым и подвергаясь чрез то истощению сил и болезням? Разве теперь приятно будет тебе видеть крепкие сундуки свои опустошенными совершенно? Не походишь ли ты на того богача, которому сказано было: "Безумный! Ты собираешь богатства, не зная, кому что после тебя достанется!" Ну, пусть так! Лишением серебра и золота, выплавленного - можно сказать - из крови, поту и слез твоих подданных, ты и семья твоя уже наказаны; но все еще остаетесь в долгу относительно к беднякам, которых вы называли своими, и долг этот так запущен, что может сделаться неоплатным, если я теперь же не возьму на себя труда поквитать вас.

Сим поступком исполню я волю правосудного неба, рано или поздно карающего беззакония, и сделаю вас счастливыми. Поверь мне, пан Яцько, с сегодняшнего утра ты можешь наслаждаться жизнью. Кто запрещает

тебе быть бережливым, домостроительным, степенным человеком, каковых есть довольно, - это добродетель, приятная и самому и другим; но неумеренная скупость, постыдное скряжничество есть порок гнусный, отвратительный, недостойный терпеть в обществе человеческом! От этого-то порока постараюсь я отучить всех вас...

Он дал знак - и пана Яцька мигом сволокли с постели на пол; а догадливый Иван в минуту явился с пребольшей вязанкою лоз. Начался урок единственный в своем роде.

Несмотря на вопли мужа, жены, сына и дочери - Гаркуша хладнокровно говорил:

- Сему никогда не бывать бы, если бы вы помнили, что вы состоите из такой же плоти и крови, как ваши подданные. Вы этого не хотели знать, не верили. О! Справедливость требует уверить вас в сей истине! Продолжайте, почтенные наставники! Продолжайте как можно ревностнее; добрые люди сии того стоят!

Пан Яцько перестал вопиять и клясться, что впредь будет отцом своих подданных и самым чивым человеком.

Дан знак - и его перестали увещевать, а принялись за панью, а напоследок за достойные отрасли знаменитого дома. Когда же все весьма достаточно были наставлены, как должно вести жизнь прямо папскую, Гаркуша сказал:

- Я сам, пап Ядько, медицину знаю не плоше тебя и, кажется, поступлю основательно, когда тебя и семью твою оставлю в сем положении до возвращения с поля крестьян твоих. До тех пор вам вредно было бы что-нибудь есть или пить. Оставайтесь с миром - и помните Гаркушу!

Он вышел с своею свитою - и прямо на двор Ивана.

Там тоже досталось жене его, сыну и дочери, да и с лихвою. Разумеется, что разъяренный Иван не жалел пи рук своих, ни ног, пи языка. После сего все простились с хутором, не прежде, однако ж, пока Кузьма и Исак не понаведались еще раз в панскую кладовую и не взяли на дорогу кое-чего, утоляющего алчбу и жажду.

Глава 11

НОВЫЙ СОБРАТ

Когда вступили они в пределы леса и Иван, отчасти догадавшийся, какого рода были новые его знакомцы, благодетели и мстители, начал балясничать со всею веселостью свободного человека, предполагая наверное, что и он за оказанную им услугу будет принят в товарищи сего прекрасного общества, чего ему хотелось от чистого сердца, - Гаркуша, остаповясь, сказал хотя ласково, но весьма важно и решительно:

- Иван! За оказанную тобою нам услугу ты должен быть награжден. Тебе ни воротиться к пану, ни следовать за нами невозможно. На границах Китая есть места, где люди ведут жизнь пресчастливую. Я отсчитаю тебе пятьдесят червонцев, и сих денег на первый случай весьма для тебя достаточно, а между тем и мы все не замедлим прийти туда же и жить будем по-братски.

Атаман вынул кису с золотом и начал считать, как Иван, переменявшись в лице и со слезами на глазах, сказал ему:

- Благодарю за щедрость! С меня довольно будет и одного червонца, чтобы купить веревку и столько запasti жидкой силы для прида-

чи храбрости душе своей, что надеюсь повиснуть на дерене без малейшего страха! Да и куда пойду я с деньгами? На заставе меня спугают, а увидя золотые деньги, запропастьят навеки. Притом же я не только не знаю дороги до Китая, но в первый раз об нем и слышу! Всего лучше умереть добровольно и на своей родине. Мне ничего не осталось желать на сем свете. Пан Яцько с своею семьею и жена моя с своею не скоро забудут друга своего Ивана.

Такие речи опечаленного Ивана тронули и самого Гаркушу, а Исак и Кузьма - хоть были свирепейшие головорезы изо всей шайки - явно взяли сторону обманувшегося в своих надеждах и представили атаману, что отпустить его от себя значит предать на жертву очевидной гибели.

- Может быть, и так, - отвечал Гаркуша, - но я обязался пецись о безопасности целого братства. Кто из вас поручится мне, что тот, кто изменил своему господину и предал его в неизвестные руки, не скорее, не охотнее делает то же и с нами?

Исак, отведши его на сторону, сказал:

- Разве мы не то же бы самое сделали с ве-

роломным паном Аврамием, хотевшим пожертвовать нами для своей безопасности, если бы только были в возможности? Мы изменили ему побегом; при всем том - думаю, надеюсь, уверен, - что нет нигде общества дружнее нашего, радетьнее к общим пользам, вернее в своих клятвах!

- Иван! - воззвал Гаркуша, подошед к нему. - Ты хочешь быть членом нашего общества! Знаешь ли, к чему обяжет тебя исполнение сего желания? Ты должен будешь отказаться от многих привычек, которые, вероятно, превратились в тебе в самую природу; должен будешь сохранить умеренность во всем, хотя с первого раза, может быть, покажется тебе, что в нашем братстве все позволено; ты должен будешь приучить себя с величайшим терпением сносить холод, зной, голод, жажду и бодрствовать тогда, когда все в мире покоится. Строг и взыскателен был пан твой Яцько; но клянусь тебе общим судьей нашим, что я, поставленный провидящим небом в начальники нашего общества, еще строже, еще взыскательнее. Я всякому отец, друг и брат, пока он того достоин; в против-

ном случае - судья самый неумолимый. Малейший вид раскаяния, уныния, покушения к измене наказан будет мучительнейшею казнью!

- Хотя бы эта казнь была ужаснее казни адской, - отвечал Иван решительно, - я желаю быть вашим собратом.

В чем мне раскаиваться, когда из раба делаюсь свободным?

От чего приходит в уныние, когда не буду видеть более ни скряги пана, ни злобной жены своей с безбожными детьми ее? В чем изменит тот, который решается или быть вами принят в свое общество, или умереть насильственной смертью? Что же касается до перенесения с терпением холода, голода и жажды, то обойди всю Украину, божусь, нигде и никого не сыщешь столько к тому привычными, как подданные нашего пана Ядька!

- Когда так, - сказал Гаркуша величаво, - то и я согласен. Поздравляю тебя; ты наш собрат!

После сего, непосредственно по приказанию атамана, Иван приведен был Исаком к присяге на верность; облобызал десницу атамана и ланиты новых собратий и с великим

восхищением следовал за ними. Однако Гаркуша, хотя и совершенно был уверен в его к себе преданности, не хотел оставить правил осторожности и потому, приближаясь к пустыне, когда еще и краев ее не видно было, приказал завязать Ивану глаза, и что в тот же миг было исполнено, и .ему не прежде их открыли, как на берегу пруда у своих хижин. Новый собрат был представлен остальным членам почтенного общества, и все единодушно были тем довольны.

Глава 12

УСПЕШНАЯ ДЕРЗОСТЬ

Излишним будет сказывать, какое поднялось торжество по случаю одержанья победы. Едва ли и удалцы безграмотного атамана Пизарра столько тщеславились, получив вероломством в плен и задушив добродушного Лталибу, монарха Квитского, как величались безумцы наши, рассказывая один другому то, что see они видели, слышали и делали и что поэтому всем было известно. Они превозносили кротость, милосердие и бескорыстие атамана и клялись, что каждый из них на его месте поступил бы суровее.

Гаркуша на лесть сию, нимало ему не льстившую, отвечал:

- Видите ли, братья, сколько один удачный опыт переменил вас? Не вы ли, вступая за мною в ворота панские, не только казались, по и в самом деле были смущенны, робки, оторопелы? Из сего каждый заключи, что атаман лучше знает ваши способности, нежели вы сами! Каждый из вас до сих пор спал - в течение тридцати лет и более, - теперь надобно умеючи разбудить вас! Пусть день сей и другой посвящены будут совершенному покою; а после я с несколькими из вас отправлюсь дня на три или и более в ближний город для закупки свинца и пороха и падлежащего обозрения недалних хуторов и осведомления о их помещиках. Сделав сие, мы рассудим вообще, как, когда и на кого обратим гнев и мщение или пощаду и милость!

Не распространяясь подробно в описании всех дел атамана Гаркуши и его шайки, которые с увеличением успехов придавали ему более и более дерзости, воспаляли и без того буйное, не знающее границ полету своему воображение и уверяли, что он действи-

тельно избран небом быть судьей над неправосудием, над жестокостью и вообще над несправедливостью, скажем, что по окончании осени он разграбил более десяти хуторов и свирепствовал над помещиками оных, простирая жестокость свою до того, что нескольких умертвил мучительною смертью. После каждого нового нападения шайка его умножалась приметно. Лишенные за распутную жизнь звания своего церковники, здоровые нищие, лишившиеся всего имущества своего от лени, пьянства и забиячества, избалованные слуги господские, которым всякая работа казалась несносным отягощением, беглые рекруты, не нашедшие себе нигде надежного приюта, - все таковые были принимаемы в общество Гаркуши, только бы имели они крепкие руки и ноги.

Когда он увидел себя неограниченным повелителем сотни бездельников, готовых сразиться с целым адом, то дерзость свою простер до того, что напал на большое селение. Там встретили его порядочно; вышло кровопролитие, с обеих сторон падали ратающие, и хотя крестьяне сражались за свое имущество,

за безопасность семейств своих, за самую жизнь свою, но будучи вооружены только ко-
льями, цепями и косами с редкой заржавлен-
ною рогатиною, которою ратовали предки их
с ведьмами, оборотнями и вовкулаками, мог-
ли ли устоять против большой толпы отчаян-
ных злодеев, которые очень знали, что если
попадутся в плен, то погибнут позорною
смертью, и если отступят, то тут же падут под
ударами атамана или своих начальников,
ибо он из шести земляков своих, бежавших с
ним от пана Аврамия, пятерых пожаловал в
есаулы и всю шайку разделил им в управле-
ние, предоставляя себе власть неограниченную
над всеми. Разбойники одержали совершен-
ную победу, выгнали крестьян из селения,
разграбили дома, не пощадив даже и двух
церквей, взяли все, что только им пригляну-
лось, и кончили тем, что по приказанию свое-
го властелина зажгли село местах в двадцати,
покидали в пламя трупы убитых своих това-
рищей и крестьян и с неописанным торже-
ством отправились в свою пустыню. Когда до-
стигли опой и в атаманском доме сложили
свою добычу впредь до раздела, Гаркуша ве-

лел всем выстроиться у пруда и, ставши на середине, произнес следующую речь: Надобно сказать правду, храбрые друзья мои, что мы в течение лета и осени довольно потрудились, столько, что [без] нарекания совести можем провести в покое наступающую зиму. Последний поход наш в годе сем - будет венцом наших подвигов. До наступления весны всякий из вас может заняться тем, что ему более нравится. Все позволяю: но только с тем, чтобы в обществе нашем не было ни ссор, ни ябед; тем менее зависти и злости. Если ктолибо изобличен будет в сих преступлениях, жестоко накажется. Всякой необходимой потребности для нашего общества - если не ошибаюсь - будет достаточно до самого лета. Мы будем сыты и согреты. Бог никогда не оставляет людей, чтущих и исполняющих волю его. До сих пор били мы злых людей и обогащались их достоянием. Теперь будем бить волков и медведей и обогащаться теплыми их шкурами, а сии звери в лесах то же самое, что между нами дворяне. Однако без моего ведома никто да не осмелится сделать хотя шаг из нашей пустыни. Когда же дождемся весны и дубрава

наша опустится снова густыми, непроникаемыми листьями, а озера и болота растают и сделаются непроходимыми, тогда, сверша господу богу надлежащее благодарение за успехи в минувших опасностях и испрося от него благословения для будущих, выступим из сего зимовья на дело, и я надеюсь, что в течение будущего лета возьмем приступом столько сел, сколько в сию кампанию взяли хуторов. Я почту себя счастливым, если правосудный бог услышит и удовлетворит умеренному моему желанию, состоящему в том, чтобы военные действия следующего года кончились взятием како го-либо города. Но как для этого надобно непременно удвоить число нашей собратий, то у меня взяты уже к тому надлежащие меры. Впрочем, уверяю вас, что прежде поступившие в службу мою всегда будут иметь преимущество пред последнепринятыми, если только всегда будут храбрые, честные люди. Может быть, некоторых из вас соблазняет сегодняшний случай, что я, не пожалев крови человеческой, сжег в пламени многих старцев, жен и младенцев и что не усомнился разорить две церкви. Всякий из

вас, о сем недоумевающий, пусть припомнит, что дело мое и дело общее - есть мщение за обиды, причиняемые сильными слабым. Не посылал ли я к священникам с повелением объявить всем жителям селения, что я иду к ним с миром, а потому и они приняли бы меня как гостя и друга? Не довольствовался ли я одним требованием выдать мне панов своих с семействами и совершенно положиться на правосудие мое и кротость? Вы сами были свидетелями, что вместо исполнения умеренных моих желаний высокомерные и вместе подлые пастыри воспламенили умы словесных овец своих буйством и ожесточением. Слепленные поселяне вместо принятия нас с распростертыми объятиями как своих избавителей выступили противу нас как врагов своих и - были наказаны за свое неразумие. Что же принадлежит до церквей, то им давно известно, что они сооружены осьмью панамы, живущими в селе том, на складочные деньги, вымученные у бедных подданных и полученные от гнусной, незаконной торговли дочерьми тех несчастных, сынами и братьями. Согласитесь все, что таковые памятники люд-

ского беззакония не должны быть терпимы тем, кто праведным небом избран быть мстителем беззаконий!

Глава 13

РАЗБОЙНИЧЬЕ ЗИМОВЬЕ

Так умствовал несчастный исступленник и так развратных послушников своих делал еще развратнее. Однако, истребляя в них мало-помалу последние чувства человечества, с истреблением благоговения к предметам священным, он всячески старался ни на волос не ослабить своего самовластия. Спокойно слушая насмешки и хулы над святынею и ее служителями, он не оставил бы без строгого взыскания и малейшее против особы своей невыгодное слово; да и примера не было, чтобы как тогда, так и после хотя один из шайки осмелился даже в его отсутствии сделать о поступках его какое-либо противное суждение.

Все были уверены, что каждый их шаг, каждое слово совершенно известны атаману.

В течение прошедшего лета и половины осени все свободное время посвящено было на построение жилищ для умножающейся братии. Чтобы не разредить пустынного леса,

они рубили годные деревья наверху и низвергали вниз. За работниками и материалами дело не останавливалось, ибо в шайке были искусники во всяком роде рукоделий. К означенному времени, когда объявлен всем зимний отдых, у них готовы были с дюжину просторных хат, вокруг пруда расположенных, а для атамана выстроен домик на таком месте, что он из окон своих мог видеть, кто выходил, где был и когда возвращался; прежние же хаты обращены в магазинны для поклажи хлеба, соли, вина, всего мясного и рыбного, разного рода вооружений и одеяний всех состояний, не исключая даже нищенского и монашеского. Деньги хранились в доме атамана, а порох, пули и дробь в особом подземном погребе.

Не должно оставить в молчании, что Гаркуша с первого своего подвига против пана Янька при всяком случае не упускал объявить своего имени. Было ли это глупое тщеславие, или ребяческая ветреность, или непомерное самонадеяние, или все вместе, определенительно сказать нельзя. Вероятнее же заключить можно, что таковым поступком,

совершенно неупотребительным между людьми его промысла, хотел он устрашить умы жертв своего неистовства, дабы они тем скорее покорялись воле его; к подкреплению же планов сей политической уловки он, не подражая никому из прежде бывших бичей человечества, а внушенный собственным дарованием, или - как он изъяснялся - своим ангелом-хранителем, имел, где только почитал за нужное, шпионов, через которых узнавал мнения о себе народа и правительства. Шпионы сии являлись в разных одеяниях; шатались по церквам, базарам и шинкам и рассказывали легковерному народу о своем атамане чудеса, которые приводили всех в трепет. Они за несомненную истину рассказывали, уверяя, что слышали от самих очевидцев, что Гаркуша имеет у себя шапку-невидимку, с которою может быть везде и во всякое время, видеть и слышать все, не будучи сам ни видим, ни слышим; что никакая пуля его не возьмет; а если кто хочет в него потрафить, то должен стрелять не в него, а в тень его.

К сим нелепостям присовокупляли они великое множество других, суеверные крестья-

не вздыхали и не знали, что думать и делать; они пожимали плечами и сквозь слезы говорили: "Видно, так угодно богу; видно, мы много грешны, что он наслал на нас беду тяжкую!"

Настала зима с своими спутниками - снегами, морозами, ветрами и метелями. Дубровье сделалось еще непроходимее. Кроме свиста бурь, реву медведей и завывания волков - ничего не слышно, кроме обнаженных деревьев с седыми ветвями, кроме бугров снега, день ото дня увеличивающихся, ничего не видно. Однако в пустыне много тише и покойнее. Высокие обрубистые стены и густота леса около хижин защищали их от ветров. Разбойники проводжали время в еде, питье, спанье и картежной игре; и как атаман до сих пор не давал никому собственно денег, кроме как для нужд общественных, то они играли в простые игры; и сим способом предусмотрительность атамана избавила шайку от ссор, драк и легко могшего произойти убийства.

Чем же занимался сам атаман в своем уединении? А уже известно, что беспокойный дух его не мог проводить продолжительное

время зимнее в праздности; делить же беседу и забаву своих подчиненных он считал за нечто низкое, могущее обесславить имя его и поколебать власть и господство. Он окружил себя пятью есаулами (как сказано выше, ибо Харько в военные дела вовсе не мешался, а с помощником своим Иваном знал только атаманскую поварню); с ними проводил утра за трубками тютюну при рассуждениях о прошедшем и предприятиях насчет будущего.

Скоро, однако, нового собрата нарек он есаулом, приобщил к лику избранных и, нашед в нем столько же приятного собеседника во время мира, сколько прежде находил храброго наездника во время войны, подарил полную свою доверенностью, а мало время спустя и прочие есаулы увидели, что он того стоил, и полюбили от всего сердца. Вся шайка не могла не одобрить такого выбора атаманского.

Глава 14

ЕСАУЛ СИДОР

Новый любимец сей назывался Сидором. Все, в чем мог он жаловаться на природу, обидевшую его при рождении, было то, что он

вышел на свет с ногами, похожими на букву "S", и головою, похожею на сомовью. Он был единственный сын сельского священника Евплия, а потому чадолюбивый отец заблаговременно начал приспособлять его к занятию некогда своего места.

До пятнадцатилетнего возраста Сидор рос, как растет жеребенок, не знающий за собой никакого дела. Едва мог он кое-как по складам прочесть однажды в сутки трисвятое и господню молитву. О сем пекся заботливый дядя Макар, отставной капрал, меньшей брат Евплия, а отец никак не решался мучить ребенка. Когда же сей суровый дядя указал родителям, что ребенок их начинает мешать девкам полоть огород, то они взяли то в расуждение и с пролитием обильных слез отвели его в школу к пану дьяку Сысою, человеку, правда, суровому, но зато первому грамотею в селении. Менее чем в две недели прозорливый дьяк увидел, что ученик его ничего не знает; а потому, чтобы не потерять доверенности, принялся, вопреки сильным увещаниям родителей Сидора, наставлять его по своей методе. За каждую букву, ошибочно произне-

сенную, ударял он его по спине деревянною колотушкою; такой способ научения мудрости показался родителям крайне неудобным, и они хотели взять сына обратно, но воинственный дядя его, который, вероятно, не одну стойку выдерживал каждодневно, весьма обстоятельно и сильно тому противился, доказав a posteriore [На основе опыта (лат.)], что если они возьмут сына из школы, то отец должен будет иерейство свое передать в чужой род, ибо законом-де запрещено постригать безграмотных. Притом представляя себя в пример - говорил: "За одного битого двух небитых дают, да и тут не берут", - и что "ученье свет, а неученье тьма". Таковыми доводами убеждены были родители совершенно и, вместо того чтобы взять сына домой, решились поручить дяде его высечь, дабы впредь учился прилежнее, а не жаловался на учителя пана дьяка Сыся. Дядя охотно и ревностно исполнил сию их волю, и Сидор в первый раз ощутил на себе действие лоз и ловкость замашек дядиных. С тех пор перестал он жаловаться на пана дьяка, но учился по-прежнему, а потому и колотушка почти не сходила со

спины его. Так прошел год, так прошел и другой, и родители Сидора, к неописанной радости, услышали, что сын их выучил многотрудный часослов и совокупными силами принялся за многотруднейшую псалтырь и рукописание. Торжество сие скоро умалилось несчастным происшествием. Сидор, на беду свою, прельстился на спелые большие дули, росшие в саду дьяка Сысоя. Избрав время, когда все ученики твердили свои уроки во все горло, а учитель бегал от одного к другому сплетью, Сидор отпросился за нуждою из школы и - прямо в сад, а там и на грушу. Когда он вдоволь насыщался вкусными плодами, проснулась дьячиха, недалеко спавшая в гороховой борозде своего огорода, и, увидя вора, закричала: "А что ты делаешь?" У Сидора опустились руки, косые ноги одна от другой - как то от электрической силы - бросились в разные стороны, и он - по вечным законам природы - полетел вниз головою. Растянувшись у корня древесного, он кричал ужасным образом, стонал и катался по земле. Дьячиха бросилась поведать о том мужа, который, услыша, опрометью побежал к недужному, и вся

школа за ним последовала. Сидора нашли едва дышащего. По надлежащем осмотрении нашли, что он лишился навсегда левого глаза, который и увидели вскоре висевшим на остром сухом суке дерева. У него также переломлена была правая нога, и весь избит до крайности. Оторопелый дьяк не нашел ничего лучше, как отнести его к родителям, что исполня с помощью жены и нескольких учеников, объявил отчаянным, что Сидор, воровски влезши на грушу, оборвался и был сам причиною своего несчастья.

- Точно так, батюшка! - подхватила дьячиха. - Я, увидя его на дереве, ни слова более не сказала, как только:

а что ты делаешь?

- Так ты его испугала, - вскричала попадья, отвешивая ей пощечины.

- Так он не сам собой сорвался, - заревел дядя Макар, вцепясь одною рукою в пучок пана дьяка Сыся, а другою со всего размаху стуча по голове его, спине и ребрам.

Горестное зрелище сие кончилось тем, что пан дьяк с женою были избиты, измяты, исковерканы от макуш до пят и выброшены за во-

рота с угрозами искать на них в Консistorии. Ученики, помогавшие нести к отцу Сидора или только из любопытства за ним следовавшие, довели кое-как дьяка с сожительницею в дом их и уложили в постель, в которой пролежали они целую неделю.

Глава 15

УДАР ЗА УДАРОМ

К счастью Сидора, дядя Макар был несколько лет службы своей лазаретным прислужником, а потому пластыри и примочки гораздо ему примелькались. Он принялся пользоваться племянника, и когда в первый раз надобно было натереть Сидора спиртом, то он, к великому своему недоумению, на спине его приметил изрядный нарост, простиравшийся между крыльцами во всю спину.

Изумленный дядя начал разглядывать, ощупывать сию прибыль и скоро уверился, что это зародыш будущего горба.

"Вот тебе и колотушки учительские!" - думал он и решился ничего не говорить о сем родителям. Мало-помалу Сидор начал оправляться и через три месяца совершенно выздоровел, а горб с каждым днем увеличивался.

Родители то заметили и зарыдали и плакали бы долго, если бы красноречивый дядя Макар не уверил их совершенно, что горб нимало не попрепятствует племяннику его быть попом, ибо всякие ризы делаются такого покроя, что хотя бы кто имел горб верблюжий, приметно не будет!

Сидор остался в доме родительском и сам себя совершенствовал в науках читать псалтырь, требник, жития угодников и писать с титлами, словотитлами, ериками и кавыками. Более трех лет все шло успешно; как неожиданное ужасное происшествие поколебало навсегда покой святительского дома и погрузило оный в бездну злополучия.

Подобно громовому удару, мгновенно ниспадающему на предмет своего поражения, получен был отцом Евплием циркулярный указ из Консистории, коим предписывалось, чтобы он в самоскорейшем времени представил сына своего в семинарию, ибо-де сделано постановление, чтобы все первородные священнические сыновья, долженствующие занять места отцов своих, непременно были люди ученые.

Отец и мать ахали и крестились, но разумный дядя Макар произнес с важностью:

- Чего же вы испугались? Разве наш Сидор неграмотен? Поезжай с богом в город; пусть там испытают его во всякой учености; я поручою, что он лицом в грязь не ударит!

Когда настал день отъезда в город, то Макар сказал своему брату:

- Недавно вошла мне в голову предорогая мысль, которая как не совсем еще созрела, то я не прежде тебе ее открою, как по прибытии в город, и для того-то я с вами еду.

Приехав на место и отдохнув от дальнего пути, Макар сказал:

- Послушай, брат! Если ты представишь сына своего ректору семинарии, то делу твоему и конца не будет; я на людей сих довольно насмотрелся. Он пошлет тебя по всем мытарствам; ты должен будешь на каждом шагу развязывать мощну свою, исправно вытряхивать, и все будет казаться мало. Мысль моя, о которой говорил тебе еще в селе, состоит в том, чтобы затесаться прямо к преосвященному, представить ему Сидора, челобитье в руку и просить приказания испытать в науках сы-

на и дать в том свидетельство, дабы ты мог быть благонадежен, что священство от него не ускользнет.

- Но ты забыл, братец, - отвечал со вздохом Евплий, - что значит доступ к архиерею для нашего брата!

- Ничего! - возразил Макар. - Ты-то забыл, что я последние два года службы провел с полком в сем городе; знакомых у меня много, а в числе их один из келейников его преосвященства; малый пожилой, веселый, гуляка.

Когда ему сунешь в руку красную да письмо от друга его Макара, так позолоченные двери мигом для тебя отворятся.

Отец Евплий послушался благого братского совета; начали приуготовлять писание общими силами, а Сидора заставили с утра до ночи потеть над минеями, патериком и проч. и писать каракули под титлами и с кавыками. Когда все было изготовлено, отец Евплий, предварительно отправившись один на святительский двор, отыскал по надписи нужного ему человека, и когда тот прочитал письмо и прилежно рассмотрел вложенную в оное красную бумажку, то принял его ласково и,

не откладывая дела вдаль, назначил другой же день для представления Сидора его преосвященству. Хотя на таковые обещания архиерейских келейников столько же полагаться должно, как на обнадеживание губернаторских секретарей, однако сей муж был - не ручаюсь, может быть, первый раз в жизни - устойчив в своем слове и на другой день во время, близкое к полудню, ввел в письменную комнату владыки отца Евплия с сыном. Архипастырь, уставший - как приметно было - от умственных упражнений, в простом комнатном одеянии ходил взад и вперед, и сия-то простота одежды придала бодрости нашим поселянам.

Архиерей (осмотрев пристально обоих, а особливо сына). Чего ты, честный иерей, от меня хочешь?

Евплий (земно кланяясь). Прошу всеуниженно удостоить прочтением сие рукописание! (Подает ему просьбу.)

Архиерей (прочитав, с недоумением). Этот молодец - сын твой?

Евплий. Единородный!

Архиерей (к Сидору). И ты так сведущ в на-

уках, как в просьбе сей написано?

Сидор (отважно). Не хвастовски сказать, редкий меня перещегооляет!

Архиерей. В каких же особенно ты упражнялся?

С и дор. Во всех!

Архиерей. Это уже слишком много! Будь со мною как можно чистосердечнее и не скрывай сил своих и не бери на плечи лишней ноши сверх возможности снести. Которая часть философии тебе более нравится и которою ты преимущественно занимался?

Сидор. Такого имени отродясь и не слыхивал; а есть у нас в селе одна Софья, дочь нашего знахаря; но я не занимался ею, и она мне не нравится: такая рябая, такая косая.

Архиерей (удивленный). Не столько ль же знаком

ты и с богословией?

Сидор. О нет! С Софьею я знаком; а о боге и об ослах

только что читывал!

Архиерей. Прекрасно!

Евплий (низко кланяясь). Милостивейший архипастырь!

Архиерей (к отцу). А сколько лет твоему сыну?

Евплий. Двадцать два невступно.

Архиерей. Не вини меня, честный отец, что непременно должен отказать в твоей просьбе. Если бы сын твой и не был такой невежда, каков он есть, то все же я не властен рукоположить его. Всмотрись-ка в приятеля хорошенько! Разве забыл ты, что священнослужитель не должен иметь никакого порока на своем теле?

Евплий. Святитель божий! Чем виноват бедный сын мой, что из утробы матерней вышел косолапым? Что злобный учитель дьяк Сысой за всякую ошибку стучал его колотушкою в спину, от чего он сделался горбат? Что коварная дьячиха его испугала, и он, оборвавшись с груши, лишился глаза?

Архиерей. Понимаю! Чистый ли и звонкий имеет он голос?

Евплий. Да такой-то чистый и звонкий, что его дальше слышно, чем звон самого большого колокола в селе нашем. Притом же у него не один голос: он ржет жеребцом, мычит быком, лает собакой, мяучит кошкою.

Архиерей. Довольно, довольно! Вижу дарования твоего сына и в удовольствие твое и сего родственника твоего (указывая на келейника) я готов согласиться, чтобы он был дьячком в селе вашем. Это все, что только я могу для вас сделать. Ступайте с миром!

Он вышел в другой покой, а остолбенелые просители простояли бы долго на одном месте, если бы путеводитель их не указал им дороги, не свел с лестницы, а там и со двора.

Отец и сын, утирая кулаками пот, едва переводили дыхание от горести, гнева, бешенства и отчаяния. "Проклятый дьяк! Злокозненная дьячиха! - Черт велел мне послушаться брата! И отдавать тебя мучителю Сысою! Тогда б ты был с глазом - и без горба! - Был бы попом! - И собирал ховтуры [Сим словом называется доход церковнослужителей, получаемый от свадеб, похорон, крестин и проч. (Примеч. Нарезного.)]. Он назвал тебя невеждою! - Поэтому и ты в глазах его такой же невежда; ибо всему свету известно, что я читаю и пишу почище твоего! - Ах, горе! Хоть в воду кинуться!"

МЩЕНИЕ ДЬЯЧКА

Так восклицали отец и сын, идучи к своему подворью.

Дядя Макар, узнав все происшедшее, чуть не взбесился; он проклинал всех, кто только приходил ему на ум, и клялся отмстить за увечье, сделанное его племяннику и тем удалившее его от законной чести.

Прибыв домой, хотя еще довольно времени тосковали, но зная, что пособить нечем, принялись за обыкновенные дела свои. Один Сидор, будучи уверен, что затверживание святцев и пролога ему более не нужно, дабы не быть в праздности, которые единогласно порицали отец его и дядя, лежа в саду или в огороде, начал посещать сельский шинок и затверживать новую науку - забывать житейское горе. Он так был прилежен, что редкий день обходился без увещаний отца, чтоб посократил к науке сей ревность.

Прошло лето и осень, и настала зима, время отдыха после трудов сельских. Хотя Сидор сам чувствовал, что он с косыми лапами, с горбом и об одном глазе, прибавя к тому сомовью голову с рыжими курчавыми волосами и

лицо, усеянное веснушками, наружным видом способен более пугать нежели прельщать милостивых девушек, однако, следуя влечению природы, он не пропускал ни одного вечера, чтобы не присутствовать на посиделках. Чтобы видеть к себе по крайней мере равнодушие, а не отвращение, то он никогда не ходил туда с пустыми руками. Всякий раз, когда он там появлялся, молодцы ожидали доброй попойки, а девушки пряников, орехов и других лакомств. У Сидора был и свой доход. Как Сысой и жена его были главною виною всего несчастья, постигшего дом пастыря, то, чтобы не оставить того без отмщения, первоначально отец Евплий воспользовался дозволением преосвященного и просил по форме наречь сына его в дьяки к своему приходу, что и было сделано. Итак, при всяких требох, куда призывали Евплия, он, оставляя в покое пана дьяка Сысою, брал с собою сына, которому и доставался весь доход дьяческий. Скоро прозорливый Сысой заметил ущерб своих доходов, и если бы не поддерживало его ученье ребят, то ему оставалось бы приняться за соху и борону, о чем без трепета не

МОГ ОН И ПОМЫСЛИТЬ.

Сидор, располагавший самовольно доходом нового своего звания, скоро узнал на опыте, что его крайне недостаточно для угощения поСиделочных приятелей и приятельниц. В сем случае прибегнул он к двум вспомогательным средствам: у матери выменивать, а у отца красть. В том и другом мало-помалу сделался он великим искусником.

Хотя во время таковых его упражнений наш Карамзин едва ли знал склады азбучные, следовательно, и общество ничего об нем не знало, однако пай дьяк Сидор поступил почти так, как поступал за несколько веков счастливый Карла, чем сделался любезным Прекрасной царевне и воссел на троне после тестя своего царя Доброго Человека. Сидор догадался, что рассказывание былей и небылиц, повестей о разбойниках, колдунах, мертвецах, ведьмах и оборотнях весьма нравилось сельским красавицам, хотя иглы Б веретена выпали иногда от страху из рук их и они громко вскрикивали, когда затейливый Сидор, описывая влюбленного сластолюбивого лешего, целующего сонную пастушку, пришедшую в

лес за грибами, подкрадывался к той, которая была к нему ближе других, и прикладывал к щеке ее свои губы. На сей конец - то вымениванием, то меною, то куплею, то кражею в короткое время собрал он довольно книг по своему вкусу и читал их в досужее время с жадностью.

Настало время весннее, и поселяне с обновленными силами принялись за работу. У всех хозяев поля подобились коврам зеленым, распещрепным яркими цветочками.

Каждого огород, блестя в бесчисленных цветах и видах, реселил зрение и хозяина и постороннего. Все видели в нем прокормление во дни осени и зимы. В сие время вздумалось кому-то из родственников пана дьяка Сыся, в ближнем селе обитавшего, жениться. Дьяк приглашен был на свадьбу со всем родом и племенем; а как сего звания люди за тяжкий грех считают отказать от подобного зова, то и он, распустив школу на три дня, отправился со всем семейством, поручив смотрение дома старому батраку своему. По прошествии трех суток гуляки возвратились в свою обитель. Дьяк лег отдыхать, а дьячиха

пошла посмотреть огороды. Она ахнула и всплеснула в отчаянии руками, увидя горестное состояние олого. Вся зелень поблекла и лежала на земле. Ее тыквы, огурцы, арбузы, дыни, капуста и проч. представляли вид глубокой осени, когда все, возраставшее весной и созревшее летом, превращалось в гниль безобразную и - исчезало. Она подошла к ульям (которых в конце огорода было до десятка) и видела изредка пчелку, печально жужжащую на листке ближнего растения. Бледная, плачущая, отчаянная дьячиха, ломая руки и трепля себя за уши, вбежала к храпевшему дьяку, разбудила его своим визгом и возопила:

- Ты здесь спишь, а не посмотришь, что там делается!

У нас нет более огорода!

Дьяк. Куда ж он девался? Уж не поехал ли на свадьбу?

Ж е н а. Безумный лежебок! Поди взгляни только, и твой пучок станет дыбом, как хвост у кургузой собаки.

Дьяк. Посмотрю завтра, погляжу и подумаю.

Жена. Все растения лежат на грядках и завяли. Нет целой ни одной репки!

Дьяк. Все поправится, я тебе в том порукою! Видно, батрак или совсем не поливал, или поливал очень много.

Завтра, завтра...

Жена. Около ульев твоих порхает не более десяти пчелок и...

Дьяк. Аи, беда! Видно, разлетелись. Солнце еще не закатилось!

Ж е н а. На всех трех грядках твоих ни одного стебелька тютюну нет в целости!

Дьяк (вскочив). Как так? С нами бог! (Убегает, за ним жена.)

Дьяк скакал с гряды на грядку, ни на что не обращая внимания. Добежав до своих гряд с тютюном, он остановился, смотрел на них помертвелыми глазами и наконец, возведши их горе, произнес со стоном:

- Чем я прогневал тебя, господи, что ты покарал меня так жестоко во глубине души моей?

С горьким плачем поднимал он каждый стебелек, некоторые выдергивал с корнем, но не мог ни по чему домыслиться, что было бы

причиною сего опустошения. Подошед к ульям, увидел, что жена говорила правду. Осматривая прилежно, они увидели наверху каждого несколько небольших просверленных дырочек; подняли один, другой, все - и нашли во всех пчел мертвых и соты растопленные.

Первая дьячиха, яко баба разумная, догадалась, что беда сия произошла не от чего другого, как от кипятка, налитого в ульи злоумышленным недругом!

- Так от того-то и огород пропал, - вскричал дьяк, ибо он был весьма прозорлив. - Посмотри на корень этой моркови, этого пастернаку, гляди - не точно ли они вареные?

Утвердясь на сей мысли, они не могли домыслиться, кто бы такой был им злодеем, и по долгом размышлении заключили, что некому больше, кроме проклятого уродливого Сидора, который в самой церкви не упускал случая дразнить его и делать возможные пакости. Но как это доказать? Кто мог это видеть? Кому он об этом скажет? Ах, горе! Ах, беда!

КТО БАБКЕ НЕ ВНУК?

Хотя дьяк Сысой и каждый воскресный и праздничный день громогласно читал в церкви о кротости, терпении и непамятозлобии, однако не хотел отстать от своей собратий и решился - отмстить. Он поступил довольно хитро, ибо, не разблаговещивая о своем намерении, он тихомолком принялся с батраком перекапывать гряды; устроил все по-прежнему, засеял новыми семенами и насадил рассады.

Он был уверен, что путного ничего не выйдет, ибо в других огородах все почти уже отцвело, однако утешался мыслью, что сим распоряжением соблазнит злодея ко вторичному беззаконию, какое прежде сделано. Когда поднялись растения, то дьяк тайну свою под страшным заклятием молчания вверил двум своим соседям и уговорил их проводить с ним и батраком его ночи в огородном сарае, где хранились заступы, грабли и прочая утварь, необходимая к возделыванию земли. Он обещал, что они ни разу не заснут с сухим горлом, а сверх того в каждый служебный день будет дарить им по освященной просфоре.

Читатель, думаю, давно догадался, что опустошение Сысоева огорода было дело пана дьяка Сидора. Вдобавок скажу, что не одного. Дядя Макар, отчаявшийся видеть дорогого племянника своего в святительских ризах, поклялся непримиримым мщением виновникам сего несчастья. Как скоро проведали они - в селах обыкновенно всякий шаг каждого всем известен, что дьяк отлучился в дру его селение, то умели весьма искусно батраку его подложить целый рубль денег. Бедняк как скоро их увидел, то счел кладом, посланным ему от бога; а будучи человеком благочестивым, положил употребить находку на дела душеполезные. Он отложил целый пятак, чтобы в первое воскресенье поставить к образам свечки; две копейки роздал нищим, а на остальные запасшись вином, заперся в доме, занявшись надлежащим употреблением своей покупки. Все это не ушло от внимания мстителей. Они запаслись котлом и, вскипятив воды, закрались в огород, полили исправно гряды и просверленные ульи и в полном торжестве возвратились домой. Немало дивились они, что дьяк совершенно никому не жа-

ловался, и обрадовались, увидя, что он в другой раз засеял и насадил огород, предположив истребить и сей, как прежний.

Когда растения расцвели и показались плоды, то дьяк и жена его начали сами даже думать, что к осени хотя половина созреет и будет обращена в прок.

Злодеи расположились иначе. Они ожидали только первой темной, дождливой ночи, дабы предприятие свое произвести в действо. Ожидание их исполнилось. Приблизился день пророка Ильи; воробьиная ночь настала с ужасною грозою; проливной дождь низвергался с мрачного неба; гром ревел со всех четырех сторон; молния, убивающим огнем своим раздирая тучи, освещала пасмурную, унылую природу. Это не устрало наших мстительных витязей. Как с кипятком лазить через забор затруднительно, да дождем и сыростью истребило бы силу, го дядя Макар запасся острым тесаком, а Сидор косою. С сим вооружением очутились они в огороде и начали свое упражнение.

Караульчики, не спавшие как от звуку грома, так и занятия около дьяковой кварти-

ры, слышали сперва легкий, а после довольно приметный шум в огороде. Они мгновенно вскочили, перекрестились и начали внимательнее прислушиваться.

- Это точно, - сказал тихонько дьяк, - как будто что рубят!

- Нет! - возразил сосед, - точь-в-точь как будто косят!

- Выйдем же!

- А если это дьяволы, которые - известно - боятся грома и, можег быть, прячутся под твои растения!

- Хорошо вам, что огород не ваш, а я не побоюсь и дьяволов!

Сказав это, он первый вышел из сарая; пристыженные соседи и батрак за ним последовали. Они стояли у дверей - и не дерзали двинуться вперед. Вдруг разлилась в небо - подобно речке - огненная молния и осветила все поприще.

Дьяк и сподвижники его ясно и отдельно увидели ратоборцев и в один голос воскликнули:

- Пан Макар с паном Сидором! Доброе дело! Честные люди! Посмотрим, что-то скажет

земский суд, а думаю, что без награды не оставит!

Паны Макар и Сидор, увидевшие также дьяка и его товарищей, воспользовались темнотою, опять мгновенно наставшею, и обратились в бегство. Избавясь опасности быть пойманными, они трусили последствий просьбы дьяковой.

Проклиная его тысячекратно за хитрость, обмоклые и прозябшие прибрели домой, и сон от них удалился. Помолчав несколько, Макар сказал:

- Прослужа в поле более двадцати пяти лет, я привык быть на ногах: у тебя хотя ноги и не прямые, но, кажется, здоровы, а горб отважному детине не помеха; да и одним глазом глядя, можно хорошо видеть. Признаюсь, что жить у брата и за каждый кусок хлеба кланяться мне надоело; зная же и тебя, уповаю, что при мысли провести жизнь в дьячках твои курчавые волосы расправляются. Согласись со мною, что за мщение наше дьяку Сысою с нас взыщут весь убыток и - бог знает, что сделают со мною; а тебя, наверное, Консистерия года на два засадит в монастырскую

тюрьму, где просидишь ты на хлебе и воде, будешь толочь воду, сеять муку и весьма исправно каждый вечер получать в спину на сон грядущий дюжины две-три сухими воловьими жилами.

При сем описании Сидор задрожал. Тогда дядя сделал ему полную доверенность, объявив, что всего лучше и безопаснее обобратить родителя до последней копейки, одеться сколько можно исправнее и пойти на волю божию сколько можно подальше.

Племянник на сей раз был послушнее всех разов. Они заперли снаружи храмину, в коей опочивали родители, и без всякого труда взяли приступом сундук, в коем хранилось серебро и золото; ибо отец Евплий был гораздо неубог, жил неторовато, охотно ходил в гости и весьма неохотно принимал к себе. Наклав в карманы сей жизненной эссенции, они туго набили мешочек бельем и обувью и - перекрестясь - оставили дом и селение, несмотря, что гроза не совсем еще утихла. Вероятно, что и отец Евплий с своей подъяремницею от стуку громового и молнийного блику всю ночь не спали, потому что проснулись довольно

поздно.

Работница, подошедши к дверям, удивилась, видя, что они снаружи накинута петлю. Она приложила ухо и услышала, что хозяйка там и уже встают; почему, постучавшись легонько, советовала выйти, потому что гости дожидаются; после чего, сняв петлю, пошла в свою кухню. Сколько удивился отец Евплий, увидя в светелке своей дьяка Сысою с женою, батраком и двумя соседями! Дьяк, прокашлявшись, начал говорить затверженную речь, в которой объяснил о прежнем истреблении своего огорода и пчельника и о случившемся в прошлую ночь, в которую и деревьям, особливо молодым, порядком досталось от тесака и косы. Не обинуясь, объявил он имена губителей, причем представил свидетелей-очевидцев и требовал удовлетворения, угрожая в противном случае принести жалобу земскому суду, который, надеется он, не оставит оказать ему законное правосудие!

Отец Евплий крайне подивился, слыша такую новость.

Он велел тотчас позвать сына и попросить брата; но работница, выведши его в сени, объ-

явила, что обоих и следа нет, и когда сделала свои догадки о накинутой петле, то слушатель, схватя себя за бороду, опрометью бросился к сундуку, нашел его в жалком состоянии, заглянул во внутренность и, как сноп, повалился наземь. Прибежавшая на крик работницы хозяйка, видя причину мужнина поражения, подняла такой вопль, такие проклятия, что дьяк Сысой, сочтя, что в нее в ту пору вселился нечистый дух, со всеми своими опрометью бросился вон. Несколько дней прошло в объяснениях между ими, в спорах и жалобах, а кончилось тем, что отец Евплий совершенно отрекся от сына и брата и объявил дьяку, что буде он возьмет на себя труд поискать беглецов и посчастливится ему поймать их, то он охотно предаст бездельников в его руки и отнюдь вступаться не станет. Сим кончилась преднамереваемая тяжба; теперь обратимся к нашим странникам.

Глава 18

ПРОМЫШЛЕННИКИ

Я думаю, что судьбу сих беглецов всякий предугадает, ибо она общая всем беспутным людям, не полагающим буйству своему ника-

ких пределов. Пока продолжалось лето и велись деньги, они ничем не занимались, кроме одними веселостями, и не прежде подумали о способах провести безнуждно зиму, как увидели на головах своих снег, почувствовали в теле дрожь от морозу, проникавшего сквозь дыры их кафтанов, и нашли карманы свои совершенно пустыми. Что теперь делать? За что приняться? У обоих великая была охота попытаться искать счастья в искусстве тихомолком присваивать себе чужие вещи, но дядя был уже довольно стар, а племянник тяжел на ногу. При первом опыте они были захвачены и так допрошены, что оставили и село, в коем находились, и вместе сию хлопотливую промышленность.

Прибывшись в другое селение, они выдали себя за нищую братию, на что очень и походили, - и начали распевать про Лазаря у окон благочестивых крестьян и крестьянок.

Сим средством они предохранили себя от голодной и холодной смерти, но не могли сами себе не признаться, что под кровом дома отца Евплия было гораздо уютнее. Воспоминание о том погружало их в уныние, но при

мысли возвратиться - они содрогались. Претерпеть стыд раскаяния - было в головах их ужасное мучение. Так-то ожесточены были сердца сих несчастливцев!

Деревня не город. Скоро все, слышавшие мурлычание наших виртуозов, сопровождаемое брэнчанием на бандуре, вытвердили наизусть песнь о Лазаре, и крестьянские мальчишки и девчонки, сопровождавшие их целыми стаями, наперед еще затягивали пение; и пристыженные Амфионы с открытыми ртами замолкали и отходили от окошка. Хохот взрослых приводил их в отчаяние, и они оставили сие село, вознамерясь никогда уже пред бессмысленною чернью не выказывать великих своих дарований.

В городе - куда прибило их ветром - поприще действия их расширилось, но встретились также и неудобства, которые они могли бы легко предвидеть, именно: они были не одни; и все им подобные, снискивавшие себе кусок хлеба оказанием дарований в музыке и пении, были их искуснее.

Шатаясь из улицы в улицу, от одного дома к другому, в один вечер прибрели они к сте-

нам девичьего монастыря и по умильной просьбе были пущены в ограду, получили ночлег в коровнике и довольную пищу от трапезы благочестивых сестер.

На другой день отперли их не рано и повели представить честной матери игуменье. Она была полная, дородная женщина лет под сорок; имела свой собственный доход с поместья, ей принадлежащего, и употребляла его как умела, не заботясь, что в ней тучность, душа или тело. Она была веселого нрава и особенно любила таких же подруг своих; а старых, брюзгливых, набожных стариц не могла терпеть к явно насмехалась над их богохульством, так называла она наружное смирение, и доказывала, - из чего заключить надобно, что была не последняя философка, - что ненадобно уподобиться лживым фарисеям, которые всегда являлись народу с постными рожками.

Когда вошли в келью ее наши странники, она сидела на мягкой софе, окруженная пятью или шестью молодыми пригожими сестрами с румяными щеками, огненными глазами, смеющимися губами. Перед ними на сто-

ле стоял сытный завтрак. Осмотрев их внимательно с головы до ног, она подняла такой сильный хохот, что окна задрожали; сестры духовные ей усердно подтянули, и вышел такой шум, крик от полувыговариваемых слов и невнятных восклицаний, что Макар и Сидор покушались думать, что они зашли в дом веселых сумасшедших. Насмеявшись досыта, мать настоятельница пожелала знать, что они за люди, чем питаются и где имеют пристанище?

Сидор удовольствовал ее любопытство, рассказав - разумеется, пополам с ложью - свою и дядину историю, и заметил, что тронул тем чувствительные сердца игуменьи к ее собеседниц!

- Когда то справедливо, - сказала она, выслушав повесть Сидорову, - что ты нам о себе рассказал теперь, то, видно, счастливая звезда вела вас невидимо к нашей обители. Если вы имеете одну только добродетель, но добродетель необходимую, то с сего же часа можете благословлять благость провидения, столь много о вас пекшегося!

При ужасном слове: добродетель - Макар и

Сидор вздрогнули и побледнели, ибо наслышались об ней много кое-чего такого, что было им крайне не по вкусу и что мать Маргарита не оставила бы, конечно, без замечания, если бы смотрела тогда им в глаза, а не в серебряный кубок с медом.

- Какая же это добродетель? - спросил Сидор, понизив голос и опустив руки.

- Она называется, - отвечала мать, - скромность, или молчаливость, и для сметливого человека соблюдать ее уставы ничуть не тягостно. Она столько необходима как в светском, так и в духовном звании, что человек, преисполненный всех достоинств, а не имеющий скромности, - есть человек пропащий! Состоит она в том, чтобы язык твой был в совершенном повиновении рассудку; чтобы он отнюдь не осмелился за монастырскими стенами промолвить хотя полслова о том, что внутри оных глаза твои видели, уши слышали, руки осязали, нос обонял - и он сам чувствовал вкусного или противного! Находите ли себя способными следовать правилам сей добродетели?

- О, - воззвал дядя Макар с бодростью, - ес-

ли не более потребует от нас сия добродетель, то я как за себя, так и за своего племянника ручаюсь, что будем предобродетельными людьми на свете!

- А когда так, - отвечала мать Маргарита, - то с сей минуты вы не имеете нужды морозить пальцы, брэнча на бандуре, и подвергаться опасности ослепнуть, деручи горло из-за куска хлеба. Твоя должность, старик, будет блюсти врата обители. Попросту - ты будешь привратником и должен особенно знать, кого и когда впустить и выпустить и кому отказать. Мы живем мирно и лишних гостей не принимаем. Мать Аполлинария, правящая должность привратницы, все растолкует тебе обстоятельно! Ты же, молодец, будешь у нас звонарем, ибо теперешний весьма стар и хил и для него взойти на вышнюю лестницу нашей колокольни так тяжело, что бедный едва не задыхается. Пора дать ему отдых!

Честная двоица сия с того же дня вступила в отправление должностей своих. Им отведены пристойные жилища:

привратнику в избушке подле ворот, а звонарю в подвалах колокольни. Дядя понятлив

был к наставлениям матери Аполлинарии и с удивительным прилежанием вытверживал условные знаки, которыми должен был окликать толкущих Е-, двери, и вслушивался в ответы, по коим догадывался, отверзть ли оные или нет. В короткое время он - как говорится - так въелся в свою должность, что учительнице стоило только намекнуть, он уже понимал и никогда не делал ошибки. Должность сия и потому казалась ему прелестною, что почти ни одна впускаемая особа не проходила ворот без того, чтобы бдительному сторожу оных не су

нуть в руку нескольких сребреников, и как с утра до самого вечера ворота были отверзты для всех, то Макар свободно шатался по городу, заходил, куда влекли его голод или жажда, и сколь усердно он утолял обоих, всегда помнил о монастырской добродетели и никогда не изменил ей ни одним нескромным словом.

Смирennemудрый звонарь Сидор не менее был доволен своим состоянием. С малых лет привыкши лазить по лестницам, размахивать коромыслом и действовать веревками на колокольне родителя, он принялся и здесь

с таким усердием и искусством, что веселые инокини покушались иногда плясать под его вызывание.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1

ЗАТЕМ

Таким-то образом прошла зима, весна, лето - и целые три года. Сидор днем звонил и спал - и чего же еще более?

Я уверен, что, взяв все четыре части света, все сословия, начиная от скиптрадержца до водоноса, не сыщется человека, который бы всегда был доволен настоящим своим положением. Иногда и корона так же бывает тяжела для головы ее носящего, как пятиведерный кувшин с водою для плеч имеретинца в Тифлисе. Итак, весьма вероятно, что и на Сидора находили минуты, когда он зевал, не чувствуя охоты ко сну. Природные склонности его созревали постепенно, а монастырская принужденность, с каковою - сперва по необходимости, а после и по привычке - весьма искусно скрывал он движения чувств своих, усовершенствована в нем склонность к уверткам, хитростям, обманам, всякого рода

притворству во взорах, словах, речах, движениях и даже поступках, которые в часы размышления, ибо и Сидор начал уже размышлять, уверила его, что он рожден к чему-то большому, виднейшему, чем лазить на колокольню и вызванивать разные звоны. Такие мысли занимали его иногда долго и сильно впечатлевались в его воображение, которое время от времени делалось стремительнее и тем беспокойнее, что не имело цели, предмета, обладание которым могло бы несколько остудить его. Я думаю, что если бы в то время встретился с ним опытный честный, благонамеренный человек и принял бы на себя труд вывести бедного, заблудшего Сидора на тропинку, ведущую к добру и чести, то он мог бы еще сделаться путным человеком и, следовательно, счастливым, но судьба иначе распределила.

Сказано выше, что свободное от должностей или отдыха время дядя и племянник, шатаясь по городу и заседая в шинках, где - как известно собираются праздные люди всяких состояний, возрастов и склонностей, убивали часы свои. На ту пору слух об успешных по-

двигаях Гаркуши носился уже в тех окрестностях и наполнял умы и воображение пустомелей всякого рода. Уже более пяти хуторов лучших помещиков были разграблены, а хозяева отчасти бесчеловечно истерзаны или даже замучены до смерти. О таковых злодействах всякий судил по-своему, соображаясь с своими чувствами и обстоятельствами. Чернь рассуждала о нем более со стороны выгодной, как о своем отмстителе, а прочие, которые известны там под названием полупанков [Сим именем зажиточные паны называют панов бедных], предавали его проклятию и пророчили, что рано или поздно, а получит казнь достойную; словом, на базарах и в шинках столько тогда было простых и жарких споров, доходивших даже до брани и драки, о делах и будущей участи (ибо язва политики, зашедшая к нам по большей части от немцев, из коих некоторые за свои дипломатические суждения достойны окончить жизнь в доме сумасшедших, распространилась по городам и селам) Гаркуши и его собратий, сколько спустя половину столетия говорено и писано было о Наполеоне Буонапарте.

В одном из таких заседаний случилось, между прочим, сойтись двум великим спорщикам: уездного суда повытчику и ближнего села атаману [Атаман есть в свободном селе староста. (Примечания Нарезного.)], который считал себя в сословии дворян, потому что многие ему равные то же делали, и присваивал титул пана, которое в Малороссии дается мужу, облаченному в синюю черкеску, как в Испании дон - имеющему при бедре саженную шпагу, или в Великой России барин, которым все бородатые величают небородатых.

После жаркой замысловатой речи, в которой повытчик доказывал, что Гаркуша препознанный человек на свете, подобный хорошему хозяину, истребляющему в саду своем репейник и крапиву, дабы помочь заглушенным растениям оправиться и принести ожидаемый плод, - атаман, не нашед приличных выражений к опровержению доводов соперника, прибегнул также к сравнениям и с видом надменности, свойственным дворянину в отношении к разночинцу, сказал:

- Гаркуша твой не что другое есть, как вор, кроющийся от всего света, и до сих пор никто

хорошенько не видал его. Прочти-ка ты историю о нашем Ваньке Каине или о французском Картуше! То-то были настоящие мастера своего дела! Они никого не боялись и среди белого дня в славных столицах, в многолюдных собраниях и театрах - не только являлись, но и производили лучшие удальства свои!

Повытчик в свою очередь не нашелся, что отвечать. Ему отроду не случилось слышать ни о Ваньке Каине, ни о Картуше. Словопрение кончилось, и всякий принялся за дело, для которого пришел в шинок. Один Сидор поражен был словами атамана. Он так много наслышался о Гаркуше, так высоко ценил его достоинства, что, слыша о людях и его превосходивших, не знал, что и подумать. В нем родилось мгновенно страстное желание узнать об них покороче; а потому, отозвав рассказчика в другую комнату и представя к услугам его квартиру вишневки, просил сказать ему что-нибудь о тех великих людях, о коих повествовал он так витиевато. Сей добрый человек объявил, что их нет уже на свете, а остались только описания их подвигов, и он может от

приятеля своего завтра же доставить их на некоторое время.

Он сдержал обещание, и Сидор получил в свои руки драгоценную книгу, в коей описаны подвиги упомянутых витязей.

Глава 2

ПОНЯТНЫЙ УЧЕНИК

Сидор перенес книгу под самую главу колокольни - и в первое досужее время принялся читать с таким исступленным жаром, с такою ненасытною жадностью, с каковою обыкновенно нововоспитанный молодой человек, вышедший только из-под власти франко-наставника, совершенно новый в любовных таинствах, закравшись в будуар старшей сестры или матери, читает гнусные сочиненьица французские, украшенные приличными вивьетами и картинками.

Последствия одни - гибель - если случай или провидение не подадут скорой спасительной помощи.

Звонарь наш почти наизусть вытвердил жизнеописание своих героев, которые прельщали его более, нежели Александра Ахиллес и Карла Александр. Немного приводило

его в смятение и даже в замешательство окончание тех несчастливцев, но Сидор приписывал то собственной вине их.

"Если бы, - говорил он сам себе, - не столько дерзости, надежды на удачу, а более осторожности, скромности и недоверчивости к постоянству счастья, не быть бы одному на колесе, а другому под кнутом. Если же, как тут пишется, такие дела грешны, незаконны, то разве у нас нет покаяния? Мало ли что делали другие, о коих читывал еще дома, а как раскаялись - все как с гуся вода! Так сделаю и я!

Потружусь лет десяток, полтора - соберу хороший достаток, чтоб после с седыми волосами не лазить по лестницам колоколен и не быть за бессилие выгнану, как сделано с моим предшественником, и не торчать целые ночи у ворот, подобно дяде моему Макару, - а после, оставя все суеты мира сего, выберу убежище подальше от родины, переменю имя и раскаяюсь в прежних делах своих, буду жить по-пански. У меня будет по крайней мере один музыкант и один машкара да две или три красавицы, которые не будут бояться

дневного света, подобно монастыркам. Непременно иду к Гаркуше и сделаюсь ему собратом. Не у всякого охотника разрывает ружье и его убивает; не всякий кузнец сожигает пальцы об раскаленное железо; не всякий рыбак утонет! Попробуем счастья!"

Странный случай способствовал намерению сего сумасброда и ускорил его исполнением.

Под вечер одного сентябрьского дня, к великому недоумению задумавшегося Сидора, всполз на колокольню дядя Макар и сказал ему:

- Давно заметил я, племянник, что тайная тоска грызет твое сердце. Я молчал, потому что не люблю выведывать того, что другие скрывают, а сверх того боялся проступить против монастырской добродетели. Теперь вышел у меня такой казус, что никак не могу скрыть его перед тобой. Слушай: сего дня после обеденной трапезы отправился я по обыкновению к шинкарке. Когда я забавлялся там, чем бог послал, и рассуждал с прихожими о том, о сем, что только не нарушало правил нашей добродетели, в речь мою ввязался мо-

лодой мужчина и, по-видимому, шляхтич. Скоро к нему пристало еще человека четыре, и беседа сделалась общею. Противу всех шинкарных обыкновений, вместо того чтобы начать спором, потом дойти до ссоры, а кончить поволочкою, новые знакомцы мне только подтакивали, взапуски потчевали добрыми наливками и совсем не держались нашей добродетели в рассыпании мне похвал. Все, что ни впадало мне на ум, было весьма разумно, и, по их словам, я малым чем был глупее пророка Наума, Когда мы или лучше я довольно понабрались веселого духу, то шляхтич приказал шинкарке кое-что изготовить к полднику, а в ожидании оного предложил прогуляться за городом. Я приглашен вместе с прочими и, ничего не предчувствуя, пошел за ними. Как скоро очутились мы в ближнем перелеске, шляхтич остановился и, миг из веселого товарища сделавшись совершенно важным, вытащил из-за пазухи одною рукою пистолетище величиною с карабин, а другою кошелек и, взведши курок, сказал:

- Пан привратник! Я имею нуждицу поговорить с тобою откровенно и начну уверени-

ем, что пистолет заряжен пулею и что в кошельке ровно десять имперялов. Не робей, дружище, и, выслушав меня с таким же вниманием, с каким выслушиваешь, стоя ночью у ворот своих, условные знаки, скажи откровенно, что ты из двух выберешь, услужить ли мне и взять это золото, или, в случае измены, иметь пулю в голове своей. Ты нигде от меня не спрячешься!

Видя роковую перемену в поступках и словах шинкарного моего друга, я задрожал; а он, увещевая меня быть храбрым, продолжал:

- Я урожденный шляхтич и имею неподалеку отсюда неубогое поместье. С малых лет начал я любить прекрасную Анюту, дочь одной шляхтянки, нашей соседки. Ах! как была она прекрасна в дни своей невинности. По смерти родителей, оставшись двадцати лет и сделавшись самовластным паном над имением и над собою, я открыто предложил руку свою милой Анюте. Как я был гораздо их богаче, то мать дала полное свое согласие, к чему немало способствовало незадолго полученное ею известие, что единственный сын ее, любимый матерью страстно, служащий в нашем

губернском городе и имевший в руках своих все бумаги на имение, по случаю женитьбы своей на выездней польской актрисе один из двух хуторов продал, а другой заложил. О дочери и говорить нечего. Когда все готово было к моему счастью, злые духи принесли в дом моей невесты старую тетку, монахиню из здешнего монастыря, которая вздумала весьма жестоко мстить демону плоти за его неистовства, оказанные над нею во время ее молодости. Не знаю, что ведьма та болтала дочери и матери, только за неделю до свадьбы через нарочного мне объявлено, чтобы я не беспокоился посещать более дом их., ибо, - и теперь едва могу выговорить от гнева и бешенства, - ибо Анюта идет в монахини! Нечего тебе описывать тогдашнее мое состояние.

Ты не шляхтич, так у тебя другая кровь и другое сердце; ты не поймешь меня. Все старания мои увидеться с Анютою, которая после отказа казалась мне гораздо прекраснее, чем прежде, остались тщетные. В самый тот день, когда назначено было венчать нас, она произнесла роковую клятву - увы! совершен-

но отличную от предполагаемой мною. Целый месяц считали меня сумасшедшим и держали взаперти; после я опомнился и плакал тоже месяц. Начало выхода моего было в монастырскую церковь. Я увидел Анюту в черном платье, и незалеченная рана раскрылась. Всякий день я видел ее и всякий день становился влюбленнее. Казалось, что она меня и не видела, и глаза ее вечно или смотрели к небу, или обращены были в землю. Наскуча роковым состоянием, столько меня мучившим, я осмелился написать к Аифизе - новое имя ее - записочку, которая состояла не менее как из семи с половиною строк и которую сочинял я не более как семь дней. В ней живо описана была безмерность страсти моей, непомерное биение сердца, kloкотание крови, кружение головы и трясение рук и ног.

Мне удалось подкупить одну из старых сестер, и записка была верно доставлена. Посуди о моем восхищении, когда получил ответ руки моей любовницы, в котором писала она, чтоб я успокоился, что она должна была уступить докукам тетки и матери, а слыша о кротком, снисходительном, ангельском нраве ма-

тери Маргариты, решила произнести клятву и надеть черную рясу. Она назначила мне свидание на кладбище монастырском, где, упоенная любовью, ободренная чистым сиянием месяца, единственного свидетеля обниманий наших, - забыла Анята безрассудную клятву свою и сдалась - о! Как опишу тогдашнее счастье, блаженство, оживлявшее сердце, душу, все бытие мое! Сия вожденная жизнь продолжалась два года и теперь - теперь только пресеклась, и я - или возвращу ее, или перестану существовать. Ровно теперь один месяц и три дня, как обожаемая Анята перестала внимать моим воздыханиям, разделять мои страстные восторги. Тщетно делал я условленные знаки - тщетно ржал ослом, хрюкал свиньей и завывал филином. Адские врата не отверзались, - и я должен был заключить, что ты имеешь приказание не впускать меня в часы, назначенные для любви и блаженства.

Глава 3

РЕШИТЕЛЬНЫЙ

- Ко всему мною сказанному, - продолжал любовник, - прибавлю, чтобы ты, впуская меня

с одним из друзей, ничего не опасался. Самая важная беда, могущая постичь тебя, когда проведают о твоей ко мне услужливости, состоять будет в том, что выгонят из обители шелепами.

Плюнь на все! Я дам тебе в своем владении убежище, снабжу всем, что только нужно для покойной и довольной старости, ибо уверен, что хотя ты и не молод, но жизнь еще не надоела. Выбирай теперь же, кого ты хочешь во мне видеть, убийцу ли своего или друга и благодетеля.

Так проговоря, уставил он на меня глаза свои, которые в самом деле были весьма страшны или мне так казалось.

Видя неминуемую, я недолго колебался и, приведши на память, что сам человек военный, выпрямился и отважно сказал:

- Государь мой! Было бы тебе известно, что я не всегда отправлял должность привратника. В свою очередь и я служил в полках и отставлен капралом; а потому всякий догадается, что я мужик не трусливый и если теперь избираю кошелек, а не пулю, так это единственно из угождения тебе, из желания услу-

жить - ибо человек, берущий взятки, может-таки что-нибудь сделать, а с разможженной головою никуда не годится. Из сего прошу заключить, что я принимаю деньги; но, принимаясь оказать вам услугу насчет моей совести, я, кажется, имею некоторое право спросить, что вы намерены сделать, как скоро впущены будете во внутренность обители.

- Я и сам теперь не знаю, - отвечал он, - ибо ход происшествий в таких случаях назначает нам продолжение и конец. Надобно быть ко всему готовым и сохранить присутствие духа; надобно прежде все нужное видеть, слышать, понять - потом уже сказать: так или не так!

Находя себя в необходимости на все с ним соглашаться, ибо - между нами сказано - и в самом деле жизнь мне еще не совсем надоела, я взял деньги, условился в знаке и бросился к тебе, любезный племянник, спросить совета:

ум хорошо, а два лучше.

Сказав сие, дядя задумался; племянник в том подражал ему. Молча смотрели они один на другого и время от времени отрывисто произносили: "Ну! - Что? - Надумался ли? - Не

ладится? - Экая беда! - Целое горе!"

Погодя немного Сидор изменился в лице. От сильного волнения крови оно вдруг побагровело, веснушки сделались черны, курчавые волосы еще более съежились, и он, выпуча глаз свой и ударя кулаком в лоб, произнес:

- Я решился, и пусть черт возьмет меня с телом и душою, если не исполню своего намерения!

Отставной капрал задрожал, услыша такую клятву, каковой не слыхивал отроду, но еще в больший пришел ужас, когда услышал, что намерение Сидора состоит в том, чтоб своею особою умножить число Гаркушиных послушников.

- На что похожа теперешняя жизнь наша, - продолжал он, выслушав дядины возражения. - Ты уже дождался развязки и будешь убит, как неверный турка, или выгнан из монастыря с нечестием, и - вероятно - заставив прежде несколько месяцев попоститься в здешней юдоли и вытерпеть несколько сотен ударов в спину. Но у тебя есть прибежище - хутор твоего шляхтича; а случись со мною подобное - я погиб! Словом - я решился и ни для

чего не переменяю своих мыслей!

После долгого прения дядя и племянник согласились, чтобы, не рассуждая много о будущем, положить всю надежду покамест на нового знакомца шляхтича, а чтобы не смотреть ему всегда в глаза, то не худо заглянуть в сундуки церковные. Им весьма не трудно было исполнить свое намерение, ибо церковные ключи были у звонаря и он всегда имел беспрепятственный туда вход и оттуда выход, а обходиться с запертыми сундуками было для них не первоучинка. Они, запасшись всем нужным на дорогу, легко могли бы уйти и одни, но, опасаясь погони, поимки и ужасных от того последствий, с нетерпением ожидали своего покровителя.

Усердный к новому своему знакомцу привратник Макар, чтобы угодить ему в полной мере, во весь вечер отказывал всем ночным посетителям, увещевая их приходиться на другой день в ту же пору. Честные сестры, видя, что у них пусто, немало тому дивились, но как часы пробили полночь, то они зажали до утра смеющиеся рты, затушили огни и, рассуждая, как отмстить своим поклонникам, об-

манувшим их в надежде свидания, опустили руки, куда которой рассудилось, и скоро сомкнули вежды, а все это сказать попроще - заснули.

Как видно, то сего только ожидал нетерпеливый шляхтич. Когда отперта была калитка, то, к удивлению дяди и племянника, - вместо условленных двух человек ворвалось около двадцати. Они окружили звонаря и привратника, и шляхтич сказал:

- Я догадываюсь, Макар, что сей посторонний детина есть твой племянник, а потому вместо подозрения в измене я еще рад, что, не искавши, его вижу. Надобно тебе признаться, что в продолжение нескольких часов склонность моя переменяла предмет свой. Я хочу госпожу Анфизу оставить в покое, а вместо того поздороваться с другою. Пан звонарь! Проводи нас в церковь, да как можно тише, скромнее. Иначе - слышали ли вы о Гаркуше? Он перед вами!

При сем роковом имени дядя затрясся всем телом, а племянник, будучи поражен не меньше, - от испугу, радости и беспамятства, совокупно в нем подействовавших, получил -

удивительное дело! - необыкновенную силу разума и, сделав около себя правой ногою полкруга, стал на колени и хотя не очень твердым, однако внятнм голосом произнес:

- Величайший из всех обитавших под солнцем! Давно сердце мое избрало тебя своим наставником, повелителем, владыкою! Сегодня дал я святую, ненарушимую клятву служить тебе рабски, если удостоишь назвать меня собратом храброй твоей дружины! Ты видишь нас готовых к дороге, и эта дорога вела к тебе. Хотя глупые и злые люди утверждали, что ты не можешь сравниться с Ванькою Каином и Картушем, однако я не верю им и считаю обоих в сравнении с тобою обыкновенными шишиморами!

Гаркуша, шляхтич, Макаров знакомец, был действительно атаман и отвечал, что о таком предложении подумает, и приказывал вести себя в церковь, что и было сделано с величайшей услужливостью.

Глава 4

ИЗУВЕРЫ

Ничего не было священного для сих извергов; чего не могли унести с собою, то было пе-

репорчено. По выходе из храма Гаркуша велел на дверях опого написать свое имя и время посещения.

Макар, выпустя всех и вышед сам из ограды, запер ворота тщательно и побрел с племянником вслед за шапкою, которая в знак бодрости распевала веселые песни. До самого рассвета шли они полями и перелесками, а тогда очутились в довольно частой роще и выбрали ее местом отдыха.

Атаман приказал представить к себе дядю и племянника. Осмотрев обоих внимательно, он произнес:

- Ты, дядя Макар, уже стар и бессилён, а потому для меня бесполезен. Ты неосторожно сделал, что оставил мирную обитель. Сидор! Твой стан, взор и все лиценачертание мне понравились. С первого на тебя взгляда увидеть можно, что ты рожден храбрым человеком и предназначен умножить собою число подвластной мне дружины. Но прежде, нежели удостою тебя сей чести, ты должен выдержать испытание, какое назначу!

Сидор поклялся, что он не откажется исполнить все, что только будет в его возмож-

ности, и атаман продолжал:

- Что ты сделаешь с сапогами ветхими, которых уже носить не можешь?

- Я их кидаю!

- Точно так поступать надобно и со всякой всячиной, как то: со скотами двуногими и четвероногими. Дядя твой прожил гораздо долее, нежели сколько нужно, чтобы быть кому-либо полезным! На этом дереве теперь же повесь его, а я на этом же месте назову тебя своим собратом!

Хотя пан Сидор и приготовился быть храбрейшим человеком, однако, услыша такое предложение, изменился в лице, а о дяде Макаре и говорить нечего. Он едва мог удержаться на ногах; Гаркуша хранил холодное молчание, а шайка подняла громкий хохот. Всех любопытные взоры были обращены на Сидора.

Если кто представит себе человека, колеблемого разными, но равно жестокими страстями, не знающего, куда обратиться, ибо везде очевидная гибель неизбежна, тот представит себе чудовищного Сидора, с помертвевшим лицом, стоявшего неподвижно с

устремленным вниз глазом и опущенными руками. Пот градом лился с лица его, и одно колебание колен показывало, что он еще не в могиле.

Гаркуша продолжал:

- Вижу, что иногда нечаянность происшествий может поколебать твердость и самого отважного человека, но такое потрясение должно быть мгновенное. Врожденное чувство великости опять вступает в права свои, и - герой опять является героем. Подайте веревку пану дьяку Сидору! Я уверен, что он выдержит сей опыт и сделается достойным нашего собратства!

Подобно глиняной статуе, оживленной огнем Прометеевым, пан дьяк Сидор встрепенулся, бледность уступила место багровой краске, глаз воспламенился огнем ужасной решимости, и эта решимость не была в нем следствием отчаяния, нередко производящего такие подвиги, на какие размышляющий о причинах, их ходе и окончании никогда не отважится. Нет! Сидорова решимость была настоящая готовность сделаться злодеем и на первом испытании - одним скачком, так ска-

зять, - перескочить половину пути своего. Он произнес громовым голосом:

- Великий атаман! Ты во мне не ошибаешься! Если я от слов твоих позамялся, то это, точно, была минутная слабость! Дядя Макар! И подлинно ты пожил довольно на свете, и уповаю, что расстанешься с ним без особенной скорби. Я знаю, что ты наделал достаточное число грехов всякого рода, за которые не избежал бы дьявольских объятий на том свете, если бы время службы твоей в монастырской обители не давало тебе некоторого права к сопротивлению власти вражьей. Ты так верно служил избранному стаду смиренных отшельниц, что они, конечно, не забудут тебя в своих молитвах. Итак - прежде нежели нагрешешь снова, не выгоднее ли, будучи полуправедным, затесаться в обители вечной веселости? Честнейший дядя Макар! На котором дереве желаешь вознестись в вечность? Я надеюсь, что снисходительный атаман позволит тебе таковой выбор!

Дядя, получивший в свою очередь употребление чувств, начал доказывать свою невинность, свою услужливость, свою старость, ко-

горая и без веревки не замедлит спихнуть его в могилу, тщетно: атаман был непреклонен, дал знак, и мужественный Сидор накинул петлю на выю дяде Макару, который, видя, что сопротивление продлит только страдание, смиренно шел по направлению веревки.

Уже все приготовления к воздвижению дяди Макара были готовы, и племянник с непоколебимым мужеством готов был приступить к самому делу, как атаман еще сделал знак остановиться и сказал торжественно:

- Bravo, пан дьяк Сидор! Теперь ясно видим, что монастырская жизнь не развратила врожденных в тебе достоинств. С сей минуты ты брат наш! Макар будет жить; я и ему найду должность!

Сидор произнес клятву в верности обществу и атаману, принял поздравления и - пил из общей баклаги. Достигнув своей ПУСТЫНИ, они несколько дней пировали, а после Макару - названному инвалидом - поручено было смотрение над чистотою во всей обители, а Сидор с первой вылазки начал служить в поле. Во время осад он превосходил всех жестокостью, буйством и остервенением, что меж-

ду братнею называлось храбростью и твердостью духа. Равномерно в низших плутовствах не было ему подобного. Прежде нежели атаман нападал на какой-нибудь хутор или панский дом, Сидор бывал там в различных видах, одеянии, звании. Особливо с неподражаемым искусством представлял он нищего. Все крестьяне сожалели, слыша басни, им о себе рассказываемые, а заунывные песни его отворяли ему двери в домах панских. Он все высматривал, подслушивал, делая местные соображения, сообщал все атаману, который, потому уже расположись, нападал на неосторожных, грабил, жег и мучил помещиков, имевших несчастье не понравиться кому-либо из крестьян своих. Такими-то достоинствами пан дьяк Сидор, мало-помалу входя в любовь и почтение великого своего атамана, сделался, наконец, особливим его наперсником, и вся шайка оказывала ему явное преимущество. В сем-то положении дел застигла их зима в пустыне, как сказано выше.

Глава 5

ЧУДНОЕ ПОСОЛЬСТВО

Всякое другое общество, проводя зиму в

подобном месте, быв в веселостях своих ограничено начальником, всего боящимся, везде подозревающим, почло бы себя близким к аду; но буйная сволочь сия отнюдь не унывала и утешала себя представлением будущей весны и сопутствующих ей вольности, или, лучше, своевольства, и возможных увеселений по вкусу каждого.

Наконец и весна воскресла. Снега растаяли; ручьи зажурчали в тесных берегах своих; ранняя трава показалась, и почки с каждым днем более распускались и зеленели.

Атаман, собрав к себе есаулов, говорил им:
- Вожделенное время настало, и мы могли бы уже, испрося благословение от неба, начать свои подвиги, однако я имею основательные причины отложить открытие оных до конца сего месяца. Время сне препровождено может быть по-прежнему, но не запрещаю охоты. Каждый из вас может увольнять на сей промысел вдруг двух и трех из подвластных ему работников, но с тем, чтобы они к ночи возвращались и отнюдь не дерзали выходить из пределов леса. Уверьте их, что мною давно обдуманно, что, как, когда

и кому делать!

Отпустя прочих, он оставил при себе Охри-
ма и Сидора.

Он сказал им:

- Верные друзья мои! Вы, которых мужество и расторопность испытаны мною во многих важных случаях, выслушайте меня и судите, пекусь ли я о благосостоянии вверенной мне промыслом собратий. Вы согласитесь, что чем кто преднамеревается к важнейшему делу, тем более должен укрепить свои силы. Вам известны планы действий наших в наступающее удобное время, а потому не станете противоречить, что непременно должно, по крайней мере, удвоить наше людство. Набирать из тех, коих приводит к нам скудость, претерпеваемые угнетения, опасение народной казни и другие подобные случаи, весьма неудобно. Не говорю, что тут крайне осторожну надобно быть против измены, другие препятствия отяготительны. Приучать каждого к действию ружьем и саблею, знакомить с неизвестным им послушанием, придавать бодрости в опасных обстоятельствах - хотя трудно и скучно, но все-таки возможно; но

кто даст изворотливость истукану; кто вперит ум в чугунную голову; кто одушевит сердце каменное? Это выше сил человеческих и следственно, наших! Для сегото я нашел средство - если бы только удалось оно - вдруг братство наше увеличить присовокуплением сотни храбрых опытных молодцов, которым ничто уже между нами дико не покажется; а сверх того, судя по общим слухам, они должны быть недальними нашими соседями. Думаю, что многоопытный Охрим меня понимает!

- Давно понял, великий атаман, - вскричал Охрим, - о каких людях говоришь ты; но не отгадываю найденного тобою средства к соединению двух храбрых сословий.

- Средство это, - отвечал Гаркуша, - состоит в соединении. Разве не соединены две особы, когда только одни их руки скованы между собою цепями неразрывными? Разве не соединятся между собою два общества, когда атаманы их соединены будут узами любви? Так, друзья мои! Для общего блага я готов пожертвовать своею свободою и женюсь на Олимпии, хотя бы даже - чего я, однако, не ожи-

даю - она была на то и не согласна. Вас обоих, и только одних - а для всех других из дружины сие мое намерение до времени должно быть тайною, - избираю на сие важное дело!

На ваш разум полагаясь, предоставляю вам самим найти дорогу к обителищу Олимпии, явиться к ней в виде послов моих и предложить ей руку мою. В палате моей выберите одежду и оружие, какие заблагорассудите, и возьмите казны, сколько пожелаете. Благословение мое денно и ношно будет вам сопутствовать.

Выслушав такое предложение, Охрим и Сидор наполнились некоторым восторгом, похожим на вдохновение. Они торжественно клялись употребить все способности душ своих, чтобы в точности исполнить его желание. Запасшись всем нужным в сию дорогу и посоветовав атаману нимало не беспокоиться, хотя бы целую неделю не видал их возвращения, в самый полдень вышли они на поверхность - и пустились в дорогу.

Глава 6

ДАЛЬНОВИДНЫЕ

Дальновидные послы наши очень знали,

что если они, бродя по ужасному лесу, будут отыскивать нареченную невесту своего атамана, то могут прошататься даже целый год, а все выйдет по-пустому; почему пробрались прямо в знакомое село, где хотя слух о их подвигах весьма распространился, но как по политике атамана никто из них не сделал там никому обиды, то, по всему вероятно, - если бы и вся шайка в один раз туда нагрянула, едва ли обратили бы на себя подозрение в обывателях. Они затеяли, чтобы каким-нибудь обр,ч юм признать хотя одного из почтенных рыцарей лесной невесты и посредством его узнать ее обиталище. На сей конец согляда-таи бродили по шинкам, базарам и церквам, но, к неудовольствию, нисколько не успели в своем предприятии. Они везде встречали обыкновенные лица, не имеющие на себе никаких особенных отпечатков, и так провели три дня. Четвертый был день базарный. Сидор и Охрим отправились на сборное место, условясь смотреть внимательно на каждого из продающих и покупающих, и первый при-совокупил, что он и одним глазом надеется более увидеть, чем многие другие двумя.

Проходя ряды, где торговали всякой всячиной, они и действительно не пропускали ни одного мужчины, чтобы не обратить на него самых внимательных взоров; но, к большому их негодованию, до самого вечера все их созерцания были бесполезны. Наконец надежда их оживилась. В последнем ряду они заметили двух казаков, кои покупали чугунные и железные вещи, порох, дробь и свинцовые прутья, а между тем двое нищих терлись позади их и оказывали великое искусство в проворстве рук своих.

- Сидор! - сказал тихонько Охрим. - Протри-ка глаз свой и рассмотри вот этих четырех занимательных особ!

Что ты об них скажешь? А мне кажется, что одного из сих казаков я уже видел в качестве лекаря!

Пан Сидор, оборотясь к нему, с надменной улыбкою произнес:

- Что ты говоришь, дорогой собрат! Разве не знаешь, что я, набираясь некогда премудрости у проклятого дьяка Сыся, нажил горб и лишился глаза? Из сего заключи, что я не плоше твоего вижу, слышу и чувствую. Теперь-то

начнем действовать во славу божью и во спасение людям!

После сего они не выпускали уже из виду означенных людей, и когда сии, нагрузаясь всем нужным, удалились с места торжища, а потом и из села, то и наши посланники следовали за ними. Первые, несколько раз оглядываясь назад и видя подозрительных последователей, недоумевали, что надобно думать и делать. Когда же они, вступая в известный лес, то же видели, то сделали наскоро совет, остановились и, дождавшись приближения нахальных незнакомцев, с суровыми взорами их окружили. Тогда один из них - теперь скажем, что догадка мудрого Охрима была на сей раз весьма справедлива: это и действительно был несколько уж нам знакомый Сильвестр, - он спросил:

- Приятели! Что вы за люди и чего от нас хотите, что следите по пятам нашим?

Тут Охрим распрямился и, завернув шапку набекрень, сказал:

- Не подивись, приятель, если услышишь нечто новое:

я тот, который без малого за год пред сим

имел честь самолично видеть твое искусство, с каковым ты в одну ночь в сем же лесу перевязывал рану на руке атамана-девки.

Кто опишет всю великость удивления, поразившего умы Сильвестра и его спутников? Они раскрыли рты, делали разные движения руками и все, устремля изумленные взоры на Охрима, не отвечали ему ни слова. Охрим, немаловажный наблюдатель сердец человеческих, пользуясь таким их онемением, с большею отвагою продолжал:

- Вижу, что вы по нечаянности моего слова несколько оторопели. Чтобы привести вас, столь достойных удальцов, в положение, вас и нас достойное, скажу, что я и сей достойный собрат мой Сидор служим есаулами под славными знаменами знаменитого атамана Гаркуши, о коем, наверное, вы довольно слышались и от коего отправлены полномочными послами к храброму атаману Олимпию, о подвигах коего с достойною дружиною и мы весьма известны.

Общая польза обоих обществ требует личных соглашений, а от того весьма много зависеть будет. Посему именем своего атамана

просим представить нас пану Олимпию и надеемся, что просьба Гаркуши, объявляемая его послами, без исполнения не останется.

Разумеется, что после такого предисловия Сильвестр и его спутники начали дружески обнимать Сидора и Охрима и по требованию последних тут же повели их в стан Олимпия. Подвиги Гаркуши в течение одного года новой его жизни произвели то, что всякий из подобных ему извергов считал за честь видеть его, слушать и даже ему повиноваться.

Глава 7

ЧТО-ТО БУДЕТ?

Сидор, яко многоученный человек, взял на себя обязанность сочинить мысленно речь и проговорить ее пред атаманом Олимпием, почему во всю дорогу не вмешивался в разговоры новых друзей своих; зато усердный Охрим неумолкно повествовал о подвигах атамана Гаркуши и всего братства. Сильвестр не хотел унижить славы и своего атамана, и таким образом все не заметили, как достигли становища. Они увидели довольно обширную долину, окруженную древними дубами, соснами и елями. Посередине сей лощины разбито

было до двадцати палаток, из коих одна отличалась своею обширностью и вышиною. По обе стороны сего холстяного городка расставлены были разного рода телеги и повозки, между коими находились в довольном количестве лошади, быки, овцы, бараны и даже свиньи.

Все же становище обнесено было сплошными рогатками.

Когда к сей крепости путники приблизились, то Сильвестр, обратясь к Сидору и Охриму, сказал:

- Братцы! По нашему уставу, я не смею вести вас далее без дозволения атамана: побудьте здесь, а я постараюсь возвратиться поскорее.

Он с сопутниками своими вошел за ограду, а посланники начали на досуге рассматривать стан. Многие из обитателей оногo глядели любопытно на пришельцев, но видя, что они пришли с их братнею, не беспокоили их неуместными вопросами. Местах в пяти разведены были большие огни, у коих на треногах висели огромные котлы. Хозяева занимались различными потехами. Сильвестр воро-

тился и объявил, что атаман еще со вчерашнего вечера с двадцатью храбрецами отправился в дальний поход на важный промысел, вероятно, до будущего утра домой не будет.

- Однако старший есаул, из уважения к славному имени Гаркуши, дозволяет вам провести ночь в сем стане.

Итак, милости просим. Мы вас сытно накормим, а вы переночуете в моей палатке с пятью подвластными мне богатырями.

Как сказано, так и сделано.

Глава 8

СВАТОВСТВО В ЛЕСУ

Едва занялась заря утренняя, как все в становище зашевелилось и вскочило на ноги. Громкие голоса людей, раздававшиеся с разных сторон, ржание коней, мычание быков и блеяние овец представляли из сего разбойничьего гнезда селение в дни ярмарки. Взошло солнце, Сидор и Охрим вылезли из своего шатра и увидели, что огни пылали во многих местах и готовился завтрак. Разбойники заняты были различными упражнениями: одни чистили ружья и пистолеты, другие оттачивали ножи и сабли, а некоторые, не имея за

собой никакого дела, валялись на траве, курили трубки и - калякали.

Как уже всему стану известно стало, что в нем находятся два есаула Гаркуши, прибывшие от него послами к их атаману, то многие из шайки их окружали и почтительно приветствовали. Особливо есаулы весьма старательно расспрашивали о нраве и образе жизни Гаркуши, о законах, какие дал он обществу, и о способах, какими он ведет войну. Разумеется, что всякий посол всемерно должен стараться о возвеличении чести его посланного, а посему и Сидор наговорил о Гаркуше столько необыкновенного, чудесного, что все слушатели разинули рты и притаили дыхание. Хотя они и по общему слуху удивлялись отважности, уму и счастьем сего атамана, но, по словам Сидора, Гаркуша был отважнее Еруслана Лазаревича, разумнее Картуша и счастливее мальчика в семимильных сапогах.

Когда кашевары объявили, что завтрак готов, то есаулы-хозяева пригласили в кружок свой есаулов-гостей. Они уселись около огромного котла с кашею, приготовленною с

бараниной и свиным салом. Сначала пошла кругом изрядной величины баклага, гостям поданы большие деревянные ложки, и все начали насыщаться.

Как скоро котлы и баклаги сделались пусты, то в некотором отдалении раздался пронзительный свист, а вскоре послышался пистолетный выстрел. Вся шайка вскочила на ноги, и в молчании - казалось - чего-то ожидали. Другой свист и другой выстрел. Разбойники стояли в прежнем положении. Третий свист и третий выстрел, "Наши, наши!" - воскликнули все и бросились за рогатку. В непродолжительном времени показалась ватага, человек из десяти состоящая. Домоседы встретили их радостным воплем и поздравляли с победою.

- Не очень радуйтесь, - сказал атаман: его сейчас можно было узнать по тому, что из всей шайки у него одного не было усов, - вы видите, что я привожу людей половиною меньше, нежели сколько повел на промысел. Нас так встретили, как мы никогда и не ожидали. Из сего основательно заключаю, что тут не без измены. Все меры приложу открыть преступника, и - о боже! - и адские мучения

ничего не значат пред теми, какие ему назначу!

Он вступил за рогатку и, приметя незнакомых людей в Сидоре и Охрине, обратясь к старшему есаулу, спросил:

- Это что за пришельцы? Наружность их кажется мне подозрительною!

- Никак! - отвечал есаул. - Они честные и храбрые люди, ибо служат под начальством Гаркуши в почтенном звании есаулов и присланы от своего атамана к тебе с какими-то важным:! предложениями!

Атаман Олимпий приметно удивился.

- От Гаркуши - ко мне - с предложениями, - сказал он протяжно. - Какие же предложения может сделать мне атаман ваш? - спросил он у посланников.

- Великий атаман! - отвечал Сидор, распрямясь, сколько ему было можно. - Дело, за которым к тебе мы присланы, такой важности, что можем сообщить о нем одному только тебе!

Атаман, опять осмотрев их внимательно, сказал:

- Хороню! Я согласен! Но не спавши две но-

чи сряду и проведя полторы сутки в беспре-
станных трудах и в движении, я имею нужду
в отдыхе. Подождите в моем стане.

Вы будете в обеденную пору исправно на-
кормлены, а там я позову вас и выслушаю!

Сказав сии слова, атаман простился с есау-
лами и скрылся в шатре своем. Несколько за
полдень Сидор и Охрим позваны были к ата-
ману и нашли его лежащего на кожаном тю-
фяке, на траве разостланном. Всю домашнюю
утварь составляли два ружья, три пары пи-
столетов, две сабли, два большие ножа и с де-
сять деревянных обрубков, служащих на ме-
сто седалищ. На сделанный ими поклон ата-
ман привстал, сел на тюфяке и сказал ласко-
во:

- Садитесь, паны, и объявите, в чем состоит
предложение, которое через вас хочет сде-
лать мне храбрый атаман ваш?

Пан Сидор разгладил чуб, протер глаз и,
выставя правую ногу вперед, а правую руку
подняв вверх, раздувши ноздри, произнес:

- Знаменитый атаман! Начальник наш ата-
ман Гаркуша желает тебе здоровья и долгоден-
ствия! Он наслышался о великих твоих по-

двигаях и надеется, что и его дела не уклонились слуха твоего. Ты имеешь довольное число храбрых витязей под своим начальством, но и его дружина достаточна была - ты сам это неоднократно слышал - к разорению многих богатых хуторов, к наказанию панов их за гордость и бесчеловечие; она достаточна была - согласишься, высокоименитый атаман, что ты с своею дружиною отнюдь не отваживался на подобный подвиг, хотя в военном деле упражняешься уже около пяти лет, - на осаду целого селения и на победу над оным! Уединяясь на глубокую осень и на зиму в свою пустыню, которую некогда занимал ты со своим братством, мы предались покою после трудов летних, но душа Гаркуши не могла терпеть праздности: с позволения его мы - есаулы - каждый день по несколько часов должны были проводить в его доме, где беседовали о подвигах, какие намеревались предпринять с наступлением весны.

Наконец солнце стало ярче, дни яснее и продолжительнее. Снега начали таять, и на проталинах запели птички.

С обрубистых краев нашего становища по-

лилась вода в тысяче местах и, сливаясь в малые ручьи, погружалась в озеро. Несколько дней назад поутру Гаркуша велел позвать к себе меня и сего друга Охрима. Когда явились мы, он сказал: "Братья! В прошлогодний поход мы довольно отличились, но могли бы отличиться и более, если бы посильнее были. Хотя я надеюсь, что в этом со временем, наверно, успеть можно, но вы знаете, сколько я нетерпелив, и ждать долго приближения времени к отличию - для меня несносно! Думая о сем день и ночь, я - к услаждению моего сердца - нашел, наконец, средство, по коему можем теперь же силу свою удвоить. Вы все знаете, что в сих сторонах, и всего вернее, что в сем же лесу, обитает многочисленная дружина, предводимая атаманом - девицею Олимпией! Отправьтесь как можно скорее к ней, объясните о моих мыслях и желаниях, предложите ей мою руку и собранные богатства и просите о согласии на соединение обоих храбрых обществ. О! Если только сия мужественная девица склонится на мое предложение, то чего мы с нею не наделаем! Теперь трепещут нас хутора и села, а тогда затрепетали бы це-

лые города с пригородками!" Что скажет мужественный атаман, прекрасная Олимпия, на сие предложение?

Сидор низко поклонился, умолк и багровый глаз свой уставил на лицо Олимпии. Она довольно времени погружена была в задумчивость, потом, тяжело вздохнув, встала и, подошед к послам, произнесла:

- Чудное дело, сколько я ни старалась скрывать пол свой, эта тайна дошла уже до ушей Гаркуши! Не скрою, что предложение вашего атамана действовать соединенными силами - мне нравится; но сделаться его женою это сопряжено со многими затруднениями! Ах! Было время, и время пагубное, когда я испытала тяжкое иго рабства, испытала насилье и бесчеловечие, и потому настоящая свобода для меня прелестна. Впрочем, я уверена, что Гаркуша, если бы когда и увидел меня своей женою, никогда не покусится и подумать, что я раба его. В таком важном случае есть о чем подумать! Прежде, нежели скажу что-нибудь решительное, мне нужно видеться и поговорить с Гаркушей. Если он поклянется устоять и сохранить условия, какие

предложу ему, то, может быть, и я упрямиться не стану. Я позвала бы его сюда, но некоторые из дружины много раз уже делали мне подобные предложения, итак, в глазах их производить свадебные переговоры значило бы - по моим мыслям - оскорблять их нежность и разборчивость. Если чему быть, так пусть сбудется то в его стане.

Я весьма хорошо знаю дорогу и сказываю, что если теперь отправиться, то до самой ночи не успеем на место, а это было бы неприлично. Итак, переночуйте здесь, и рано поутру пустимся в путь; между тем я сделаю нужные распоряжения насчет моей отлучки. Вы угощены будете по-пански. Прогуливайтесь по стану и даже за оградю, но далеко не заходите, ибо места совершенно вам незнакомые и дело идет к ночи. О предложении вашего атамана настоящей истины никому ни слова. Завтра вы будете призваны в шатер мой! До свиданья!

Глава 9

ВСТРЕЧА НЕВЕСТЫ

Паны есаулы Сидор и Охрим, вышед из ставки атамана Олимпии, встречены были

всеми чиновными людьми ее дружины. Все любопытствовали знать, о чем шло дело с атаманом? Посланники были так хитры, что отбояривали всех объявлением о намерении своего атамана, соединя оба ополчения, напасть на город, который к тому способнейшим покажется, для чего и нужно сделать особенное распоряжение, и что их атаман Олимпий отложил дать решение свое до утра на другой день.

Есаулы и отважнейшие из шайки Олимпиной ахнули, услыша о таком ужасном намерении, каковое им до сих пор и в голову не входило. Посланники это заметили, сейчас приняли на себя надменный вид, раздули щеки и ноздри, и все начали ласкаться к ним, как к людям особенного достоинства. Всякий из есаулов наперерыв желал иметь их на ночь в своей палатке; но они, из благодарности к первому из шайки сей знакомцу, Сильвестру, склонились на его усиленную просьбу и шатер его назначили местом своего ночлега.

Едва вошло солнце, Охрим пробудился и, не видя подле себя товарища, почел, что он

вышел за какую-нибудь нуждою. Одевшись, он сам вышел из шатра, но, к великому удивлению, нигде не видал Сидора. У кого из шайки о нем ни спрашивал, всякий отвечал, что он лучше других должен о том ведать, проведя ночь в одной ставке. Вскоре нарочный позвал его к атаману, и Охрим пошел с крайним смущением, которого никак не мог рассеять и тогда, когда предстал к нему. Первый вопрос его был:

- Где же собрат твой?

- Ничего не знаю! - отвечал есаул печально. - Даже не знаю, что и думать!

Олимпия, помолчав несколько, сказала с улыбкою:

- Я догадываюсь, где он. Всего вернее, что усердный есаул, не дожидаясь твоего пробуждения, пустился к своему стану, дабы предупредить атамана о моем прибытии.

Я все приготовила к моему отсутствию дня на три или и более; ибо если предложение Гаркуши и не исполнится, то все-таки мне хочется познакомиться с Гаркушею и погостить у него несколько времени и, буде можно, перенять несколько отважных ухваток! Я из

своих никого не беру, да и не нужно. Путь неближний. Подкрепим силы завтраком и пу- стимся в дорогу.

Когда мы в самом начале сей повести уве- домили читателя о наружности и дарованиях Гаркуши, то справедливость требует хотя в нескольких словах показать, какова была его невеста. Кто может представить женщину около двадцати пяти лет, росту несколько вы- ше обыкновенного для ее пола, с большими черными пламенными глазами, сверкавши- ми из-под густых бровей, с приятным лицом, но выражающим гордость, самовластие и непокорность, женщину с широкими плеча- ми, с возвышенной грудью, с полными креп- кими руками - тот несколько представит в во- ображении своем атамана Олимпию.

Позавтракав по-разбойничьи, то есть наев- шись на целый день, они оставили станови- ще. Неудивительно, что Олимпия, поожив- шая в сих местах около пяти лет, весьма твер- до знала дорогу; при всем том, когда прибыли они ко спуску в пустыню, солнце было уже почти на по-ловине дневного течения. Охрим заметил, что грудь у Олимпии начала под-

ниматься выше обыкновенного и загорелые щеки ее побагровели. Они спустились вниз и вступили в долину. Первый предмет, им встретившийся, было зрелище особенного рода. Вся шайка разделена была на пять ватаг, и впереди каждой стоял есаул ее. Сидор начальствовал передовою и, прохаживаясь рядом с атаманом взад и вперед, несмотря, что был об одном глазе, первый заметил прибытие желанной невесты, надвинул шапку набекрень, схватил атамана за руку, оборотил его к идущим и произнес громко: "Она!" - махнул рукою, и в тот же миг передовая ватага дала ружейный залп. Гаркуша, одетый в запорожское кармазинного цвета платье, опоясанный дорогою саблею, сняв шапку, пошел навстречу госте. Залпы из всех пяти ватаг кончились, и начался беглый огонь из ружей и пистолетов.

Подошед к своей воинственной нимфе, Гаркуша произнес:

- Я считаю себя весьма счастливым, что вижу в сей прелестной области мужественного атамана - прекрасную Олимпию! Из сего доброго начала я дозволю себе предсказывать,

что и конец надежды моей будет желанный!

- Я и сама не менее рада, - отвечала Олимпия, устремив на него пламенные глаза, - что имею случай видеть близ себя человека, которому во всей округе нет подобного в храбрости и замыслах.

После сих обоюдных учтивостей они обнялись по-братски и с нежностью поцеловались. Гаркуша, взяв гостью за руку, повел к жилищам, где увидела она на берегу пруда обширный шатер. Посередине одного стоял стол, прибранный на десять человек. Тарелки были оловянные, а ложки серебряные, что доказывало заживность, вкус и щегольство хозяина. Шайка, встречавшая гостью, расположилась позади шатра. Гаркуша с почтительной нежностью усадил невесту за стол и сам сел подле нее. Есаулы уместились по обе стороны, и, к удивлению Олимпии, в скором времени уместились противу их священник и дьячок. Пиршество было такое, какого ни у одного из окольных панов не бывало ни в именинные дни. Под конец, когда хозяин, взявши в руку серебряную стопу с наливкою, возгласил: "За здравие храброй Олимпии!"

шайка опять подняла пальбу и продолжала до тех пор, пока не встали из-за стола. Есаулы и прочие гости, чувствуя себя не твердыми на ногах, коекак побрели к своим хатам, все со стола было собрано, разбойники расположились недалеко на лужайке обедать и бражничать, и в шатре остались одни - жених и невеста.

Глава 10

ДЕВКА-ВИТЯЗЬ

Гаркуша, взяв Олимпию за руку и смотря на нее умильно, сказал:

- Храбрая девица! Если что-нибудь из военных дел моих дошло до твоего слуха, то ты везде со стороны моей видела быстроту и решительность в действиях. Мое всегдашнее правило было и будет, чтобы, если что доброе можно сделать сегодня, того отнюдь не откладывать до другого дня. Итак, любезная Олимпия! Если предложение, объявленное моими есаулами, тебе не противно, то зачем медлить? Священник с дьячком заманены в стан мой; скажи одно слово: "Я согласна!" - и мы в сию же минуту сделаемся мужем и женою!

- Гаркуша! - отвечала Олимпия, сжав его

руку. - Я от природы чистосердечна, а теперь и подавно не имею надобности скрытничать. Итак, скажу, что по слуху о твоих успехах в своем звании я тобой пленилась, а теперь, видя и твою наружность, я одобряю прежние о тебе мысли. Однако можно быть хорошими знакомцами, мало зная один другого, по между мужем и женою - это не годится. Расскажи мне без всякой утайки главнейшие обстоятельства своей жизни; я сделаю то же; и если тогда признаем, что можем ужиться между собою, то я подам тебе руку, и пусть священнослужитель благословит союз наш!

Гаркуша с удовольствием принял предложение и со всей искренностью рассказал важные случаи его жизни, или, лучше, случаи прошлых полутора лет, ибо до того времени жизнь его была так единообразна, как жизнь быка или барана, и Гаркуша не прежде проснулся от душевного сна, как увидя, что дьяк Яков Лысый тащит его за ворот из церкви, и почувствовав, что он делает сие несправедливо и достоин отмщения. Олимпия слушала рассказ своего любовника с великим вниманием. Несколько раз она улыбалась, а

еще чаще глаза ее воспалялись гневом и щеки покрывались густым румянцем негодования и готовности к мщению. Когда Гаркуша дошел до настоящей минуты и замолчал, то Олимпия, взглянув на него пасмурными глазами, сказала со вздохом:

- Сколько я могу судить, ты ничего не сделал такого, за что бы могла угрызать тебя совесть: ты или защищался сам, или защищал других от злобы и насилия, наказывал беззаконных. Но со мною был один несчастный случай, который до самой могилы не перестанет терзать душу мою и приводить в содрогание сердце. Выслушай повесть мою и суди, могу ли я постоянно сохранить свое спокойствие и можешь ли ты быть счастлив в объятиях женщины, мне подобной?

Я родилась подданной богатого пана Гуржия, проживавшего на хуторе в двадцати верстах от ближнего отсюда селения. У пана все семейство состояло из одного сына Турбона, который был годами пятью меня старше. Когда я начала себя чувствовать, то, вместо того чтобы участвовать в играх равнолетних мне девочек, я вмешивалась в кучи мальчишек,

ездил на них верхом или допускала на себе ездить, смотря на чьей стороне был выигрыш, а к вечеру, перед возвращением в дома, мы забавы свои оканчивали кулачным боем, и я нередко являлась к отцу и матери окровавленная, с общипанными волосами. Отец мой, походя нравом и ухватками на своего вздорного папа, был у него дворецким, следовательно, имел возможность удовлетворять свое и панское лихоимство, злость и прочие страсти. Он сквозь пальцы смотрел на сомнительное поведение жены своей, а моей матери, которая почти без всякого закрытия своевольно обходилась с паном, и по всему дому носился слух, что в бытии моем дворецкий не имел ни малейшего участия. И действительно: пан одевал меня гораздо наряднее, нежели прочих девчонок, живших в доме; почти каждодневно призывал к себе, делал небольшие подарки, но вместе с тем и строгие увещания, чтобы не вмешивалась в игры совсем не девичьи. Он даже к словам присовокуплял иногда угрозы и побои, но ничто не помогало. Я терпеть не могла обходиться с девчонками и везде искала мальчи-

ков, заводила между ими ссоры и драки и не могла налюбоваться, смотря на текущую из носов кровь и на клочья волос, летающих по воздуху. Иногда случалось, что они, проникнув мое лукавство, кидались на меня по два и по три. Я отнюдь не робела, встречала их храбро, и поволочка начиналась изрядная. Конечно, я возвращалась домой вся в крови, но и нахалы оставались не в лучшем состоянии.

Поверишь ли, Гаркуша, что такой род жизни провела я до девятнадцатилетнего времени. Тщетно мать - отца давно уже не было на свете - учила меня шить, прядь, вышивать, - я ничего понимать не хотела. Когда она подходила ко мне с поднятым кулаком, я вставала с лавки и также поднимала кулак. Что оставалось ей делать? Она обыкновенно жаловалась пану, я была призываема, получала добрые пощечины и палочные удары в спину, но это ни на минуту не переменяло образа моих поступков. Вместо того чтобы, получая достаточное истязание, с плачем воротиться в свою хату, я бодро выбегала на улицу и до тех пор бежала не останавливаясь, пока не

нагоняла или не встречала какого-нибудь возрастного мужчины (с мальчиками давно перестала связываться), и тогда останавливала его или звонкою пощечиною, пли исправною подзатыльщиною. Пока пораженный мо опомниться, я успевала наделить его дюжиною ударов. Я так прославилась уже по всему хутору удальством, что многие, почувствовав силу кулаков моих, бросались от меня бежать, как от бешеной собаки, но многие, стыдясь поддаться девке, приосанивались, между нами начинался жестокий бой, крик и брань, и все продолжалось до тех пор, пока кто-либо из проходящих не разнимал нас, кидая издали в лица пыль, грязь илк снег, что случалось, судя по времени года. Мать моя, надеясь, что, может быть, я, живучи между комнатными девушками, мало-помалу отстану от своих воинственных привычек и стану походить на настоящую девку, попросила своего благодетеля мне назначить небольшой чулан в панском доме, куда я и переселилась.

Глава 11

ЗЛОДЕЯНИЕ

- За шесть лет перед сим, также в весен-

нюю пору, пан Гуржий разболелся, и посланный в город нарочный привез сына его Турбона, который служил писцом в сотенной канцелярии, и хотя он почти ежегодно на несколько дней навещал отца, но я, живучи в своей хате, не имела ни разу случая вблизи его видеть. Теперь зато виделась почти беспрестанно, и по прошествии двух недель бытности его на хуторе я заметила, что он отличается меня от прочих дворовых девок. Однажды, встретясь со мною в дверях, он стал впереди и с улыбкою сказал:

- Олимпия! Я слышался, что ты храбрая и сильная девка! Это мне приятно! Я также детина не трус и не бессилён, так мы легко поладим. Дай только мне уложить старика в могиле!

После сих благопристойных речей он с наглостью схватил меня за руку, но я сурово рванулась, отскочила назад и ушла прочь.

Вскоре после пасхи пан Гуржий упокоился. В доме поднялась суматоха по случаю приготовления наряда, в коем не стыдно было бы мертвецу опуститься в землю. Двое нарочных посланы в город за гробом и за духовенством.

В сумерки того же дня, видя, что комната, в коей лежал покойник, весьма освещена, мне захотелось посмотреть, каков он и во что одет. Вошед туда, я увидела одного Турбона, который, поправляя на отце саван, насвистывал казацкую песню. Усмотрев меня, он сказал весело:

- А, красавица! Ты пришла полюбоваться, глядя на старого мертвого своего пана? Пустое! Гораздо выгоднее любоваться, смотря на живого и молодого!

Тут он подошел ко мне с распростертыми руками и хотел обнять, но я так сильно толкнула его в грудь, что он отлетел на несколько шагов назад и затылком стукнулся об стену. Оправясь от удара, он поправил взъерошенный чуб и смотрел на меня зверски, однако скоро улыбнулся и сказал:

- Олимпия! Ты весьма непристойно шутишь с своим паном! Тебе нельзя не знать, что здесь на хуторе есть конюшня, а в ней - арапники!

С сими словами он опять подошел ко мне с прежним намерением, но я такую отвесила ему пощечину, что он попятился в правую

сторону и, не удержавшись на ногах, упал боком на труп отцовский. Не дожидаясь, когда он оправится, я вышла, уединилась в свой чулан и проспала до утра весьма покойно.

На другой день прибыли из города посланные, привезли для пана последний дом, а для провожания его до землянки священника и дьячка. Все было сделано надлежащим порядком, пан Гуржий засыпан землею, Турбон сытно угостил прибывших посетителей и к вечеру остался в панском доме один с слугами и служанками, для которых назначен был праздничный ужин, за коим господствовало изобилие в пище и напитках. Заступивший место отца моего дворецкий принудил меня выпить два кубка меду. Вскоре почувствовала необыкновенную склонность ко сну ушла в свой чулан и, не успевши даже порядочно раздеться, бросилась на постель и сейчас заснула крепко-накрепко. Не знаю, долго ли пробыла в сем положении, только начала чувствовать, что меня душат. Через минуту я поняла - даже во сне - что не душат, а, напротив, ласкают особенным образом. Чувствуя причиняемое мне насилие я стонала, но не

могла проснуться, так сильно было действие сонного зелья, данного мне в меду проклятым дворецким. Наконец я пробудилась от сна, но увы! - когда злодеяние в полной мере было уже исполнено. При свете горящих свеч я увидела гнусного Турбона. Первое ощущение мое было бешенство; первое стремление задуть его или по крайней мере, вырвать глаза, но, ах! Я ощутила, что руки мои и ноги крепко привязаны были к четырем концам постели. Я прилагала все усилия, чтобы разорвать свои оковы, - тщетно! Мое неистовство забавляло злодея.

- Олимпия! - сказал он с улыбкою. - Ты девушка в поре а столько несметлива! Вместо того чтоб [проводить] дорогие часы сии с паном в удовольствии, ты сумасшествуешь но поверь, что сим увеличиваешь только мои утехы! Скрипи себе зубами, проливай слезы злости, вертись во все стороны, это, право, по новости своей весьма забавно! - Сказав сии слова, он сошел с постели, приблизился к столу, осушил целый кубок вишневки и потом, наливши в другой раз, подошел ко мне и сказал: - Суровая Олимпия! Я за твое здоровье выпил,

выпей и ты за мое!

- Чудовище! - вскричала я с яростью и стиснула губы и зубы.

- О! - говорил он, поставя кубок на постели. - Есть средства укрощать зверей самых сердитых!

Он отошел к окну и в ту же минуту возвратился с деревянным клином, и сколько я усиливалась зажимать зубы, но не могла, он открыл мне рот столько, что можно было цедить в него жидкость хотя из бочонка. Тогда он начал вливать в меня свою вишневку и я должна была глотать, если не хотела захлебнуться. Когда в кубке не осталось уже ни капли, то он поставил его на стол, а сам по-прежнему обратился ко мне. К чему я, несчастная, должна была обратиться, чтобы избежать дальнейшего мучения? Видя, что усилиями ничего не могу сделать, я прибегла к просьбе и со слезами сказала:

- Беззаконник, богоотступник, изверг! Разве не внушали тебе с малолетства, что душа всякого покойника до шести недель по кончине, не оставляя земли, блуждает около своего жилища? Посуди, что должна чувствовать

душа отца твоего, видя такое твое неистовство! Что будет с тобой, если он каждую ночь станет тебе являться или душишь тебя?

- Глупенькая! - отвечал Турбон насмешливо, продолжая ласкать меня. Если душа отца моего затеет мне явиться, то я в городе отслужу по нем панихиду; а буде начнет озорничать, то велю на могиле его вколотить целую осиновою сваю!

Что мне отягощать тебя, - продолжала Олимпия, взяв Гаркушу за руку, описанием мерзостей, коим ночь та была свидетельницею? Не только вся ночь, но и большая часть утра проведена в одном и том же беззаконии. Второй кубок влит в меня так же насильственно, как и первый, но третий, четвертый и так далее пила я добровольно, испытав, что сопротивление лишит меня зубов, а пользы нисколько. Наконец мы оба от утомления и силы выпитой вишневки совершенно обессилели. Турбон, сколько ни был нетверд на ногах, мог еще развязать мне руки и ноги и, идучи около стены ощупью, вышел из комнаты и запер за собою двери. Я скоро погрузилась по-прежнему не в сон, а некоторого рода

бесчувствие.

Глава 12

ПОРОК ПРИМАНЧИВ

Проговоря слова сии, Олимпия бросила испытующий взор на своего собеседника и, увидя во взорах его и во всем лице признаки злобы, бешенства и жажду крови, упала на грудь его и обняла с горячностью.

- Видишь ли, друг мой, - говорила она томным голосом, - до чего довели нас злые, развратные люди - тебя пан Авраамий Кремень, а меня пан Турбон Гуржий! Слушай далее и услышишь больше.

Когда я несколько опомнилась от пагубного самозабвения, то приподняла голову, встала и, сидя на постели, взглянула в окно. Солнце было уже гораздо за полдень.

Я спустилась с постели и хотела подойти к окну и, открыв его, вздохнуть свежим воздухом; но колени мои затряслись, голова закружилась, и я, не могши вступить вперед ни шагу, опять опустилась на постель. Тяжкие вздохи меня задушали, и горькие слезы лишали зрения. Вдруг дверь моего чулана отворяется, и входит жена дворецкого.

- Здравствуй, Олимпия! - сказала она весело, садясь у ног моих. - Я раз двадцать прислушивалась у сей двери, но, ничего не слыша, не смела войти, ибо пан Турбон, уезжая в город, именно приказал мне иметь о тебе попечение и ничем не беспокоить, а довольствоваться, чего только душа пожелает. Какой же нежный обед для тебя приготовлен! Как, право, счастлива ты, Олимпия, что, даже будучи девкою, по одной только наружности удостоилась такой чести от молодого пригожего пана. Много у нас в доме девушек, которые по всему могут назваться девушками, а он на них и не смотрит. Такой затейник!

О! Если б была я на ту пору в обыкновенном своем положении, дорого бы сей бездельнице стоили бесчестные слова ее. В знак негодования и презрения я отворотилась к стене и не отвечала ни слова. Долго болтала несносная баба всякий вздор, но, не получая никакого ответа, вышла и по прошествии некоторого времени воротилась в сопровождении одной горничной девки, принесшей обед.

Склонясь на их убеждения чего-нибудь отведать, а к тому же почувствовав некоторый

позыв на еду, я попросила придвинуть стол к постели и подкрепила пищу истощенные свои силы. Что распространяться в рассказывании о несносном состоянии, в каком я находилась. Коротко скажу, что по прошествии трех суток я столько оправилась, что могла довольно твердо ходить. Пан Турбон не возвращался еще из города, и я не прежде его увидела, как по прошествии двух недель после пагубной ночи. День клонился к вечеру. Лишь только услышала я на дворе стук проезжавшей повозки, то бросилась в свой чулан и заперлась. По прошествии довольно времени я слышала у дверей моих стук, но не дала ответа. Стук повторен судвоенною силою, - я молчала. Тут, по некотором молчании, Турбон сурово воззвал:

- Олимпия! Сейчас отопрись, или я велю выломать дверь! Ты меня довольно знаешь!

Видя, что против властного изувера упорством ничего не сделаю, я отперла дверь и отошла к окну. Турбон вошел, сопровождаемый двумя дюжими слугами, несшими большие корзины. Пан, севши на лавке подле меня и видя, что слезы из глаз моих капали на

пол, ласково сказал:

- Перестань печалиться, Олимпия! Я тебя отлично люблю и впредь любить не перестану, если ты добровольно соответствовать будешь моим желаниям. Посмотри сии корзины, и ты найдешь в них довольно разного рода материй бумажных, шелковых и шерстяных. Я привез с собою из города портного жидка, который с завтрашнего дня и начнет шить для тебя обновы. А между тем я сейчас пришлю к тебе несколько пар праздничных платьев моей матери. Сего вечера ты ужинаешь у меня. Прощай покудова! - Он встал, обнял меня и поцеловал.

Я стояла, как окаменелая, и не понимала ни одного своего чувства. Это его более ободрило. Он прижал меня к груди и поцеловал меня с нежностью. Видя, что я стояла в прежнем положении, он сыпал - так сказать - поцелуями и не прежде унялся, как я, легонько высвободясь из рук его, отступила назад. Тогда он, пожав мне руку, вышел.

Я села на лавку и задумалась, но ничего решительного не могла придумать. "Что мне делать?" - говорила я сама себе. - Сопротивлять-

ся? Конечно, можно, - но только до некоторого времени, а все кончится тем же, чем началось!

Как может бедная подданная девка избежать хитростей или даже и явного насилия от своего пана? Не в полной ли я состою у него власти?" Я опять задумалась, но вскоре ободрилась и сказала вслух: "Что ж такое? Если это будет грех, то не я в нем виновата! Кому приятно страдать и мучиться, а пан над телом моим имеет полную волю!

Не лучше ли покориться своей доле и пользоваться на часок довольством?"

Остановясь на сей отрадной мысли, я успокоилась, вздохнула в последний раз, отерла последнюю слезу и подошла к корзине с подарками. Там нашла я несколько кусков разных шелковых и других материй и мелких золотых вещей. Не успела я налюбоваться сими гостинцами, как в каморку мою вошла Лукерья, пожилая девка, прислуживавшая покойной панье и ею любимая.

- Олимпия! - сказала она, положив на лавку узелок. - По приказанию молодого папа Турбона я с сей минуты стану тебе прислужи-

вать, как прежде служила матери его до самой ее кончины. Пойдем теперь же в овин, где для тебя приготовлено довольно горячей и холодной воды. Ты более двух недель не радела о чистоте, а знаешь как это вредно!

Я не противилась, и мы с Лукерьей отправились на место очищения. Она несла с собою узел. Дело известное.

Меня обмыли со всевозможным тщанием с головы до ног, одели в сорочку и ситцевое платье покойной пани, в ее чулки и башмаки, и, в сем торжественном облачении вышед из овина, увидела, что глубокие сумерки покрывали уже землю и что в панской спальне мелькал огонь. Едва вступила я в сени, как жена дворецкого встретила меня ласково и, взяв за руку, проводила в опочивальню пана.

Он казался обвороженым, видя меня в том уборе. Коротко да ясно: мы отужинали вместе, и я не прежде проснулась, как рев пастушьей трубы, собирающей вверенное ему стадо, раздавался несколько раз вокруг двора панского.

Глава 13

СЕГО И ОЖИДАТЬ ДОЛЖНО БЫЛО

- В упоении чувств протекло более полугода, и я к неопisanному ужасу удостоверилась, что во внутренности своей ношу залог преступления. У меня потемнело в глазах, и холодный пот полился со лба. Известно, что человек, видя приближение к себе какого-нибудь несчастья, старается всячески себя обманывать и не прежде удостоверяется в бедствии, как когда оно сядет ему на шею. Так и со мною. Мне хотелось уверить себя, что приметы мои обманчивы и что когда-то нечто подобное случалось со мною и прежде. Я не говорила никому о своих догадках, и так прошло около двух месяцев. Тогда-то нечего было уже сомневаться или догадываться. Движение младенца было весьма ощутительно. С горьким плачем я уведомила о сем Турбона, он, обняв меня с горячностью, сказал:

- О чем же печалишься? Разве я так беден, что дигя может быть для меня в тягость? Успокойся, Олимпия! Посмотрим, что бог пошлет нам, а там и подумаем, каким образом устроить счастье будущего нашего гостя или гостьи.

Я успокоилась и с того времени равнодуш-

но смотрела на работу Лукерьи и двух горничных, занятых приготовлением белья для дитяти. Время текло в приятном единообразии, и хотя тогда была весьма суровая зима, но я не чувствовала ее жестокости. Быв одета в богатую заячью шубу, я в хорошие дни прогуливалась по хутору с кем-либо из дворовых девушек, ибо мне казалось стыдно и совестно гордиться своим преимуществом. Турбон нередко уезжал на охоту, или к кому из окольных шляхтичей, или в город. Как по введенному обычаю и дом наш был весьма нередко посещаем, а мне неприлично было казаться на глаза посторонним, то чуланчик мой прибран довольно нарядно, и главное украшение его составляла пышная постель покойной паньи. Надо сказать правду, что хотя я и лишена уже была главного удовольствия бороться и драться с мужчинами, однако же проводила время свое весьма нескучно.

Так прошло окончание зимы, так прошла весна и начало лета. Я чувствовала, или, лучше сказать, верила многоопытной Лукерье, что месяца через два, или ближе, разрешусь от удручающего меня бремени. Турбона не

было дома уже недели с две, и как он - по словам его - щадил мое положение, с некоторого времени меня уже не беспокоил, то я мало и заботилась о долговременной его отлучке.

В одно прекрасное утро в начале июня, когда я, освободясь от сна, нежилась в мягкой постели и любовалась трепетанием дитяти, вдруг слышала в доме сильную тревогу, громкий говор людей и всеобщую суматоху. Я не иначе сочла, как что Турбон из поездки своей возвратился, и потому ожидала его к себе с полунетерпением. Однако вместо пана быстро вошла ко мне Лукерья с изменившимся лицом и, подошед к постели, сказала:

- Ах, милая Олимпия! Что я должна сказать тебе?

Весьма худые вести! Собери врожденную тебе крепость телесную и душевную! Знаешь ли что?

- Ах! Говори скорее, - сказала я вполголоса, севши на постель. - Что еще за новое бедствие мне угрожает?

Я ко всему готова!

- Милая дочь моя! - продолжала Лукерья со вздохом. - Правду нам, девкам, твердили еже-

часно матери и бабушки, что панская к нам любовь мягче вешнего снега.

Сейчас растает и наделает только грязи. Ты слышала теперь возню в сем доме: это был знак, что привезли приданое и его по удобности размещают, ибо наш пан за неделю перед сим женился на какой-то вдове Евфросии и к вечеру будет сюда со всем новым родством и знакомыми. Пан Турбон хочет, чтоб ты с получения о сем вести тотчас из панского дома перебралась в хату к своей матери, причем дозволяется тебе взять с собою все, что ты получила от пана во время годичного с ним знакомства!

О Гаркуша! Мне показалось, что земля подо мною расступилась и дитя, во мне трепетавшее, превратясь в гяжелый камень, тянет меня в бездонную пропасть. Однако ж - благодарение небу! Я недолго пребыла в сем адском положении.

Бодрость моя возобновилась: гнев и мщенье волновали грудь мою, и я, скрежеща зубами, вскочила с постели, накинула на себя прежнее тиковое платье и босыми ногами бросилась вон из гибельного дома. Мать моя,

услужливыми людьми еще прежде обо всем уведомленная, встретила меня с рыданием и, повиснув на шее, возопила:

- Ах, Олимпия! Ах, дочь моя! Что из нас будет?

Не отвечая ни слова - ибо я не в силах была разнять челюстей - я вырвалась из рук ее, вбежала в светелку и кинулась на скудную постель.

Глава 14

ВАЖНЫЙ ОБОРОТ В ДЕЛЕ

Пробыв довольно долго в полубесчувствии, я, наконец, пришла в себя, и, размыслив, что сего рано или поздно, а ожидать надобно было, я несколько утешилась, привстала и немало удивилась, увидя на полу три большие коробки, а мать свою, сидящую на полу и с довольным видом выкладывающую из них мое белье, лучшие платья и разные золотые украшения, коими даровал меня Турбон при всяком возвращении из города. Это привело меня снова в неописанный гнев; я вскочила с постели, бросилась в сени и, возвратясь с топором, намеревалась все вещи превратить в мелкие лоскутья. Мать, бросясь

ко мне на шею, вскричала:

- Безумная! Что ты хочешь делать? Если эти вещи тебе не надобны, то они мне пригодятся! Кому угрозишь ты, причиняя сама себе убыток, и притом добровольно? По милости покойного пана я запаслась порядочным достатком, который от продажи сих украшений еще умножится.

Здесьшний дворецкий мне приятель и по моей просьбе назначен в сию должность на место покойного отца твоего.

Через него выпрошу я, чтоб нам отвели хату вне панского дома. Живущий в ближнем селе полупанок [Шляхтич, не имеющий крестьян, то же, что однодворец. (Примеч.

Нарежного.)] Захар, не один раз будучи свидетелем твоей храбрости, пленился тобою и охотно на тебе женится, как скоро сделаешься свободна от двух тяжестей, то есть от Турбона и дитяти. Это он часто мне сказывал. Посуди, как это хорошо будет!

Турбону должно быть стыдно, если не отпустит тебя на волю; ежели ж он такой бездельник, то я за тебя и за себя внесу выкуп, сколько ему угодно, ну хотя бы пятьдесят руб-

лей!

Говоря сию речь, мать укладывала имущество мое в свои сундуки, а я, сидя на лавке у окна, неподвижными глазами смотрела на двор. Мать собралась и пошла в панский дом и скоро возвратилась. Пришла обеденная пора, и я по просьбе матери несколько поела. С каждым проходящим мигом я делалась покойнее, а к вечеру довольно хладнокровно слушала стук колес, а после смотрела на въехавшие колымаги и нарядные повозки. Правда, что сердце мое трепетало, когда Турбон вышел из колымаги и стал на крыльце с молодою женою, но оно успокоилось, когда они скрылись в доме, и я с некоторым уже любопытством рассматривала приехавших гостей, жен их и детей. В самые сумерки вошел к нам дворецкий с веселым видом.

Положа перед матерью на стол изрядной величины кожаный мешок, он сказал:

- Это все серебряные деньги, и пан Турбон дарит его вам обоим за сказанные услуги - одною отцу, а другою сыну. Однако благодеяния его сим не ограничатся. Дня через два или через три, когда поразъедутся гости, он велит

лучшую хату на хуторе очистить для вас и постарается - сколько теперь ему можно будет - сделать жизнь вашу веселою. Вам в новом жилище прислуживать будут работник и работница. Прощайте!

Мать моя с восхищением считала и пересчитывала деньги и не могла довольно прославить щедроту панскую.

Три дня прошли в обыкновенных занятиях, то есть: я спала, сидела у окна или бродила из светелки в кухню и обратно, ела и опять спала; мать поутру стряпала, а после обеда работала иголкою. Исстари заведенное обыкновение с панской кухни приносить в нашу хату говядину, домашних птиц и вообще все съестное и теперь исправно было исполняемо, с тою разницею, что прежде делалось было открыто, а теперь весьма скрытно, и только в глубокие сумерки нам доставляем был запас для будущего дня. Через приносившего мы узнали, что наша панья была безобразная, злая, своенравная вдова, но зато весьма богатая. Это решило Турбона принять ее руку, ибо она сама начала за него свататься в отместение детям за то, что сын тайно женился на са-

мой бедной шляхтянке, а дочь также тайно вышла замуж за молодого есаула из полупанков. Малопомалу гости и гостьи разъехались, и к исходу третьего дня в доме, кроме хозяев и служителей, никого не осталось.

Еще прошли три дня, но мы о выводе нас из панского двора ничего не слышали. Около полудня на третий день пришедший дворецкий объявил с печальным видом, что он теперь ничего более в доме не значит. "Сегодня поутру, - говорил он, - когда уже все готово было к отъезду наших панов для посещения всех тех, кои были у них на свадьбе и после здесь гостили, панья сделалась вдруг нездорова, и до такой степени, что слегла в постель. Что оставалось делать пану Турбону? Он сел в повозку один - и поехал.

Как скоро панье сказано было, что повозка скрылась уже из виду, то панья, проворно соскочив с постели, позвала меня, потребовала ключей и велела следовать за собою с одним из пожилых служителей, привезенных ею в числе прочих из своего поместья. Мы осмотрели кладовые и погреба, и при взгляде на каждую вещь панья ахала и качала головою.

Тут уже почувствовал я, что дело добром не кончится. По возвращении в хоромы я нашел в столовой комнате всех слуг и служанок, половину коих составляли приехавшие с нею. "Рабы и рабыни! - воззвала панья, звеня ключами. - Обозрев домашнее устройство моего мужа, я нашла его в самом жалком положении, а всему причиною то, что Турбон, будучи еще молод и неопытен, оставил в качестве дворецкого сего плута, бездельника, расточителя, которого в сию важную должность выбрал старый глупый отец его. Я избираю Луку (продолжала она, указывая на сопутствовавшего нам при осмотре) в сию должность. Повинуйтесь все приказаниям его, как моим собственным, ибо он будет передавать вам мои повеления!" Она дала знак, и все разошлись, а я прибрел к вам, чтобы о сей новости уведомить и сказать, что вы уже не можете ожидать от меня ни малейшей помощи".

Глава 15

НЕСЧАСТНАЯ

- Едва он окончил слова сии, как дверь быстро отворилась и в комнату вошла незнакомая панья в сопровождении трех дюжих

слуг. Она была высокого роста, смугла лицом, имела впалые глаза, блестящие огнем злобы и неистовства. Я сейчас догадалась, что это пугалище была наша панья Евфросия, и из почтения привстала с лавки.

Осмотрев меня внимательно, и в особенности мою дородность, она обратилась к прежнему дворецкому и, по-видимому холоднокровно, спросила:

- Ты, голубчик, зачем здесь?

Бедный служитель оторопел и отвечал одним молчанием.

- Вижу, - говорила папья с злобной улыбкою, - что ты здесь заговорился до того, что забыл и выход. Укажите дорогу сему доброму человеку!

Тут мгновенно двое слуг бросились на дворецкого, впились руками в его чуб и поволокли к дверям, а третий со всего размаху бил кулаками марш по спине его. Страдалец вопиял изо всей силы, но сей торжественный ход не прежде кончился, как выволокли его из сеней во двор, где, дав несколько пинков, предоставили ему на волю бежать или остаться на месте, а сами возвратились к нам в светелку.

Сердце мое трепетало от негодования, я смотрела на злобную женщину с ужасом и омерзением.

- Так это та ведьма, - воззвала она, указывая на меня пальцем, которая околдовала дурака Турбона, нажила от него прибыль, расточала его имение и верховодила в доме, как законная жена и урожденная шляхтянка! О!

господи! Долго ли попустишь ты греху и несчастью возносить кичливый рог свой? Как дерзнула ты износить платье покойной пьньи твоей? Как дерзнула ты, нечестивая, спать на ее постели? Как дерзнула ты - я начинаю задыхаться от праведного гнева и бешенства! Поступите с сею беззаконницею так, как я приказала!

Тут трое слуг возвысили руки, вооруженные нагайками, и со всех сил поразили меня по чему ни попало. Сначала глаза мои потемнели, все существо взволновалось, но - благодаря бога - я в ту же минуту опомнилась, а особенно получа вторичные удары. Я как отчаянная бросилась на одного из бездельников, вырвала из рук его нагайку и, вскричав:

- Безбожная панья, чертоподобная Евфро-

сия! Неужели ты ни за что считаешь терзать незащитную? - с сими словами я - сколько было в руке моей силы - огрела ее нагайкою по макушке, в другой раз, в третий - и она с ужасным воплем и воем опрокинулась на землю.

- Убейте до смерти сию злодейку, - вопияла она, скрежеща зубами и катаясь по полу, - растерзайте ее на части; я за все отвечаю!

Видя, что мне не житье там более, я распрямилась (несмотря что удары нагаек сыпались на меня градом), перекрестилась перед образом, поклонилась рыдающей, отчаянной матери и - побежала. Мучители гнались за мною, произнося наглые насмешки, ругательства и не переставая поражать нагайками. Уже далеко отбежала от хутора, но они от меня не отставали и, может быть, не унялись бы до ночи, если бы не увидели ехавшего вдали какого-то пана с псарями. Это остановило бесчеловечных, и они поспешно обратились к хутору, а я, страшась кому-либо показаться на глаза в столь расстроенном виде, бросилась в сторону и, залезши в высокую рожь, легла в борозде. Пан проехал мимо с своим людством,

и я несколько успокоилась. Тогда первые мои мысли были: "Что я? Где я? Куда я?"

Все соединенные чувствования души и ощущения сердца ответствовали: "Ты несчастная! Ты на распутьи без пищи и покровы! Одна судьба знает будущие пути твои!"

Став на ноги, я обозрелась вокруг и, нигде никого не видя, пустилась далее. На дороге встретила я хутор, там село, там еще хутор и не решилась никуда зайти, стыдясь представить из себя нищую, когда незадолго была настоящею паньею. По случаю - на дороге нашла я на целое семейство, собиравшее на ниве горох. Я отнеслась к сим добрым людям о своей крайности и получила целый хлеб, кусок свиного сала и несколько луковиц. С сим запасом пустилась я далее и продолжала путь до глубокой ночи, не зная сама, где и чем окончится мое путешествие. Заночевала я в одном перелеске, в густом орешнике. На другой день рано поутру отправилась я в дальнейший путь, несмотря, что черные тучи покрывали все небо. Встретив при дороге большое село, я только напилась воды из протекавшей там речки и прошла мимо. До самых

сумерек брела я, и ноги стали отказываться. Вдруг полился дождь, засверкала молния, и раздались ужасные удары грома.

Я была почти в отчаянии и если бы в то время встретила какой-нибудь бездонный буреак, то непременно бы в него стремглав бросилась. К особенному моему счастью, случилось, что я находилась тогда при входе в сей лес. Видя его чащу, необозримость, я произнесла: "Слава богу! Здесь умру я без свидетелей!" Перекрестясь, я пошла напролом.

Дождь - по густоте деревьев - не столько уже меня беспокоил, но блесни молнии и удары грома постепенно увеличивались. Ужасный мрак покрывал небо и землю, платье мое на каждом шагу трещало; ветви били меня по лицу; кровь, смешавшись с дождевою водою, с потом и со слезами, ручьем текла по щекам моим, но я пробиралась далее и далее. Вдруг почувствовала я, - при сей мысли и теперь еще дрожь разливается по всему телу и рассудок теряется, - вдруг почувствовала я приближение родов! Ноги мои подогнулись, и я опустилась на траву под ветвистою елью. В сии решительные минуты я занята была двумя

предметами: читала вслух молитвы, какие знала, и предавала проклятию себя и виновника настоящего моего злополучия. Несколько времени сносила я несказанные мучения и, наконец, родила. До сих пор сама не знаю, какого пола был младенец. Едва раздался в окрестности болезненный зопль несчастного дитяти, я наполнилась незнакомым дотоле мне бешенством и отчаянием, привстала и произнесла: "Бедное, отверженное небом творение! За

чем явилось ты на свет? Что я теперь буду с тобой делать?"

Не гораздо ли лучше не существовать тебе, нежели провождать такую же презренную жизнь, какую провождает злополучная мать твоя? Мати божия! Прости мое невольное прегрешение!" С сими словами я схватила кричащего младенца на руки и - в один миг задушила!

Гаркуша побледнел, и глаза его помутнились. Он молча склонил голову на обе руки и оперся на стол; Олимпия, унылая, трепещущая Олимпия приняла такое же положение. Глубокое молчание господствовало в шатре.

Одни слезы, текущие сквозь пальцы, показывали, что они - не два оледеневших трупа!

Глава 16

ОТ ПЕРВОЙ ВСТРЕЧИ - ВСЕ

Мало-помалу ужасное волнение крови у жениха и невесты начало умягаться. Гаркуша первый раскрыл глаза и, устремив их на несчастную, не мог удержаться от содрогания. Она лежала грудью на столе и - стонала.

- Милосердный и правосудный боже! - сказал атаман вполголоса. - Ты видишь мучение твоих творений - сжался над ними! Так, Олимпия! Ты имеешь основательную причину горько плакать! Много пролил я крови человеческой, но клянусь, что совесть меня не зазирает, ибо кровь та была - кровь преступников и губителей; но лишать жизни творение столь невинное - о, Олимпия!

Чувствую, сколь положение твое было ужасно, и удивляюсь, как не пала ты под ударами бедствия, тебя постигшего!

Олимпия навзрыд рыдала, и Гаркуше немалого труда стоило сколько-нибудь ее успокоить. Когда открыла она глаза и распрямилась, то Гаркуша, взяв ее за руку и обняв с

умилением, говорил:

- Ты знаешь, что я человек неученый; но по особенному содействию промысла уже более полугода имею в стане своем преученного человека, которого за сие возвел в почтенное звание есаула, удостоил своей доверенностью и каждодневно пользовался его разумными суждениями. Его видела и ты, милая Олимпия, в виде моего посланца к тебе с одним глазом во лбу и с горбом на спине. От него-то понабрался я довольно познаний и теперь скажу тебе, что хотя грех, тобою сделанный, весьма велик, но он был непроизволен, и если бы за день перед тем бесчеловечная Езфросия как безбожно с тобою не поступила, то и ты не имела бы побуждения лишать жизни создание, от тебя же жизнь получившее. Я совершенно извиняю твой отчаянный поступок, ибо уверен, что и без того младенец погиб бы неотменно, промучившись бытjem своим несколько лишних часов. Продолжай, Олимпия, свое повествование. Уверяю тебя моею любовью, почтением и общею пользою, что случившееся с тобою бедствие нимало не уменьшает моих к тебе страстных чувствава-

ний и главному делу отнюдь не будет помехою!

Олимпия отерла слезы, вздохнула и продолжала так:

- Удрученная отчаянием, расслабленная в теле и в духе, изнеможенная от усталости, от голоду и холоду, я свернулась на сырой траве и мысленно молила бога скорее согнать меня с лица земли. В непродолжительном времени я услышала подле себя легкий шорох, и тут же раздался грозный голос: "Кто здесь?" Я не удержалась, чтоб не вздрогнуть, но не отвечала ни слова. Вопрос повторен - но ответа не было. Тут послышала я, что высекают огонь, и в скором времени увидела зажженный фонарь в руках пожилого человека в синем казацком платье. На поясе висел у него длинный кортик, а за поясом заткнута была пара пистолетов и большой нож в ножнах. Подле него стоял другой, несколько помоложе, точно так же одетый и так же вооруженный.

Старший, подошед ко мне, осветил со всех сторон, осмотрел внимательно и, увидя подле меня оледеневшего младенца, отступил в сторону с приметным ужасом. Он кидал то на

меня, то на дитя дикие взоры и наконец, подступя ближе, спросил вполголоса:

- Скажи мне правду, кто ты, несчастная? Может быть, я могу помочь тебе!

- Мне помочь? - сказала я полумертвым голосом, приподнявшись на руку. Сострадательный человек! Оставь злополучную умереть здесь от изможения и голода!

Ты сделаешь мне истинное благодеяние, когда меня приколешь!

- Боже мой! - вскричал незнакомец. - Мне уже за пятый десяток; много претерпел я всякого горя, но никогда не имел несчастья, чтобы видеть при себе человека, умирающего с голоду или имеющего нужду, чтобы приколоть его для избавления от продолжительного страдания!

Марко! Набери побольше сухих сосновых и еловых сучьев и разведи огонь, а я сейчас назад буду.

Всякий исполнил свое дело. Марко начал кортиком обрубать сучья, а старик, взяв дитя мое на руки, стал пробираться сквозь густые кустарники и скоро скрылся. Марко в несколько минут развел большое пламя у ног

моих; старик также скоро возвратился с кожаной сумою и двумя суконными свитами. Он сел подле меня, помог привстать и, говоря: "Подкрепи, бедная, свои силы!" - развязал суму, вынул хлеб, кусок сала и баклагу. Налив дубовый кубок вина, он дал мне выпить и, отрезав хлеба и сала, просил покушать.

Ах! Все избранные яства за столом Турбона никогда не казались мне столько вкусными, крепительными. Я приметно оправилась и мысленно благодарила бога, пославшего мне в пустыне вместо ожидаемой смерти неожиданную помощь. Когда огонь совершенно разгорелся, то Марко по приказанию старика вынул из сумы большой кусок жареной баранины и, вздев на ореховый сук, стал разогревать. В течение сего времени я, ободренная ласками незнакомцев, рассказала старику коротенько всю причину злополучия и последствия оногo. Выслушав меня внимательно, он воскликнул:

- О паны, паны! Какое может быть бедствие, какого не наделали бы вы между своими подданными? Не будь я Дохиар, если не отмщу проклятому пану Турбону и безбож-

ной жене его за сию несчастную жертву изувверства одного и бесчеловечия другой! Боже! Обрати грех сей на нечестивые их головы!

Насытясь горячим жарким и обогревшись возле огня, я почувствовала новую жизнь и от всего сердца благодарила великодушного Дохиара за благовременную его помощь.

- Дочь моя! - отвечал старик. - Что я для тебя теперь сделал, то должен бы делать всякий человек, а особливо христианин. Подожди! Утро вечера мудренее. Может быть, мне удастся сделать для тебя что-нибудь и большее. Тебе весьма нужно успокоенье: вот тебе свита. Ты, Марко, разложи вновь побольше костер дров, и мы оба переночуем подле нашей бедной гостыи, одевшись другою свитою.

Я улеглась у корня древесного; добрые незнакомцы одели меня свитою, я скоро заснула весьма крепко, а когда проснулась, то солнце блистало уже выше вершин самых высоких сосен. Приподнявшись, я увидела, что угостители мои сидели уже у огня и завтракали.

- Я очень рад, - сказал с видом непритворного удовольствия Дохиар, что теперь вижу

тебя гораздо спокойнее и здоровее, нежели какую видел с вечера. Придвинься к огню, поешь и приготовься к дороге неближней. Я, занимаясь охотою, имею свое становище в сем лесу и, будучи паном, содержу при себе двадцать охотников. Из вчерашнего твоего рассказа знаю, что ты на всей земле божией не имеешь надежного пристанища. Уверяю, что у меня в стане тебе будет покойнее, чем в доме изменника Турбона.

Чувствуя себя совершенно оживленною в силах, я встала, оделась в свиту, и все трое пошли в дальнейший путь.

Глава 17

РАЗБОЙНИЦА

- Мы проходили местами, кои, казалось, до того времени никем из людей посещаемы не были. Инде должны мы были перелазить через великие бугры дерев, наваленных одно на другое, а после идти по колени в тине или обходить необозримые топи. Товарищи мои нимало не теряли своей бодрости и шли, разговаривая о веселых предметах. Дохиар, как скоро замечал следы хотя малейшего уныния или усталости, то останавливался и в утеше-

ние мое говорил: "Будь смелее, любезная дочь! После трудов - отдых бывает приятнее! Прежде полудня мы будем на месте моего ста-на".

Ты согласишься, Гаркуша, что после всего случившегося со мною накануне такая проходка была для меня крайне обременительна, едва возможна, и я готова была в изнеможении упасть на землю. Дохиар то заметил, и вместо того чтобы на меня вознегодовать, он сжалился, посадил на траву и, сказав Марку нечто на польском языке, начал посекать кортиком ивовые ветви, а Марко, сидя на земле, приводил их в порядок и переплетал одну с другою и концы связывал скрученными травяными веревками. Дохиар присоединился, и в скором времени спели носилки, на каких у нас на хуторе вынашивали всякий сор с заднего панского двора. Они меня бережно усадили, подняли на плечи и весьма проворно пустились далее. Прежде я одна задерживала ход их. Я не знала, чему приписать такое добротство, и, узнав на опыте, сколь вероломны люди, начала питать некоторое подозрение, однако ж оно оказалось несправедли-

ВЫМ.

Незадолго до полудня мы очутились на довольно обширной равнине. Ношакн мои остановились и опустили носилки на землю.

- Олимпия! - сказал Дохиар. - Войдем в наше становище. Проход туда, конечно, мрачен, но зато когда дойдешь до жилищ, то тебе покажется, что ты очутилась в раю господнем.

Что много говорить? Я в крайнем изумлении очутилась на сем самом месте, где теперь сидим, увидела этот лес, этот пруд, эти хаты, кои ты поновил и число их гораздо приумножил. Навстречу нам выбежало до двадцати полуодетых мужчин, однако у каждого на пояске висел большой нож. Все радостно воскликнули:

- Здорово, атаман! Добро пожаловать!

Тут-то догадалась и, в чьих руках нахожусь, и трепет разлился в каждом суставе моего тела. Дохиар то приметил, но притворяясь, что ничего особенного не видит, с веселою улыбкою обратился к окружавшей шайке и произнес:

- Братцы! До сих пор мы погубили много незаконных душ, не хотевших удовольство-

ваться дарами божьими, ниспосылаемыми на них туне, а всегда алкавших более и более. Кто поручится, что в числе тех незаконных не погубили мы души кроткой и убогой? Теперь провидение посылает нам случай заглядеть грех свой, буде он сделан. Вот девица, которую вам представляю, - девица храбрая, отважная, сильная (вы не смотрите на теперешнее ее бессилие: оно случайное и скоро пройдет), есть дочь моя, наследница моей власти, моей славы и имущества.

Принесите ружье мое, зарядите пулю и присягните ей в верности, в послушании и неограниченной покорности!

Естественно, что вся шайка пришла в крайнее недоумение и раздался ропот. Я со слезами на глазах упала к ногам его и стонущим голосом произнесла:

- Сжался над тою, которой спас ты жизнь! Зачем без нужды погублять меня?

Дохиар с пламенеющими взорами поднял меня одною рукою и прижал к себе, а другую простерши к шайке, громоподобно возгласил:

- Кто сию же минуту не повинуется повелению своего атамана, тот личный враг его!

Все вздрогнули от сих ужасных слов. Один разбойник опрометью бросился к атаманской хате и возвратился с заряженным ружьем. Он поставил его у сей самой ивы и отошел в сторону. Пока он был в отлучке, то по его приказанию баклаги ходили проворно из рук в руки; итак, не диво, что к возвращению его лица всех покрылись румянцем и глаза заблистали дружественною любовью. По порядку каждый подходил к ружью, читал себе отходную в случае измены, крестился и целовал в дуло. Когда обряд сей кончился, то Дохиар, обняв меня со всею родительскою нежностью, произнес:

- Олимпия! Отныне - ты милая дочь моя, утешение моей угрюмой старости! Были у меня и собственные дети, но те же паны разными образами меня их лишили. Забудем об этом! Марко! Отведи моей дочери спальню в моем доме, где ей полюбитя, и из кладовой моей выдай полную пару лучшего казацкого платья со всем вооружением. С сего времени ты, дочь моя Олимпия, будешь называться сыном моим Олимпием, и надеюсь, что в стыде меня не оставишь!

Я пошла за степенным Марком, выбрала себе на чердаке чулан с маленьким оконцем, оделась, вооружилась и пошла к сословию витязей. Я сама не могла разобрать ни одного из чувств своих. Я знала, к чему новое звание меня обрекало, содрогалась и, однако ж, была довольнее, нежели в доме Турбона. Мысль - иметь некогда возможность отмстить за все бедствия, насилием мне причиненные, вливалась в душу мою такую отраду, которая видна была в каждом моем шаге, в каждом взоре, в каждом движении. Вся шайка и сам Дохиар, видя таковую во мне веселость, не могли не восхищаться. Опять поднялись обнимания и посыпались поздравления; обед был самый панский, и атаман для такого радостного дня всю шайку удостоил приглашением к столу своему.

В коротких словах сказать: прошло три года жизни моей в сем приволье, и я успела отличиться противу всякого из братства в неустрашимости и замыслах. Во всех стычках на дорогах и при осадах хуторов - старый Дохиар не дерзал и подумать о чем-либо важнейшем - я всегда была подле него, прикрыва-

ла его своим телом, нередко бывала ранена, излечивалась и опять безбоязненно пускалась туда же. Дохиар почти боготворил меня, и не раз мне приходило на мысль, нет ли и здесь сетей на меня бедную, но проходящие месяцы и годы, в кои, кроме родительской ласки, я ничего от атамана не видала, удостоверили меня, что могу обходиться с ним как с самым чадолюбивым отцом Хотя он - будучи уже стар, следовательно, угрюм и подозрителен, не хотел и слушать, чтоб хотя одним человеком умножить наше общество, однако - в угодность мне - дал дозволение принять в оное еще до десяти человек, что я и исполнила с наистрожайшим испытанием Время течет и приносит с собою то радости, то печали.

За два года пред сим я и Дохиар, .накупивши кое-каких нужных для нас вещей в городе, в сопровождении десяти товарищей приближались уже к лесу, достигнуты был!!

командою земской полиции Началось сражение; мы разбили сопротивных, разогнали их, но Дохиар был тяжело ранен. На свите мы донесли его до сего места, где он, приняв от всего братства вторичную присягу на вер-

ность мне в неограниченном повиновении, скончался. Видишь ли у того мшистого утеса огромный яшень, у корня коего устроена церковная насыпь? Можег быть, ты не однажды отдыхал на том дерне, - так знай, что ты отдыхал на могиле Дохиаровой!

Что говорить об остальном времени? Я надеюсь, что ты столько же наслышался о делах атамана Олимпия, сколько ему врезались в память подвиги атамана Гаркуши! Теперь душа моя, мое сердце, мои мысли тебе столько известны, что можешь тотчас распределить, чему быть и чему не бывать.

- Любезная Олимпия, - отвечал Гаркуша, припавши к груди ее, - дело решено, и будет го, что угодно богу, а мы...

Он свистнул, и вмиг явился Охрим.

- Проводите невесту в мою кладовую, - сказал атаман. - Прошу тебя, моя любезная, на время, какое пробудешь здесь, одеться в платье, более свойственное твоему полу; ты окажешь тем несказанное для меня удовольствие.

Олимпия улыбнулась и пошла за Охримом. Гаркушз, оставшись один, погрузился в

глубокую задумчивость. Сам есаул Сидор, желавший с ним поговорить, видя издали властелина своего в сем замысловатом положении, не решился его беспокоить, а лучше ждать, пока прекрасная невеста выведет его из оногo.

Пан Сидор, видя, что Гаркуша не переменяет пасмурного вида, прибегнул к единственному средству его рассеять. Он начал свистать и петть так звонко, что вся шайка, бывшая в некотором отдалении, подняла ужасный хохот. Атаман, подзвав сего певчего, спросил:

- Что за причина такой неумеренной веселости?

- Что за новость? - воззвал Сидор. - Где же и повеселиться, как не на весельи [В Малороссии весельем называется свадьба. (Примеч. Нарезчого.)]?

- Это правильно, - сказал Гаркуша. - Однако веселиться можно только тогда, когда пет за нами никакого особенного дела. Хорошо ли ты все устроил и будем ли мы довольны вечерним угощением, равно как и все братство?

- О господи! - воскликнул Сидор, всплеснув

руками. - Да если бы пожаловало к нам все шляхетство с пяти соседних хуторов с женами и детьми, то все были бы довольны и пищею и напитками, а о братстве и говорить нечего. Как скоро солнце спустится за бор, то человек двадцать примутся за стряпню, а между тем в ожидании ужина я кое-чем вас позабавлю.

- Кстати, - воззвал Гаркуша. - За суетами мне не удалось тебя спросить, каким искусством ты затащил сюда священника с причтом?

- Самое простое дело, - отвечал Сидор. - Получив от тебя приказание достать священника и ввести его сюда с возможною осторожностью, я взял четырех удальцов из своего отряда и прямо отправился на известный тебе луг, где пасутся наши лошади. Отделив пару, пустились мы к выходу, где в непроницаемой труппе хранится несколько повозок. Впрягши коней в одну из них и приказав товарищам дожидаться меня лежа на траве, проворно поехал я в наше село и прямо завернул на двор попа Ериомы. Вошед в светелку, я с печальным видом сказал:

- Честнейший иерей! Пан Япько находится при смерти и имеет набожное желанно покаяться в своих прегрешениях. Благоволи, всечестный отец Ернома, сесть со мною в кибитку и с дьяком Ерохой. питому что пап Яийко хочет прсжяе отслужить молебен, и если не будет помощи, тогда уже прибегнуть к исповеди, - и отправимся на хугор.

Поп задумался и после сказал:

- Это очень хорошо, что пап твой при смерти, ибо без того никогда бы не вздумал раскисиваться, Но вот, мой свет, что очень плохо. Я довольно наслышался о пане Яцьке и несколько знаю его лично. На хутор его путь не ближний, и прогуляться по-пустому, право, невесело. Поди-ка, дружок, к товарищу моему отцу Варсонофию; он меня помоложе и легче на подъем; а я послужу дома и посмотрю, не пошлет ли милосердный бог на кого-либо из здешних прихожан лихой немощи, - так это будет поздоровее!

- О велелебный отей Ериома! - сказал я со слезами на глазах. - Тебе нельзя не знать, как приближение смерти переменяет людские нравы! Пан Япько теперь настоящий мот, ес-

ли только не грешно сим именем назвать умирающего. Вот тебе и ясное тому доказательство! - Я вытащил из кармана кошелек и, отсчитав пять рублевиков, а в сторону отложив два, сказал: - Это только задаток, отец Ериома, тебе, а это дьяку Ерохе!

У Ериомы радостью заблестали глаза. Он, с улыбкою уложив свою добычу под образами, сказал:

- Вижу, что пан Яицько не лишился еще благодати!

Пожди немного, сейчас явится и дьячок Ероха.

Он и в самом деле скоро воротился с гостем.

- Вот тебе, пан дьяк, - говорил он, указывая на рублевики, - за будущие труды, и сей молодец сказывает, что это только задаток!

- Уверяю моею честью и совестью, - говорил я набожно, - что под подушкою у пана Яицька отложено уже для твоего превелебия пять рублевиков, а для твоей чести - три.

- О, когда так! - вскричал пан дьяк с восторгом, пряча в карман деньги, - то я готов хотя за тридевять земель.

Думаю также, - продолжал он, разглаживая усы, - что домой с пустыми желудками не отпустят.

- Статочное ли дело! - вскричал я. - Вам столько предложено будет всякого съестного и питейного, что дай только всевышний силу со всем управиться!

Скоро уселись мы в кибитку, я взял вожжи, приударил коней, и они поскакали из села в поле. Отец Ериома, видя, что я, вместо того чтобы ехать по дороге в хутор, переехал ее и пустился напрямик к синевшемуся лесу, спросил торопливо:

- Хорошо ли ты знаешь дорогу?

Я отвечал, что битая дорога от весенней воды так перепорчена, что непременно опрокинемся и переломаем себе шеи; а я намерен ехать целиком. Говоря слова сии, я усердно погонял коней. Отец Ериома молчал, но дьяк Ероха был неугомонного десятка.

- Дружище! - вскричал он. - Ты и не думаешь сворачивать к хутору, а едешь все к лесу. Уже едва видна наша колокольня, а лес как на ладони, Сейчас сворачивай, или я тебе сверну шею!

Я не отвечал ни слова, а приударил лошадей и поскакал с новой силою.

- Ну, честный отец! - сказал пан Ероха вполголоса. - Чуть не в западню ли мы попались! Сворачивай! - вскричал он с бешенством. - Разве ты треокаянный - везешь духовных особ в омут, на съедение волкам, а может быть, и нечистой силе?

Я засмеялся громко и, въезжая в перелесок, хотел было начать над ними издеваться, как почувствовал сильный удар по уху; шапка далеко от головы отлетела, и обе руки дьяческие впились в мой чуб. Поп Ериома, ободренный храбростью своего дьяка, подсел ко мне и со всего размаху начал стучать по горбу. Мне, конечно, досадна была такая их невежливость, но что ж делать? Одно другого нужнее. Ни на что не смотря, я продолжал пробираться сквозь лесник, который, час от часу становясь гуще, делал дорогу с каждым шагом затруднительнее; седоки мои, видя, что дерганьем за чуб и ударами по горбу ничего не сделают, начали силиться, чтобы вырвать у меня из рук вожжи и самим уже поворачивать назад. Они и действительно - хотя и

не легко - могли бы успеть в своем намерении; но, к счастью, трущоба наша была уже не далее пятидесяти сажен. Я остановил лошадей, напряг всю крепость груди и так отчаянно свистнул, что у самого в ушах зазвенело и едва не свихнул челюстей. Вдруг привстали мои товарищи, я дал знак, и они опрометью ко мне бросились. Иереи и дьяк, догадавшись, у кого они в руках, пришли в несказанный ужас, забились в самую глубь кибитки и зажмурили глаза. Храбрецы приблизились, а на вопрос: что сделалось и для чего я остановился, я коротко объявил о нахальстве, надмною произведенном. Они хохотали и вели лошадей далее. Я, оборотясь к пленникам, с великою важностью произнес:

- Ты, честный отец Ериома, сделал великую горбу моему обиду; ты достоин наказания и был бы строго наказан, если б я не был так великодушен и мягкосердечен, а более всего подвигает меня к снисхождению то, что и мой родитель есть такой же иерей, как и ты. Но что касается до тебя, высокоименитый пан дьяк Ероха, то тебе таксе потворство грешно сделать. Я сам довольное время был

дьяком, так ты мне равный, а от равного терпеть обиды, и притом невинно - как-то со-вестно! - Проговори сии слова, я взял его бережно за пучок и наклонил голову к своим коленям; потом с расстановкою начал стучать кулаком по спине, как молотом по наковальне. Я приговаривал: - Вот видишь, честный дьяк Ероха, что значит озорничать?

Я не прежде унялся от своего занятия, как повозка остановилась у трущобы. Тогда - по совету нашему - Ериома и Ероха сошли на землю, кибитка спрятана, и мы пустились домой. Когда достигли луга, где паслись кони, то своих туда же пустили, гостям завязали глаза и, взяв каждого под руки, прибыли сюда.

Лишь только Сидор окончил рассказ о своем утреннем походе, как показалась у крыльца атаманского дома Олимпия, шедшая к шатру в сопровождении Охрима. Она одета была в розовое штофное платье; на шее висела цепь жемчужная, а черные косы, сложенные на голове в виде венца, переплетены были золотыми и серебряными лентами. Когда она вошла в ставку Гаркуши и с улыбкою к

нему приблизилась, то он не мог на нее на-смотреться, не мог удержаться, чтоб не об-нять с нежностью и не поцеловать страстно.

Солнце коснулось небосклона, и невдалеке от хат разбойничьих местах в десяти запыла-ли костры высокие, и человек с тридцать принялись за стряпню. Священник с дьяком явились под навесом. Поднялась суматоха немалая.

Стол накрыт большою скатертью, на конце коего поставлено с дюжину горящих свеч. По-лы ставки опущены; отец Ериома облачился и спросил: "Где же у вас венцы и вино?" Все стали в тупик, даже сам Гаркуша, который от-роду не бывал ни при крещеньи, ни при вен-чаньи. Он пасмурно посмотрел на есаулов, во-круг его стоявших, и спросил с негодованием:

- Чего от меня еще хотят? Всякого волош-ского вина у нас довольно; но какие то вен-цы?

- Не тревожься, атаман, - воззвал Сидор, - разве я сам не дьячествовал при отце моем? Разве не знаю, что нужно бывает при каждой духовной требе? Отец Ериома!

С помощью божиею начинай свое дело, а я

сейчас назад буду!

Он выбежал вон. Священнослужитель поставил сочетающихся у стола, на коем с сего конца лежал образ, требник, кольца и горели две большие свечи. Не успел он прочесть второй молитвы, как Сидор явился с салфеткою в левой руке и со стаканом красного вина в правой. Уложив и уставя и то и другое посередине стола, он раскрыл салфетку, и присутствующие увидели два пренарядные венца, сделанные из разноцветной фольги, перевязанной розовым шелком с такими же клеточками. Благосклонный взор атамана отблагодарил его. Священный обряд приближался к концу, и Сидор начал уже задыхаться, ибо он во время бракосочетания так нещадно драл горло, что во всем провалье слышно было. Когда Гаркуша поднес к губам стакан с вином, Сидор, приподняв полу ставки и высунув голову, закричал: "Ребята!" В один миг раздались пятьдесят голосов: "Виват! виват!" - и залп из пятидесяти ружей потряс воздух. После сего начался беглый огонь из пистолетов.

Гаркуша, облобызав - следуя словам священника - трижды свою молодую, принимал

торжественно поздравления от двух духовных и от пяти есаулов. Он, вынув из кармана два сафьяновых мешочка и подавая один отцу Ер и оме, сказал:

- Вот тебе за груди, честный иерей, двадцать рублевиков, - а другой дьяку Ерохе. - Вот тебе десять. Сегодня неудобно будет моим богатырям проводить вас восвояси.

Подождем до утра. Здесь проведете вы ночь не менее почоппо, как в домах своих. Что же, пан есаул Сидор, ты обещался в ожидании ужина кое-чем вас позабавить!

- Что обещал есаул Сидор своему атаману, - отвечал сей, делая левою ногою около себя полкруга, - - того без исполнения никогда не оставит. Милости прошу за мною!

Когда все вышли пз ставки, то Гаркуша с душевным удовольствием увидел саженьях в десяти другую, с поднятыми полами. Она освещена была великим множеством свеч. Посередине стоял стол, весь уставленный лотками с великим множеством различных сушеных плодов и разноцветными сулеями. Вне ставки сидело до двадцати певчих и музыкантов, которые, опорожнив уже одно из

стоявших перед ними трех ведер вина, с несказанным рвением подняли вопль и зазвенели на разных инструментах.

Прочие члены шайки, усевшись несколько поодаль, поставили между собой целый чан охлаждающего и веселящего напитка и скоро всем ужасным хором запели свадебные песни. Таковое веселье и после великолепный ужин продолжались до самой полуночи; после чего все собеседники, чувствуя большую потребность во сне, нежели в продолжении веселья, и пользуясь теплым весенним воздухом, разлеглись на траве, где кому случилось; Гаркуша, взяв за руку молодую жену, отправился в дом свой, и всеобщая глубокая тишина распространилась по всей пустыне.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 1

БРАЧНОЕ ТОРЖЕСТВО

Всякий легко догадается, что такое великое происшествие, каковое было бракосочетание двух разбойничьих атаманов, через целые три дня шайкою Гаркуши торжествовано было в пустыне самым блистательным образом.

С восходом солнца торжество открывалось ружейными и пистолетными выстрелами, что и заставляло новобранцев оставить свое ложе и являться к друзьям и братьям. Едва Гаркуша с Олимпиєю показывались на крыльце атаманского дома, как все толпившиеся около одного пята есаульств поднимали шумный радостный вопль и производили громкие рукоплескания. Тут в разных местах начиналось приготовление завтрака, а между тем усердные подчиненные старались увеселить своего начальника с его молодою женою музыкою, пением, пляскою, борьбою и кулачными боями. Увеселения сии с самого утра до поздней ночи непрерывно продолжались в пустыне, и для шайки ничего не могло быть приятнее, как видеть, что не только атаман Гаркуша, но и жена его без дальних околичностей вмешивались в общие игры и на кулачных боях без малейшего неудовольствия сносили пощечины и подзатыльщины: зато и сии дерзкие нахалы, попавшись в руки Олимпии, не вырывались из них с целыми носами и ушами. Такое досужество ее несказанно тешило Гаркушу.

К ночи третьего дня брачных торжеств дано было общее приказание, чтобы поутру с восходом солнца вся шайка была под ружьем и готовилась провожать молодую жену атамана с такою же почестью, с какою встречала ее за три дня в виде невесты. В урочное время Гаркуша с своею женою, одетою уже по-прежнему в мужское платье с пышным вооружением.....

ПРИМЕЧАНИЯ

Большинство произведений В. Т. Нарезного было опубликовано при жизни писателя. Исключения составляют запрещенные цензурой три последние части романа "Российский Жилблаз", роман "Черный год" и незавершенный роман "Гаркуша, малороссийский разбойник".

"Российский Жилблаз" полностью опубликован только в советское время (Нарежный В.Т. Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова. Т. 1 и 2. М, Худ. лит., 1938). Роман "Черный год" появился в печати в 1829 г. (Черный год, или Горские князя. Роман В. Т. Нарезного в четырех частях. М., 1829). Первая публикация

романа "Гаркуша, малороссийский разбойник" осуществлена Б. С. Мейлахом в антологии "Русские повести XIX века 20-х - 30-х годов", т. I. М. - Л., Худ. лит., 1950.

Наиболее полным на сегодня собранием сочинений Нарезного является издание А. Смирдина (Романы и повести. Сочинения В. Т. Нарезного. Ч. I-X. Спб., 1835 - 1836). За исключением ранних произведений писателя, запрещенных романов "Российский Жилблаз" и "Гаркуша, малороссийский разбойник" сюда вошли все сочинения Нарезного.

В советское время неоднократно издавались романы В. Т. Нарезного "Российский Жилблаз", "Бурсак", "Аристион, или Перевоспитание", "Два Ивана", "Гаркуша".

В основу настоящего издания "Слгшонских вечеров" и "Новых повестей" положены тексты прижизненных публикаций как наиболее авторитетные, просматривавшиеся самим автором. Тексты эти подготовлены в соответствии с современными нормами правописания. В отдельных случаях сохранены орфографические и синтаксические архаизмы, отражающие разговорный и литературный

ЯЗЫК ЭПОХИ.

Текст романа "Гаркуша, малороссийский разбойник" воспроизводится по первой публикации

В квадратные скобки заключены слова, неразборчиво написанные в рукописи и восстановленные по смыслу.

ГАРКУША, МАЛОРОССИЙСКИЙ РАЗБОЙНИК

Роман не закончен и при жизни Нарезного в печати не появлялся.

Писатель работал над ним, по-видимому, в последние годы жизни.

В рукописи четвертой части есть помета "17 мая 1825 г."

В 1835 г. вдова писателя обратилась в цензурный комитет с просьбой опубликовать этот роман Нарезного. В донесении цензора Л. Крылова от 9 мая 1835 г председателю Петербургского цензурного комитета князю М. А. Дундукону-Корсакову сказано: "Автор имел в виду представить, каким образом одно чувство мщениия за несправедливости и обиды может увлекать пылкого и способного человека от одного преступления к другому и сде-

лать его, наконец, злодеем. Развивая сию мысль, он описывает первоначально шалости Гаркуши, потом преступления и, наконец, злодейства, все сие изображает довольно яркими красками, и повесть имеет свою занимательность, располагает к участию, даже сожалению о главном лице, поелику злодейства, составляющие несчастье его, проистекали от обид и несправедливостей других людей. Такое направление романа может само по себе иметь вредное влияние на умы того класса читателей, для которого он предположительно назначается; но поскольку сочинение сие, доведенное автором только до половины, представлено без окончания, в котором должна заключаться и развязка повести и, может быть, именно самое направление, то я полагаю, с своей стороны, что цензура не может сделать окончательного заключения о позволительности или непозволительности такого сочинения, о духе которого нельзя верно судить за недостатком окончательных его частей" (Архив Института русской литературы АН СССР).

С рукописью первой части романа "Гарку-

ша, малороссийский разбойник" в конце прошлого века работала исследовательница творчества Нарезного И. Белозерская. В 1925 г советский исследователь В. А. Бурдин обнаружил в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде рукопись трех частей последнего романа Нарезного, Он начал активную работу по подготовке ее к печати, однако роман в то время так и остался неизданным. В переводе на украинский язык роман "Гаркуша" был опубликован в Харькове в издательстве "Рух" в 1931 году. Первая публикация на русском языке осуществлена Б. С. Менлахом в 1950 году в сборнике "Русские повести XIX века 20-х - -30-х юдов", т. I.

Главный герои романа Семен Гаркуша -- историческое лицо, предводитель крестьянской движения на Украине во второй половине XVIII в. Он родился в Белоруссии в селе Березань Мозырского повета в семье крепостною крестьянина в 1739 г, С детских лет испытал голод, лишения и панский произвол. В 1748 г. вместе с запорожцами, которые привозили продавать рыбу, он ушел из дома и ски-

тался по Украине. В 1736 г. появился в Запорожском Сечи. Принимал участие в русско-турецкой войне 1768 - 1774 гг., был ранен в 1771 г, под Хаджибеем. Посло выздоровления возглавил отряд из казаков и беглых крепостных и начал нападать на богатые украинские хутора. В 1775 г. был пойман и отправлен в Сибирь, однако вскоре бежал и вновь стал во главе отряду народных мстителей. Схваченный вторично, Гаркуша был отправлен в Москву, где его вместе с сообщниками били кнутом, вырвали ноздри и осудили на вечную каторгу в Казань. Но он вновь бежит и появляется на Украине. В 1784 г, он был схвачен в третий раз ч сослан на вечные каторжные работы в Херсон, где, видимо, и погиб.

На Украине о Гаркуше сложено множество преданий и легенд, в которых он изображается защитником простого народа, мужественным, находчивым и отважным мстителем. Неизвестный автор повести "Гаркуша", помещенной в 1831 г. в "Украинском альманахе", писал следующее: "Спросите кого хотите в Малороссии о знамениум разбойнике Гаркуше, - всякий с охотой вам расскажет все, что

только слышал о нем, и, надобно заметить, рассказы его будут оживлены веселостью совершенно особенного рода, как будто действия его ему нравятся, как будто в его поступках он принимал участие".

Сюжетная канва романа Нарезного не всегда совпадает с историческими фактами и народными преданиями о Гаркуше, однако созданный писателем образ защитника обездоленных соответствовал народным легендам и сказаниям о "справедливом разбойнике".

Текст романа "Гаркуша, малороссийский разбойник" публикуется по сборнику "Русские повести XIX века", т. I. М. - Л, Худ. лит., 1950.

С г) 2U0. ...со смирением мытаря... - В древней Иудее мытарями называли сборщиков податей для римской казны. Согласно Евангелию 437 от Марка (II; 14), мытарь Левин, прозванный Матфеем, оставил свое дело и смиренно последовал за Христом

Стр. 299. ...кармазинного цвета... - т. е. красного цвета,

Стр. 306. ...знаменитых разбойников Кортеса и Пизарпа. - Эрнап (Фернандо) Кортес

(1485 - 1547), Франсиско Писсарро (1475 - 1541) испанские завоеватели Мексики, Перу и Кубы.

Стр. 308. ...сволочь - зд.: сборище.

Стр. 309. ...сам царь Соломон не иначе рассудил бы это дело. - Имеется в виду иудейский царь Соломон, сын царя Давида, прославившийся своей мудростью.

Стр. 311. ...голосом Пилата спросил... - зд.: голосом судьи.

Стр. 314. ...приставили кустодию... - зд.: сторожа.

Стр. 321. Александр Македонский (356 - 323 до н. э.) - выдающийся полководец и государственный деятель древнего мира.

Надир Персидский (1688 - 1747) - персидский шах (1736 - 1747), прославился грабительскими походами в Азербайджан, Армению, Грузию, установил в стране режим тирании.

Атила Гунский (? - 453) - вождь племени гуннов, совершил ряд походов на Восточно-Римскую империю и Иран.

Тамерлан Татарский (1336 - 1405) - среднеазиатский полководец и завоеватель, отли-

чался необыкновенной жестокостью по отношению к завоеванным народам.

Стр. 328. Гаманные огнива - огнива, которые носили в кожаном кисете с табаком.

Стр 339 Драхвы - степные птицы.

Стр 349. Речь... Цицеронова за Милана. - Марк Туллий Цицерон (106 - 43 до н. э.) - знаменитый римский оратор, адвокат, писатель и политический деятель. В 52 г. до н. э. выступил в качестве защитника римского грибупа Милопа, убившего Клодия.

Стр. 350 Голландцы - золотые монеты.

Стр. 354. ...добродушного Аталибу, чонарха Квитского... - Агалиба последний царь Перу, задушенный по приказу испанского завоевателя Пизарро (Ппссарро) в 1532 г.

Стр 361. Консистерия - присутственное место для управления и суда в церковной епархии.

Стр. 362. Титло - в древнерусской письменности надстрочный знак, указывающий на пропуск буквы с целью ускорения письма или экономии места Слосютитло - слово, в котором пропущенная буква отметет надстрочным знаком - титлом. Ерик - буква ь (ерь). Ка-

выка - запятая Стр. 363. Минеи (Четьи-Минеи) - церковные книги для ежемесячного чтения. Патерик ("Отечник") - книга рассказов о жизни и быте монахов какого-либо монастыря.

Стр 366. ...как поступал за несколько веков счастливый Карла, чем и сделался любезным Прекрасной царевне... - Имеется в виду повесть Н. М. Карамзина "Прекрасная царевна и счастливый Карла", где рассказана история о царевне, полюбившей Карлу за его умение рассказывать сказки.

Стр 372. Амфион - герой древнегреческой мифологии, обладавший волшебным музыкальным дарованием.

Стр 377. ...прельщали его болев, нежели Александра, Ахиллеса, Карла Александр. - Александр Македонский почитал образцом воинской доблести легендарного древнегреческого героя Ахиллеса, а римский император Карл III - Александра Македонского.

Стр 385. Подобно глиняной статуе, оживленной огнем Прометеевым... Согласно древнегреческому мифу. Прометей делал людей из глины и для оживления их похитил у бо-

ГОВ с неба огонь.

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ СЛОВ

алчба - голод

бунчук - конский хвост на древке, символ власти

вежды - веки

вельми - очень

вепрь - дикий кабан

вервие - веревка

вертоград - сад

весь - село, деревня

волчец - бурьян

востекать - подниматься

выя - шея

горний - вышний

десница - правая рука

дванадесять - двенадцать

длань - рука

днесь - сегодня, сейчас

долу - вниз

дщерь - дочь

егда - когда

еже - если, которое, что

елико - сколько

зело - очень, сильно

измениться - уйти., исчезнуть
красный - красивый, прекрасный
купно - вместе
ланыты - щеки
ловитва - охота
мытарь - сборщик податей
мышца - рука
наполы - пополам, надвое
нарочитый - богатый, знатный
ниже - даже
оратай - пахарь
паки - опять, снова
паче - больше, лучше
перси - грудь
перст - палец
пременный - переменный
пря - распря, вражда, ссора
рамена - плечи
се - это, то, вот
сельный - посеянный
сонм - собрание, скопление
сретение - встреча
стогны - площади, улицы
страна - сторона
тать - вор

тьма - десять тысяч

чадо - ребенок, дитя

чело - лоб

червлёный - красный

яко - что, как

явор - роща, бор